

№ 21
244.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ АМУРСКОМЪ И ЮЖНО-УСУРІЙСКОМЪ КРАЕ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ
НА ПУТИ
ОТЪ ПЕКИНА ДО БЛАГОВѢЩЕНСКА
ЧРЕЗЪ МАНЬЧЖУРНЮ

ВЪ 1870 ГОДУ.

АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДІЯ,
НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Б. оф.
Книга имеет:

сл. карту

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка
<i>9</i>				<i>1</i>		<i>2</i>	<i>26</i>

Тип. Могилы, а. 1211, т. 50000

101

№ 21
244

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ АМУРСКІЙ И ЮЖНО-УСУРІЙСКІЙ КРАЕ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ
НА ПУТИ
ОТЪ ПЕКИНА ДО БЛАГОВѢЩЕНСКА
ЧРЕЗЪ МАНЬЧЖУРІЮ

въ 1870 году.

АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДІЯ,
НАЧАЛЬНИКА ЭКСПЕДИЦІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1872.

Изъ IV тома „Записокъ“ по Общей Географіи.

Взамен утр.
книги 57-38

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОВАРОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 л., д. № 45.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Приготовленія къ путешествію	3
30 апрѣля. Отъ Пежина до г. Тунъ-чжоу. Мостъ Па ли цю и сплавної каналъ. — Постояный дворъ въ Тунъ чжоу. — Кумирня Даванъ мяо	4
1 мая. Отъ г. Тунъ чжоу до селенія Ванъ цзюнь. Рѣка Байхэ или Юньхэ (сплавная рѣка).—Селенія Янь дяо, Манифа и Ся дянь. — Торговое мѣстечко Цзао линь. — Рѣчка Саньхэ.—Селеніе Дуань цзя линь	6
2 мая. Отъ Ванъ-цзюня до г. Юй тань сяня. Мѣстечко Инь лю и сплавная рѣка Инь лю хэ.—Гора Цуй пинъ шань.—Селеніе и гора Вѣ шань—Встрѣча съ преступниками подъ конвоемъ.—Мѣстечко Цай тинъ цю.—Свиноводство	8
3 мая. Отъ г. Юй тань сяня до мѣстечка Чженъ цзы чженъ. Мѣстечко Лянъ цзя дянь.—Рѣчка Ша лю хэ.—Г. Финъ жунь сянь. — Дурная дорога. — Гористыя мѣстности въ области Юнь пинъ фу	9
4 мая. Отъ м. Чженъ цзы чженъ до г. Юнь пинъ фу. Станція Шахэи. — Селеніе Ъ цзи то. — Гора Шау янь шань.—Деревня Ванъ фу тай. — Ши ти цзи или Каменная гѣстница.—Видъ на равнину р. Луанъ хэ.—Развалины укрѣпленія.—Г. Юнь пинъ фу	10
5 мая. Отъ г. Юнь пинъ фу до мѣстечка Шень шуй. Дорога проложенная въ гранитной скалѣ. — Мѣстечко Шуанъ ванъ.—Г. Фу нинъ сянь.—Вязы и тополи.—Селеніе Юй гуанъ	13
6 мая. Отъ м. Шень шуй до г. Лао цзюнь тунъ. Деревня Фанъ цзя дянь. — Мѣстечко Хунъ ва дянь. — Морское рыболовство.—Г. Линъ юй сянь и застава Шань хай гуанъ. — Формальности при переходѣ чрезъ границу внутренняго Китая. — Гора скорби и радости.—Кумирня въ честь именитой жены Сюй минъ цянъ и свазаніе о ней. — Оживленіе по дорогѣ.—Шаньсийци.—Остатки древнихъ укрѣпленій. — Башни Дунъ тай. — Мѣстечко Лао цзюнь тунъ	14
7 мая. Отъ м. Лао цзюнь тунъ до вр. Чжунъ хоу со. Слобода при крѣпости Цянъ со. — Крѣпость Цянъ вэй.—Военно-палатныя поселенія при династїи Минъ. — Суходольный рисъ. — Свиноводство.—Особый счетъ чохамъ.—Крѣпость Чжунъ хоу со.	22

	стр.
8 м а я. Отъ ир. Чжунъ хоу со до деревни Ганъ цао линъ. Характеръ мѣстности при рѣчкѣ Ню чжоу хэ.—Мѣстечко Ванъ хай дянъ.—Деревня Цао чжуанъ.—Городъ Нинъ ванъ чжоу . . .	25
9 м а я. Отъ дер. Ганъ цао линъ до сел. Шуанъ янъ. Мѣстечко Лянъ шанъ.—Видъ на море.—Деревни Санъ и мяо и Та шанъ.—Мѣстечко Гао дяо.—Распрсы о дорогѣ въ Маньчжурію.—Куанъ чэнъ цзы.—Горы Синъ шанъ и Сунъ шанъ.—Рѣчка Сяо линъ хэ.	26
10 м а я. Отъ сел. Шуанъ янъ до Чанъ синъ дянь. Мѣстечко и рѣка Далинь-хэ.—Тополи.—Селеніе Тулао по дянь.—Мѣстечко Ши санъ чжанъ.—Горы Ши санъ шанъ.—Хребетъ Гуанъ нинъ шанъ или Иву люй.—Сказаніе о царевнѣ Жень хуанъ ванъ	29
11 м а я. Отъ Чанъ синъ дянь до Ху цзя во пу. Ворони и сороки.—Значеніе ихъ въ исторіи Маньчжурскаго дома.—Чжунъ нанъ пу.—Горохъ и гороховое масло.—Рѣка Янъ чанъ хэ.—Трупъ странника умершаго съ голода.—Селеніе Сяо хэй шанъ.—Китайцы-Маньцзы	32
12 м а я. Отъ Ху цзя во пу до селенія Синъ минъ тунъ. Мѣстечко Банъ ла мывъ.—Дурная дорога.—Болотный рѣсь.—Мѣстечко Да бай ци пу.—Разговоръ съ сосланнымъ родственникомъ Императора.—Военныя поселенія Маньчжуровъ	34
13 м а я. Отъ селенія Синъ минъ тунъ до дер. Да ши цяо. Рѣка Ляо хэ.—Крѣпость Цзюй люхэ чэнъ.—Мѣстечко Синъ лунъ дянь.—Селеніе Лао бянь.—Вѣздъ въ Ляо дунъ.—Вѣтливое обра- щеніе туземцевъ.—Безопасность	37
14 м а я. Отъ дер. Да ши цяо до мѣстечка Да ва. Мѣстечко Таванъ.—Кумирня Бао шенъ сы.—Городъ Муцденъ.—Ку- мирня Лао ѣ мяо	40
15 м а я. Отъ м. Да ва до г. Тѣ линъ Сяня. Селеніе Цинъ ши тай.—Суевѣрный обычай при перевозкѣ покойниковъ.—Пере- валъ Хама линъ.—Встрѣча поѣзда съ преступникомъ-мусульма- няномъ.—Мѣстечко И лу.—Шаньдунскіе колонисты.—Селеніе Фанъ цзя тунъ.—Городъ Тѣ линъ сянь.—Желѣзное производ- ство.—Базары въ Маньчжуріи.—Разговоръ съ промышленникомъ бывшимъ въ Усурійскомъ краѣ	44
16 м а я. Отъ г. Тѣ линъ сяня до селенія Цзю шэ. Мѣстечко Гао ли чжанъ (т. е. Корейское).—Селеніе Сунъ цзя лунъ.—Рѣчка Цинъ хэ.—Городъ Кай ванъ сянь.—Китайскія суевѣрія	47
17 м а я. Отъ сел. Цзю шэ до м. И хэ. Мѣстечко Вэй ханъ лу.—Ивовая граница.—Формальности при переходѣ чрезъ нее.—Мянь хуа гай.—Горы Ъ хэ.—Древнее городище Ихэ хотонъ.—Мѣстечко И хэ.—Историческія судьбы страны окруженной Иво- вою изгородью	50
18 м а я. Отъ м. И хэ до дер. Сяо гу шанъ. Слобода Хо шао линъ.—Мѣстечко и рѣка Хэрсу.	54

	стр.
19 м а я. Отъ дер. Сяо гу шань до мѣстечка Иmachжань. Селеніе И тунь.—Проектъ воднаго пути между Люодунскимъ заливомъ и Амуромъ	55
20 м а я. Отъ м. Иmachжань до дер. Ву ли дань. Встрѣча съ транспортомъ осмысленныхъ. — Мѣстечко Шуань янь. — Станція Ирмынь чжань.—Встрѣча съ буддйскимъ монахомъ	57
21 м а я. Отъ дер. Ву ли дань до Да шуй хэ. Мѣстечка Ша ли хэ и И ли ци. — Замѣчанія о Маньчжурскихъ племенахъ.— Селеніе Сутунь.—Мѣстечко и рѣчка Да шуй хэ.—Служи о русскомъ пароходѣ въ Гиринь.—Слѣпой кѣвецъ	58
22 м а я. Отъ Да шуй хэ до Гирина. Характеръ мѣстности.—Перевалъ чрезъ горы Лао ф линь.—Деревня Эррѣ дао линь.—Сельское училище.—Горы Чань бо шань.—Обьясненіе ихъ названія.—Обычай относительно покойниковъ.—Набережная.—Пожаръ.—Формальности со стороны полиціи.—Недовѣріе къ европейцамъ	61
23 м а я. Гиринь. Наемъ извозчиковъ. — Служи о русской торговлѣ.—Шаньсийцы въ Маньчжуріи. — Безпорядки производимыя магометанами. — Основаніе города Гирина при Канси. — Число жителей.—Табакъ, жинь шинь и золото.—Гириньскій медвѣдь.—Ясачные инородцы	66
24 м а я. Отъ Гирина до мѣстечка Да шенъ ула (Ула гай). Мѣстечко Цяо чжань.—Переправа чрезъ Гиринь улу (Сунгари). — Встрѣча съ арестантами-магометанами. — Жемчужный промыселъ.—Разговоръ съ сосланнымъ эвнукомъ	71
25 м а я. Отъ Да шенъ ула до Фатха мынь. Военное поселеніе Вань ци тунь.—Рѣка и мѣстечко Сила хэ. — Селенія Гая хэ, Бай ци тунь и Гуця цзы. — Мѣстечко Фатха мынь. — Таможня.—Невѣжество относительно Россіи	73
26 м а я. Отъ Фатха мынь до станціи Сѣ шуй дань цзы. Селеніе Да по.—Красивыя мѣстности	75
27 м а я. Отъ Сѣ шуй дань цзы до станціи Тао дай чжоу. Селеніе Кала хэцзы. — Станція Монгу Чжань. — Селеніе Гу юй шу.—Заботливость мѣстнаго начальства о путешественникахъ.—Циркуляръ Пекинскаго министерства по поводу путешествія о. Паладіа.—Подозрительность	77
28 м а я. Отъ станціи Тао дай чжоу до селенія Тай пинъ чжуань. Небрежность Китайцевъ во время падежа скота. — Селенія Савь цзя цзы и Ву цзя цзы. — Вліяніе Китайскаго населенія въ Маньчжуріи. — Селеніе Вань фа тунь. — Маньчжурская рѣчь	80
29 м а я. Отъ сел. Тай пинъ чжуань до г. Водунь. — Усадьба Да синь дань. — Устройство постоянныхъ дворовъ.	81
30 м а я. тѣ Водунь до постоялаго двора Шуй шу инъ. Праздникъ Мо дао.—Старый Водунь.—Равнина Сунгари.—Переправа чрезъ Сунгари и Нонни.—Сліяніе этихъ рѣкъ.	83
31 м а я. Отъ Шуй шу инъ до станціи Синь джань. Входъ въ степи кочевьевъ Корлосскаго аймака. — Станція Мо синь.—	

	стр.
Колонія Юнь наньцевъ.—Монгольская дѣвица верхомъ.—Свѣдѣнія о дорогахъ	86
1 іюня. Отъ Синь джань до усадьбы Папардианъ. Селеніе Гулу.—Сельское училище.—Четырехкишіе начертанное на берестѣ.—Пріѣздъ торговца-шаньсійца	88
2 іюня. Отъ Папардианъ до ст. Воболи. Озерныя пространства.—Цѣны на лошадей.—Усадьба Вэй мао цзы.—Обо.—Станція Воболи.—Затрудненія отъ наводненій	91
3 іюня. Отъ ст. Воболи до ст. Венъ то хунъ. Одиной постоянной дворъ.—Распространеніе осѣлости въ кочевыхъ владѣніяхъ.—Вліяніе Китайскихъ выходцевъ	94
4 іюня. Отъ ст. Венъ то хунъ до ст. Тѣму дѣ хэй. Поселеніе смыльныхъ Цянь гуань ди.—Лоху	95
5 іюня. Отъ ст. Тѣму дѣ хэй до г. Цицихара. Селеніе Самъ цзя цзы.—Селеніе Ухума.—Вѣздъ въ Цицихаръ.—Смыльные.—Магометане	97
6 іюня. Цицихаръ. Образцовый воевода.—Бутхани.—Колонія смыльныхъ.—Чулханъ или сѣздъ Бутханей	99
7 іюня. Отъ Цицихара до селенія Тахаръ. Военное поселеніе Ма цзя гань	101
8 іюня. Отъ с. Тахаръ до ст. Ниннянь. Переправа чрезъ протокъ Нонни.—Характеръ Ноннійской визменности.—Усадьба Са цзянь цзы.—Селенія новыхъ Маньчжуровъ.—Селенія Солоновъ.	102
9 іюня. Отъ ст. Ниннянь до селенія Лаха. Мѣстечко Эрръ ши ли цзя цзы.—Солоны	105
10 іюня. Отъ с. Лаха до ст. Бурдѣ. Характеръ мѣстности.—Станція Хэ нань.—Трудный переѣздъ на ст. Бурдѣ.—Болота.—Переправа чрезъ р. Намэръ	107
11 іюня. Отъ ст. Бурдѣ до ст. Илха. Рѣчка Лао дай хэ.—Станція Камника.—Длинный валъ.—Растительность	109
12 іюня. Отъ ст. Илха до г. Мѣргѣня. Деревья Бань цю.—Вулканическія мѣстности.—Селеніе Цянь гуань ди.—Селеніе Хоу гуань ди.—Вѣздъ въ Мѣргѣнь.—Распроси со стороны мѣстнаго начальства.—Крѣпость.—Дешевизна продовольствія.—Бумажныя деньги.—Обзоръ границы.—Этнографія Маньчжурія.—Солоны и Дахуры.—Происхожденіе имени Соловъ.—Барху.—Ороньчо.—Виларъ.—Дацзы.—Ороньчо Бутхани.—Валъ Урвэ	111
13 іюня. Отъ Мѣргѣня до ст. Король. Усадьба Сы ши лихэ.—Гористая мѣстность	118
14 іюня. Отъ ст. Король до ст. Калтарии. Болотистая мѣстность.—Рѣка Король.—Гора И цзы шань.—Рѣчка Ши тау хэ цзы.—Станція Монахэ.—Свободные переселенцы изъКитайцевъ.	120
15 іюня. Отъ ст. Калтарии до ст. Кумуръ. Переваль чрезъ хребетъ Хилъ ань.—Кумирня на вершинѣ перевала	122
16 іюня. Отъ ст. Кумуръ до кумирни Лаоъ мао. Станція Эйиръ.—Трудный переѣздъ.—Кумирня.—Хребетъ Куанъ анъ линь.	124

17 іюня. Отъ жумирни Дюоъ мао до Благовѣщенска.	СТР.
Спускъ въ Амурскую равнину. — Селеніе Турби. — Рѣчка Гунъ	
бѣ.—Станція Хэлунъ цзанъ чжанъ.—Айхунь.—Переправа чрезъ	
Амурь.—Городище Айху.—Переправа чрезъ Зею	126

... ..
... ..
... ..
... ..

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ

НА ПУТИ

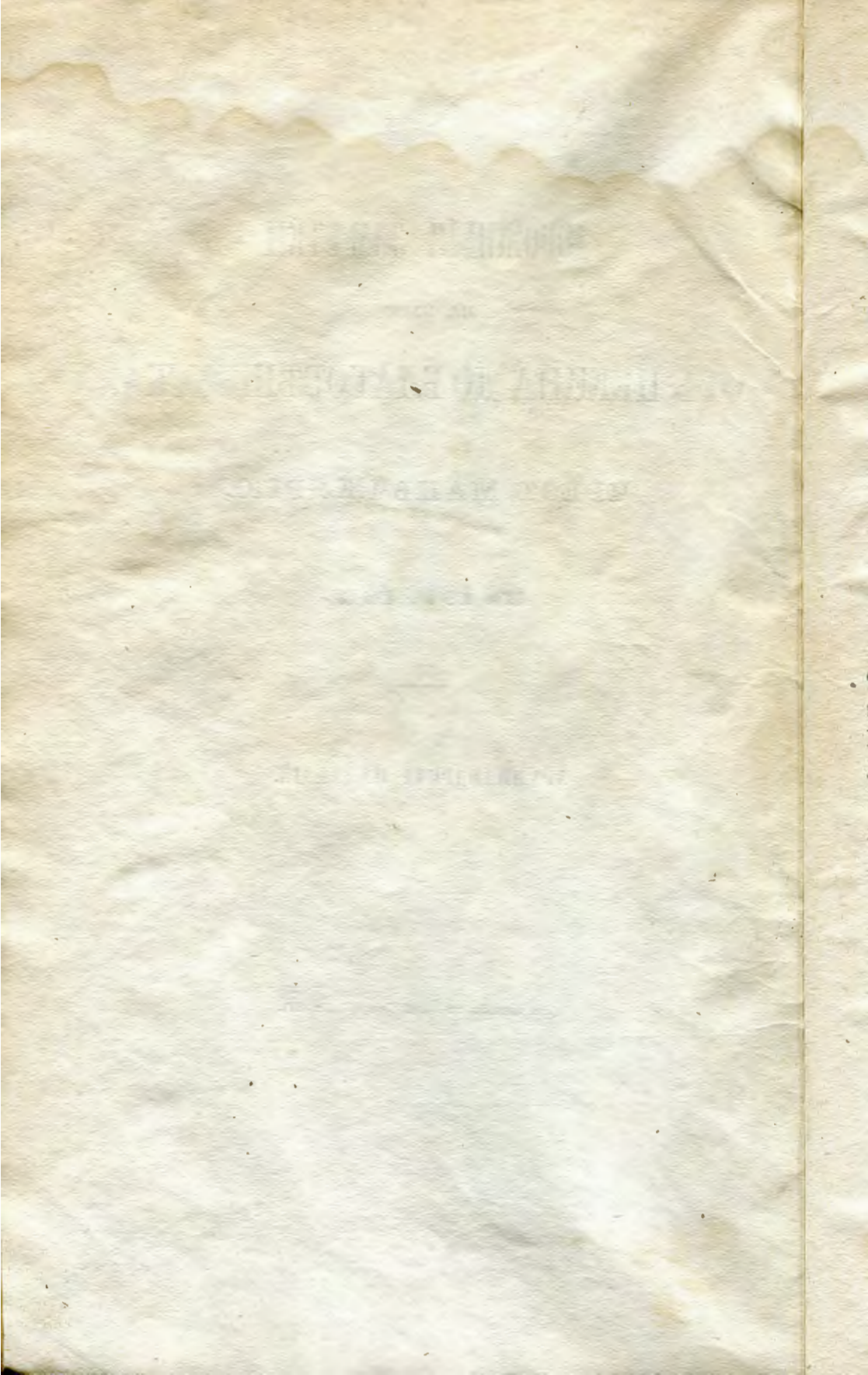
ОТЪ ПЕКИНА ДО БЛАГОВѢЩЕНСКА,

ЧРЕЗЪ МАНЬЧЖУРІЮ,

въ 1870 году.

АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДІЯ.

(Изъ записокъ по Общей Географіи, т. IV).

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ
НА ПУТИ
ОТЪ ПЕКИНА ДО БЛАГОВѢЩЕНСКА,
ЧРЕЗЪ МАНЬЧЖУРІЮ,
въ 1870 году.
АРХИМАНДРИТА ПАЛЛАДІА.

По порученію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, я предпринялъ путешествіе въ Южно-усурійскій край, для археологическихъ и этнографическихъ изысканій. Изъ дорогъ, которыми можно было достигнуть этой страны, я предпочелъ самую дальнюю, именно на Муьдень, Гиринь Цицихъръ и Айхунь, въ Благовѣщенскъ, откуда есть пароводное сообщеніе до Ханхайскаго округа; по другимъ дорогамъ (чрезъ Восточную Монголію и на Нингуту), я долженъ былъ бы или ѣхать на легкѣ, — что для меня было невозможно, или дожидаться зимняго времени. Со мною было два спутника: топографъ Н. и мой домочадецъ, М., православный христіанинъ изъ Китайцевъ. Певинское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, или Цзунъ ли ймынь, вслѣдствіе обязательнаго сношенія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Пекинѣ, выдало для меня охранный листъ (Хучжао), какъ водится, съ печатью Пекинскаго Губернскаго Управленія (Шунъ тянь фѹ); въ этомъ листѣ было прописано, чтобы мнѣ не чинили никакихъ препятствій во время проѣзда мо-

его чрезъ Мукденское, Гиринское и Цицихарское воеводства, равно во время путешествія по границѣ Амура и Усури; при этомъ, два раза выговорено было, чтобы по возвращеніи въ Пекинъ, я возвратилъ охранный листъ въ Цзунъ ли ймынь. Въ знакъ особеннаго вниманія, слова о безпрепятственномъ пропускѣ меня, чрезъ заставы, очеркнуты были киповарною тушью. Мой домочадецъ, М., выхлопоталъ для себя изъ Шунъ тянь фѹ особый билетъ, въ которомъ не только предписывалось давать ему свободный пропускъ, но даже грозили преслѣдовать, по всей строгости законовъ, всякаго, кто осмѣлился бы затруднять его слѣдованіе со мной.

Не безъ причины удивлялся я необыкновенной предупредительности Пекинскихъ властей; передъ тѣмъ, дошелъ до меня слухъ, что Цзунъ ли ймынь, по постороннимъ внушеніямъ, возимѣлъ подозрѣнія относительно цѣли моей поѣздки, особенно въ такую пору, когда въ Монголіи только что возникли беспорядки, въ Маньчжуріи также было не совсѣмъ спокойно и наконецъ былъ въ ходу вопросъ о нашемъ правѣ плаванія по Сунгари улѣ и доступа въ Нингуту.

Изъ Пекина пролегаетъ большая дорога въ Гиринь; до этого пункта я нанялъ пять китайскихъ возковъ, или крытыхъ одноколокъ, для каждаго изъ насъ троихъ по одной, и двѣ для общаго багажа. М. прикрѣпилъ къ возкамъ желтые треугольные значки, съ которыми обыкновенно путешествуютъ здѣсь чиновные люди; надпись гласила, что ѣдетъ нѣкто, принадлежащій Великому Русскому Государству. На канунѣ нашего отъѣзда, какъ и за день до него, выпалъ сильный дождь, послѣ продолжительной засухи; наши вошки видѣли въ этомъ добрый знакъ, — предвѣстіе благополучнаго путешествія.

30 апрѣля.

Въ этотъ день переѣздъ нашъ былъ только до Тунъ чжоу. Рано утромъ мы выѣхали чрезъ ближайшія къ на-

шему Сѣверному подворью сѣверо-восточныя ворота Пекина, Дунъ чжи мынь; отсюда ведетъ въ Тунъ чжоу проселочная дорога, черезъ деревни и пахатныя поля; прямой же трактъ пролегаетъ южнѣе, по устланной камнями дорогѣ. Воздухъ, послѣ дождя, былъ чистъ и свѣжъ; западныя и сѣверныя горы скрывались въ утреннихъ парахъ; впереди простиралась безграничная равнина, зеленѣвшая отъ хлѣбныхъ всходовъ. Мы миновали мостъ Па ли цю, устроенный чрезъ хлѣбосплавный, со шлюзами каналъ, который проведенъ отъ Пекина до Тунъ чжоу; для доставленія оброчнаго хлѣба въ столицу; мостъ этотъ знаменитъ не по одной битвѣ Англо-Французовъ съ княземъ Сэнгэринъ цинемъ; онъ издавна, ранѣе воцаренія нынѣшней династїи въ Китаѣ, славился своею крѣпостію и мѣдными скрѣпами; каналъ, который въ иную пору почти высыхаетъ, во время дождей превращается въ быструю рѣку. Отъ моста до Тунъ чжоу 8 ли, отчего и мостъ получилъ свое названіе. Вскорѣ завидѣли мы ярусную буддійскую башню въ Тунъ чжоу, которая видна и съ западныхъ Пекинскихъ горъ, и затѣмъ вѣхали въ огромный постоялый дворъ, съ скромнымъ помѣщеніемъ, огороженнымъ особой глиняной стѣнкой; по торговымъ трактамъ въ Китаѣ, гостиницы и постоялыя двory, собственно, назначены для остановки и ночлега вoзoвъ и вьючныхъ скотовъ; требовать опрятныхъ помѣщеній, или другихъ удобствъ, было бы не разумно; правда въ нѣкоторыхъ гостиницахъ есть особыя, относительно удобныя помѣщенія, отдѣленные отъ общаго двора красивой сквозной стѣнкой изъ кирпичей; но вблизи большихъ городовъ, они не доступны для частныхъ лицъ и назначены для проѣзжающихъ мадаринoвъ высокаго ранга; извоики называютъ такія помѣщенія Хуа цянъ (рисованной стѣнкой), или Гуанъ тинъ (чиновнической комнатой). Постоялый дворъ находился верстахъ въ двухъ на сѣверъ отъ Тунъ чжоу. Вечеромъ, я былъ въ кумирнѣ Даванъ-мяо, находящейся въ восточномъ предмѣстїи города;

предмѣстіе тянется по набережной, вдоль пекинскаго канала, почти вплоть до впаденія его въ рѣку Байхэ; по случаю маловодья въ каналѣ, проведенъ былъ въ него, съ верховья Байхэ, особый протокъ; въ это время, дѣятельно производилась нагими кѹли, разгрузка судовъ съ казеннымъ рисомъ, которая совершенно загроудила каналъ. Въ Даванъ мяо съѣхались мои Пекинскіе друзья проститься со мной. Кумирня эта, посвященная духу-покровителю хлѣбосплавной рѣки, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить складочнымъ мѣстомъ для чаевъ одного русскаго купеческаго дома въ Тянь цзинѣ; чай, доставляемые сюда изъ Тянь цзиня на лодкахъ, отправляются далѣе, въ Канганъ, на верблюдахъ, вьюками; кромѣ этого, въ томъ же предмѣстїи, русскіе купцы завели еще два складочныхъ мѣста. Всѣ европейцы, проѣзжающіе между Тянь цзинемъ и Пекиномъ, обыкновенно останавливаются въ Даванъ мяо, какъ самое удобное и лучшее помѣщенїи. По возвращенїи въ гостинницу, я нашелъ весь дворъ ея загроможденнымъ телегами съ сорго и мелкимъ просомъ, назначеннымъ для ввоза въ Пекинъ.

1 мая.

Отправившись изъ гостинницы, мы оставили Тунъ чжоу направо и вскорѣ переѣхали протокъ р. Байхэ, проведенный въ Тунъ чжоу; черезъ протокъ устроенъ временный накидной мостъ, на сваяхъ, устланный гатью и сверху покрытый соломой съ глиной; потомъ переѣхали, такимъ же мостомъ, черезъ р. Байхэ, повыше соединенія ея съ Тунчжоусскимъ каналомъ; въ эту пору, вода была въ убыли и, вмѣсто перевоза, устроенъ былъ временный мостъ. Байхэ, т. е. Бѣлая рѣка, называется большею частію Юнь лянъ хэ (хлѣбосплавной рѣкой), или просто Юньхэ (сплавной рѣкой); это названіе она сохраняетъ до Тянь цзиня; тамъ же принявъ въ себя старый, или Императорскій, каналъ, она на-

ывается, до самаго впаденія въ море, Хай хэ, или Морской рѣкой; по ней, вверхъ, доставляется не только казенный хлѣбъ въ Тунъ чжоу, но также провіантъ въ гарнизонъ горной заставы Губэй кю, пункта нѣкогда важнаго, потому, что тутъ пролегала дорога въ лѣтнюю резиденцію Маньчжурскихъ Императоровъ, Жо хэ. До сихъ поръ, тамъ квартируетъ значительный отрядъ войскъ и имѣетъ пребываніе главный начальникъ (Тй ду) собственно-китайскаго войска Чжилійской провинціи. По другую сторону рѣки, простираются бугры сыпучаго песку; за ними, мы проѣхали жилищныя селенія Янь цзяо, Мацифа и Ся динь; во всѣхъ этихъ мѣстечкахъ были шумныя и оживленныя базары и устроены театры, по случаю праздниковъ китайской 4-ой луны; по дорогѣ шли нарядно одѣтые крестьяне и крестьянки и брели слѣпые нѣвцы (сянь шень), съ тамбуринами и флейтами; слѣпцы эти необходимая принадлежность каждаго народнаго праздника, какъ и театр; они пользуются въ народѣ уваженіемъ и считаются чуть не вѣщими. Мы постоянно ѣхали по открытой равнинѣ; въ туманной дали, на с.-в., стали показываться горы; остановились, для завтрака и корма муловъ, въ торговомъ мѣстечкѣ Цзяо линь (Жужубовая роща). Поднявшись съ мѣста роздыха, мы переѣхали, накиднымъ мостомъ, черезъ рѣчку Сань хэ (трехрѣчіе — такъ названа потому, что имѣетъ три истока), чистую и глубокую; у береговъ ея стояло нѣсколько лодокъ; рѣчка вытекаетъ изъ сѣверныхъ горъ, которыя здѣсь вблизи; лѣвый берегъ ея гораздо выше праваго. Черезъ часъ мы проѣхали длинное селеніе Дуань цзя линь, расположенное при горѣ того же имени; дорога усѣяна была галькой и щебнемъ. Отсюда далѣе, горы удаляются на с.-в., отбрасывая на югъ отроги. На с.-в. должны быть горы Пань шань; но онѣ скрывались въ туманѣ облакавшемъ горный хребетъ. Мы остановились, на ночевье, въ мѣстечкѣ Бань цзюнь (на повомъ атласѣ Кит. имперіи Бань цзюнь). Хозяинъ гостиницы оказался

дядею извѣстнаго эвнуха Сяо ань, любимца Императрицы, недавно казненнаго за самоуправство и безчестіе. Человѣкъ онъ очень богатый и содержитъ превосходную кухню.

2 мая.

Утромъ мы ѣхали по живописнымъ мѣстамъ до мѣстечка Инъ лю, при которомъ переѣхали мостомъ черезъ рѣчку Инъю хэ (осѣненная ивами); она называется иначе Цзи юнь хэ, или сплавной рѣкой въ городъ Цзи чжюу, который остался у насъ влѣвѣ; по ней доставляютъ провіантъ для охранныхъ отрядовъ, расположенныхъ при восточныхъ императорскихъ кладбищахъ. Сѣверныя горы были въ виду; нижніе уступы ихъ, изъ красной глины, видѣлись рѣзко. Мы проѣхали мимо красивой горы Цуй пинъ шань (лазоревоу щитъ), на вершинѣ которой видна была кумирня. Почва здѣшнихъ горъ красноглинистая; при подошвѣ ихъ, камней очень мало, и скаты падей и ущелій прорѣзаны, сверху до низу, каменными слоями, съ необыкновенной симметриею. На равнинѣ повсюду почва добрая, земледѣліе процвѣтаетъ и населеніе сплошное. Мы остановились для отдыха въ селеніи Бѣ шань, расположенномъ при горѣ этого имени; гора стоитъ отъ другихъ отдѣльно, — отчего и получила свое наименованіе. Мы застали въ селеніи необыкновенное стеченіе народа, по случаю праздничнаго времени и театра. Отъ Бѣ шань мы огибали выступы сѣверныхъ горъ и дважды проѣхали у самой подошвы ихъ; здѣсь попались намъ навстрѣчу двѣ телеги съ преступниками, подъ конвоемъ мѣстной милиціи, вооруженной палками; на каждой телегѣ сидѣло по три узника, въ однихъ рубахахъ, съ открытыми головами; одинъ изъ нихъ былъ въ красной рубахѣ, — знакъ, что то былъ убійца; ноги ихъ были въ колодкахъ. Далѣе, по дорогѣ, то избитой, то грязной, мы съ трудомъ доѣхали до мѣстечка Цай тинъ цяо (мостъ съ изукрашеннымъ навильономъ); никакого навильона здѣсь не было; мостъ же

исковерканъ временемъ. Къ вечеру мы прибыли къ уѣздному городу Юй тянь сянь; мы обогнули красивыя и исправныя стѣны его съ юга, и остановились въ длинномъ восточномъ предмѣстьи его. Отсюда горы опять удаляются на с.-в. Юй тянь значитъ нефритовое поле; но городъ стоитъ на песчаной равнинѣ. Здѣсь добывается наждакъ. Въ переѣздъ этого дня мы встрѣчали по дорогѣ множество воевъ съ хлѣбомъ и свиньями; чѣмъ далѣе подвигались мы на востокъ, тѣмъ въ большемъ процвѣтаніи замѣчали свиноводство; свиньи гонятся въ Пекинъ стадами, или везутся въ рыдванахъ, связанныя и нагроможденныя одна на другую; послѣднія, какъ воспитанныя съ большимъ раченіемъ, цѣнятся гораздо дороже пригонныхъ.

3 мая.

Съ 5 ч. утра небо было туманно и воздухъ сыръ; погода была переменна до полудня; затѣмъ прояснилось. Не вдалекѣ отъ Юй тянь сянь, мы переѣхали, по каменному мосту, черезъ рѣчку, почти стоячую и поросшую травой; попалось также множество муловъ и ословъ, которыхъ вели на продажу, и тащились телеги съ грузомъ простой писчей бумаги; всѣ эти произведенія доставлялись изъ Луань чжоу, который отъ тѣхъ мѣстъ былъ не слишкомъ далеко. Въ мѣстечкѣ Лянъ цзя дянь мы переѣхали черезъ быструю рѣчку, затѣмъ—другую, песчаную, Ша лю хэ, и остановились, для роздыха, въ южномъ предмѣстьи уѣзднаго города Фынъ жунь сянь; городокъ незначительный и ветхій; дорога сюда пролегаетъ по низменнымъ мѣстамъ и чрезвычайно дурна; но почва должна быть добрая, судя по названію уѣзда (Фынъ жунь — тучный, плодородный). Отъ города далѣе начинается мѣстность гористая, составляющая отличительный характеръ области Юнь пинъ фу. Мы ѣхали сначала по сыпучему песку, потомъ стали подниматься на горный перешеекъ, сое-

двигавшей сѣверныя горы съ южнымъ краемъ, или отрогомъ; затѣмъ пошли спуски и подъемы; дорога была опасная, около овраговъ и промоинъ, съ крутыми поворотами, часто на какую-нибудь четверть отъ пропасти, футовъ въ 50 (15 м.) отвѣсной высоты; дожди подмыли и продолжаютъ подмывать красноглинистыя террасы, по которымъ пролегаетъ дорога; ночью, или въ дождливую погоду, проѣздъ здѣсь въ экипажахъ невозможенъ. Во время недавнихъ смуть, произведенныхъ военными разбойниками въ Маньчжуріи, часть ихъ проникла, горными тропами, въ здѣшнія мѣста; ночью они грабили, а днемъ скрывались въ лабиринтъ овраговъ. Спускъ съ этого горнаго перевала былъ длинный, каменистый и чрезвычайно трудный, вплоть до самаго мѣстечка Чжень цзы чжень, гдѣ мы остановились ночевать; мѣстечко большое и опрятное; по сторонамъ главной улицы устроены троттуары. Названіе его значитъ: слобода лецинныхъ орѣховъ, хотя такихъ орѣховъ здѣсь не находится; вѣроятно здѣсь, въ старину, былъ складъ этихъ орѣховъ, вывозимыхъ обыкновенно изъ Маньчжуріи. Въ здѣшнихъ горахъ много извести, но каменнаго угля нѣтъ.

4 мая.

Отъ Чжень цзы чжень, мы ѣхали по долинѣ, окруженной далекими горами; близь мѣстечка извивался горный ручей; дорога была изрыта и невыносима; повсюду красноглинистая почва; покидая долину, мы переѣхали черезъ горный перешеекъ. Погода сначала стояла туманная; потомъ стало проясняться и подулъ с.-в. вѣтеръ. Для рывыха, остановились на станкѣ Шахэи (станція песчаной рѣки); рѣки здѣсь нѣтъ, а есть песчаная ложбина. Далѣе мы ѣхали по сыпучему песку вплоть до селенія Ё цзи тѣ, расположеннаго близь сопки этого имени (значитъ фазанья сопка); дорога незамѣтно приближалась къ южному горному краю; по

вершинѣ его тянется цѣпь холмовъ, въ видѣ кургановъ, на которыхъ видны слѣды древнихъ маяковъ. На сѣверъ отъ дороги, сквозь пыльный туманъ, видѣлись отдѣльныя сопки и между ними гора Шау янъ шанъ, гдѣ построена кумирня, въ честь доблестныхъ Бой и Шуцѣ, древнихъ мудрецовъ, братьевъ, удалившихся сюда и достигшихъ безсмертной юности; изображенія ихъ, въ видѣ двухъ мальчиковъ, въ большой модѣ у Китайцевъ. На песчаныхъ полосахъ, по сторонамъ дороги, росли густыя и сплошныя плантаціи фруктовыхъ деревьевъ; въ особенности выдавалась яркая зелень сливовыхъ деревьевъ. Оттуда, мы поднялись къ деревнѣ Ванъ фу тай (терраса, съ которой виднѣнъ городъ, т. е. Юнъ пинъ фу). Далѣе, черезъ увалы, мы достигли края-края, гдѣ онъ оканчивался обрывистымъ спускомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Каменной лѣстницы (Ши тѣ цзы); надъ спускомъ воздымается крутой холмъ, на вышкѣ котораго рисуются остатки древняго укрѣпленія, — три, или четыре квадратныя башни, или высѣченныя изъ скалы, или, отъ времени, ссѣвшіяся въ плотную массу; нѣсколько пониже укрѣпленія, идетъ терраса кругомъ холма, также, вѣроятно, высѣченная въ скаль. Дорога здѣсь круто спускается, по каменному склону, прямо на песчаный бассейнъ рѣки Ланъхэ (правильнѣе — Луанъхэ). Съ вершины этого спуска представился поразительный видъ; впереди и по сторонамъ разстилалась песчаная равнина, обозначавшая бассейнъ Ланъхэ; сверху, мрачныя развалины господствовали надъ окрестностями. Несомнѣнно, что первыя основанія этой твердыни положены еще въ тѣ времена, когда Китайское племя, подвигаясь на с.-в., должно было отстаивать пріобрѣтенія свои отъ натиска горныхъ племенъ (Шанъ жунъ). Положеніе укрѣпленія очень удачное; господствуя надъ долиной, оно опоясывается рѣкою Ланъхэ, которая здѣсь принимаетъ въ себя другую рѣку, Цинъхэ (правильнѣе Цинъ лунъ хэ); со внутреннею стравною оно соединяется цѣпью маяковъ. Сильный вѣтеръ поднималъ песокъ и застилалъ не только

даль, но и городъ Юяъ пинъ фу, расположенный по ту сторону двурѣчья; это придавало много дикаго величія и угрюмымъ башнямъ, и песчаной равнинѣ. Переѣхавъ въ бродъ два рѣчныхъ протока, мы проѣхали потомъ накиднымъ мостомъ черезъ Ланьхэ; вода ея прозрачная и течетъ быстро; ширина ея около 150 м. (70 саж.); отъ Ланьхэ до Циньхэ шли поемныя мѣста; черезъ Циньхэ мы переѣхали также накиднымъ мостомъ; рѣка эта гораздо меньше Ланьхэ и протекаетъ близъ самаго города. Городъ небольшой, но укрѣпленный, расположенъ при подошвѣ каменистыхъ возвышеній, черезъ которыя мы должны были переправляться. Мы остановились въ южномъ предмѣстіи города, расположенномъ на террасѣ берега. Только что мы успѣли расположиться въ гостинницѣ, какъ явился къ намъ Бошко (низшій военный чинъ), отъ коменданта крѣпости, навѣдаться о проѣзжающихъ; Бошко передалъ намъ, что здѣсь обычай освѣдомляться о проѣзжихъ особахъ высшихъ степеней и о всѣхъ, слѣдующихъ въ Шаньхай гуань, иностранцахъ, для того чтобы предварительно посылать извѣстіе въ эту крѣпость, въ предупрежденіе недоразумѣній. Мы показали ему листъ Цзунъ ли ямыня; полуграмотный Бошко не много понялъ изъ этого документа о моей личности; въ листѣ названъ былъ я Да шень фу, именемъ, составленнымъ искусственно христіанскими вѣропроповѣдниками, для лицъ моего сана; людямъ, не знакомымъ съ китайско-христіанскою терминологіею, этотъ титулъ казался чрезвычайно страннымъ; такъ показался онъ и Бошко; онъ понялъ въ этомъ названіи великаго отца духовъ и, повидимому, смотрѣлъ на меня, какъ на какогонибудь даосскаго архимага, Чжанъ тянь шй; куда, и для чего я ѣду, онъ рѣшительно не понялъ. Впрочемъ, комендантъ и не нуждался въ объясненіи; ему желательно было только удостовѣриться въ тождествѣ лица, о которомъ онъ уже былъ извѣщенъ циркуляромъ изъ Цзунъ ли ямынь. Вечеромъ, посѣтилъ насъ слѣпой артистъ съ гитарой, въ

сопровожденія двухъ малолѣтнихъ пѣвцовъ, чтобы пропѣть намъ благопожеланія въ предстоящемъ пути; эти пѣвцы докучали намъ на каждой станціи. Поздно ночью, въ гостиницу пришелъ посланецъ отъ командира квартирующаго здѣсь полка изъ Китайцевъ (Луинъ), также для собранія свѣдѣній о насъ, но долженъ былъ удовольствоваться краткими словесными объясненіями моего домочадца.

Юнь пинъ фу, какъ пунктъ въ сѣверовосточномъ углу собственнаго Китая, съ глубокой древности былъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ военномъ отношеніи; область его гориста и камениста; поэтому жители ея, не находя достаточно продовольствія на непродводительной почвѣ, вынуждены прискрывать себѣ другія средства жизни; подобно Шаньсийцамъ и Шаньдунцамъ, тѣснимымъ тѣми же мѣстными условіями, они во множествѣ переходятъ въ Маньчурію, преимущественно для торговли. Область Юнь пинъ фу, на востокѣ, служитъ границею того, что, въ оффиціальномъ слогѣ, называется Цзинъ дунъ, т. е. страной на в. отъ столицы; страна эта извѣстна своимъ плодородіемъ, разведеніемъ скота и строевымъ лѣсомъ, и при нуждѣ доставляетъ немаловажное подспорье продовольствію столицы.

5 мая.

Отъ Юнь пинъ фу далѣе идутъ каменистые увалы; дорога просѣчена въ гранитной скалѣ и бываетъ такъ узка, что и пѣшему нельзя разойтись съ экипажемъ; случалось проѣзжать такимъ корридоромъ съ полверсты; удивительно, что встрѣчи съ другими экипажами въ этихъ тѣснинахъ не случалось, хотя трагтъ былъ единственный; правда, въѣзжая въ нихъ, наши извозчики громко кричали, подавая знакъ на противоположный конецъ; но не вездѣ голосъ ихъ могъ быть слышенъ. Затѣмъ, мы проѣхали мѣстечко Шуанъ ванъ, близъ котораго на югѣ стоятъ двѣ сопки, одна противъ дру-

той; отчего, вѣроятно, мѣстечко и получило названіе (шунань ванъ: смотрѣть другъ на друга). Оттуда мы проѣхали горное ущелье, потомъ песчаную ложбину, по которой протекаетъ рѣчка Янъ хэ; и вскорѣ прибыли въ уѣздный городъ Фунинъ сянъ; въѣхали въ городъ сѣверными воротами, выѣхали восточными и остановились въ восточномъ предмѣстїи; городокъ показался мнѣ опрятнымъ, но населеніе и торговое движеніе не значительнымъ. Не вдалекѣ отъ города, на ю. и на с., есть горы и горки; верстахъ въ 8 на сѣверѣ воздымается темный и дикій хребетъ. Отъ Фунинъ сянъ мы ѣхали по уваламъ, постоянно имѣя въ виду высокій хребетъ на сѣверѣ; дорога была выбита и тряска; только оси и колеса китайскихъ экипажей въ состоянїи выдерживать подобную ѣзду; наши вещи бились, ломались и терлись, такъ что пришлось много изъ нашего багажа выбросить, какъ ненужный балластъ. По деревнямъ попадалось много плоскихъ крышъ на домахъ, — признакъ близости Маньчурїи. Верблюдовъ давно уже не было видно. Вязы (юй шу) растутъ здѣсь во множествѣ; много также тополей (янъ шу); изъ того и другаго дерева здѣсь готовятъ строительный лѣсъ, который, вѣроятно, доставляютъ моремъ въ Тянь дзинъ; море же отсюда не далеко, въ 30 ли. По дорогѣ, мы проѣхали Юй гуанъ (вязовая застава), селеніе, обильное вязами и расположенное близъ горъ; на ночевье остановились въ мѣстечкѣ Шень шуй (глубокая рѣчка; на атласѣ Шень хэпу); оно стоитъ при западной подошвѣ одного длиннаго холма. Весь день погода была ясная, но съ постояннымъ вѣтромъ.

6 мая.

Сегодня должно было кончиться наше путешествіе по внутреннему Китаю. Съ ранняго утра мы отправились по волнистой мѣстности, чрезъ овраги и увалы; у деревни Фань цзя дянъ мы усмотрѣли на сѣверѣ хребетъ, который окан-

чивался на востокъ сопкой; далѣе ничего не было видно. Плантаціи деревь стали рѣдки, — признакъ маловаселенности; въ лощинахъ лежалъ смучій песокъ; овраги и промоины въ красноглинистой почвѣ попадались во множествѣ. Погода была тихая и туманная. Съ нами ѣхалъ, верхомъ, тотъ самый Бошко, который былъ у насъ въ Юнъ пинъ фу; онъ везъ въ Шаньхай гуань извѣстіе о моемъ слѣдованіи и отъ мѣста роздыха поѣхалъ впередъ насъ. Мы остановились въ мѣстечкѣ Хунъ ва дянъ. Хозяинъ гостинницы сообщилъ намъ непріятное извѣстіе, что въ Маньчжуріи, за рѣкою Да линь хэ, хлѣбъ и фуражъ вздорожали чрезвычайно, по случаю неурожая; неурожай же былъ въ слѣдствіе безвременныхъ дождей осенью прошлаго года, погубившихъ озимые посѣвы. — Главный промыселъ въ здѣшнемъ краю есть рыболовство въ морѣ; производится оно въ широкихъ размѣрахъ, со взносомъ оброка за каждый неводъ, которымъ дѣйствуютъ до 200 человекъ. Отъ мѣста роздыха мы направились къ Шань хай гуанъ, также по волнистой мѣстности; съ послѣдняго возвышенія мы увидѣли впереди песчаныя и щебнистыя полосы и за ними легкій спускъ отъ края сѣвернаго вряжа на югъ, по направленію къ морю; по срединѣ этого низменнаго склона, или увала, обозначились высокія, но ветхія, ворота уѣзднаго города Линь юй сянъ, при которомъ расположена застава; вблизи города мы переѣхали въ бродъ быструю и чистую рѣчку Шитоу хэ (каменистая); въ старину она называлась Юй хэ (вязовая), отчего и городъ получилъ названіе Линь юй, т. е. стоящимъ на рѣчкѣ Юй. Застава прилегаеть къ городу съ восточной стороны, поэтому мы должны были проѣхать весь городъ; минуя мазанки, мы сначала вѣхали, особыми воротами, въ предмѣстіе города, довольно значительное, потомъ, другими, въ самый городъ; онъ обведенъ высокою и толстою стѣною; длинная улица, по которой мы ѣхали, представляла оживленный рынокъ; видно было что это городъ населенный и торговый, — чего нельзя

было думать по пустыннымъ его окрестностямъ. Среди города мы проѣхали подъ сводами башни, затѣмъ выѣхали восточными воротами, при которыхъ устроена таможня; за воротами, чрезъ широкій обводный каналъ построены большой каменный мостъ; на немъ стоялъ, въ форменномъ одѣяніи, таможенный чиновникъ; не останавливая насъ, онъ заглянулъ въ каждый изъ нашихъ возковъ, и только; съ моста мы прямо въѣхали на площадку заставы, огражденную съ трехъ сторонъ высокою стѣною; на сѣверной сторонѣ стоитъ открытое на югъ зданіе, Тинъ, въ которомъ возсѣдалъ Фанъ юй, или Гуаньда (пограничный комиссаръ); нѣсколько низшихъ мандариновъ чинно стояли на галлерей имня; по площадкѣ прохаживался, взадъ и впередъ, прилично одѣтый, дежурный стражъ; глубокая тишина царствовала въ этомъ уголкѣ; когда наши возки въѣхали на площадку и остановились, стражъ торжественно произнесъ: остановитесь! Мой домочадецъ, по видимому, чувствовалъ важность минуты перехода за заветную черту; онъ облекся въ парадное платье и въ такомъ видѣ понесъ охранный листъ въ Тинъ; надобно было исполнить формальность Гуа минъ, т. е. повѣсить свое имя въ заставѣ, иначе, оставить въ ней копию съ листа. Комиссаръ пригласилъ меня въ Тинъ, выпить неизбежнаго чаю, пока будутъ списывать листъ. Онъ былъ Маньчжуръ, съ бѣлымъ прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ; мы усѣлись съ нимъ на деревянномъ диванѣ, противъ дверей; между тѣмъ какъ за прилавкомъ писарь началъ свою работу. Фанъ юй объяснилъ мнѣ, что онъ обязанъ представить копию съ листа главному начальнику границы, пребывающему въ городѣ; причемъ не забылъ упомянуть, что этотъ начальникъ, хотя второстепенный генералъ (Мэйрэнъ Чжангинъ, по кит. Фу дутунъ), пользуется правомъ непосредственнаго доклада Императору; затѣмъ, ему любопытно было узнать, какой степени званіе Да шень фу; въ Китаѣ служить и не имѣть степени — не мыслимо; когда онъ узналъ, что оно относится къ 5 сте-

пени, то объявилъ, и что онъ 5 степеней; содержанія листа онъ не допоялъ, и вообразилъ, что въ лицѣ топографа, я везу съ собой Американца; надобно было выдержать дружеское преніе о выраженіяхъ: бэнь гò жень, какъ онъ означенъ въ листѣ, и хуа жень, обозначившемъ моего домочадца; если первое выраженіе взято изъ сообщенія нашего посольства въ Пекинъ, то оно, несомнѣнно, относится къ моему русскому спутнику, а хуа жень — къ домочадцу изъ Китайцевъ; если же то выраженіе употреблено самимъ Цзунъ ли ямынь, то слѣдуетъ отнести его къ моему домочадцу, а хуа жень къ топографу; Фанъ юй понималъ въ послѣднемъ смыслѣ, но не обратилъ надлежащаго вниманія на вонецъ текста, гдѣ вмѣсто бэнь гò жень употреблено выраженіе Эгò жень, которое прямо указывало на русскаго; что касается до слова Хуа жень, то вельзя было не согласиться съ нимъ, что называть такъ Китайца въ обыкновенныхъ документахъ несовсѣмъ умѣстно; слово хуа имѣетъ смыслъ, такъ сказать, выпренній, въ противоположность И, варвару; употребить его въ подорожной значить тоже, что въ русской подорожной прописать, вмѣсто: «русскій подданный» — «Европеецъ». Но фанъ юй ошибался, разумѣя подъ именемъ Хуа жень Американца; тогда было бы прописано Хуацзи го жень, какъ иногда называются Американцы въ Китаѣ; притомъ, въ этомъ выраженіи, звукъ хуа выражается другимъ знакомъ. Гораздо проще и яснѣе было бы выраженіе Ханъ жень, или Чжунъ гò жень, какъ называютъ себя Китайцы. Что касается до цѣли моего путешествія, то бесполезно было объяснять ее моему собесѣднику; кто изъ китайцевъ повѣритъ, чтобы здравомыслящій человекъ, изъ пустаго любопытства, предпринялъ трудное и убыточное путешествіе въ малонаселенную страну? Фанъ юй выразилъ предположеніе, что я ѣду съ товарами, для распродажи ихъ въ Маньчжуріи, по примѣру китайскихъ мандариновъ, которые часто наживаются этимъ средствомъ, провозя товары чрезъ заставу безплатно. Въ

заставъ отъ каждаго проѣзжающаго и проходящаго требуютъ билетовъ, гдѣ обозначено не только имя и прозванье объѣзжателя, но также мѣсто въ Маньчжуріи, куда онъ слѣдуетъ, цѣль его путешествія и время, сколько онъ пробудеть въ Маньчжуріи. По словамъ Фанъ юй, болѣе всѣхъ проходитъ въ Маньчжурію Шаньсійцевъ. Бесѣда наша прервана была шумомъ на площадкѣ; какая-то женщина среднихъ лѣтъ, прилично одѣтая, съ двумя малолѣтними дѣтьми, хотѣла пройти чрезъ заставу безъ билета, увѣряя, что за заставой ждетъ ея мужъ; напрасно увѣряли ея въ незаконности ея требованія; она настаивала на своемъ и хотѣла видѣть самаго Коммиссара; мандарины хотѣли подѣйствовать на нее страхомъ и приказали сторожамъ арестовать ее; нѣсколько чело-вѣкъ бросились было въ ней; но она храбро подняла свой посохъ и стражи разсѣялись; тогда она завопила громкимъ голосомъ; дѣти тоже заревѣли; насилу угомонили эту женщину, нарушившую декорумъ заставы. За заставой она обогнала насъ въ экипажѣ. Наконецъ, мой листъ былъ списанъ и я простился съ Коммиссаромъ. Изъ заставы проѣхали мы двойными воротами; стѣна идетъ отъ заставы, съ одной стороны, на сѣверо-западъ, на вершины горъ; съ другой тянется версты 4, легкимъ спускомъ, на югъ къ морю. Оттого крѣпость и названа Шанъ хай гуань; т. е. заставою между горами и моремъ. Стѣна сложена изъ кирпичей и въ настоящемъ своемъ видѣ есть дѣло прежней династіи Минъ; у моря, говорятъ, замѣтны еще слѣды древней великой стѣны, построенной знаменитымъ Цйпъ ши хуань дй; по горамъ же остался отъ нея валъ и маячные курганы. Горный хребетъ простирается отъ Шанъхай гуань, повидимому на с.-с.-в., на далекое пространство, отдѣляя отъ себя на ю.-в. увалы, чрезъ которые намъ предстояло переѣзжать. Дорога шла, спускаясь и поднимаясь, чрезъ каменистыя возвышенія краснаго цвѣта; съ вершины одного изъ нихъ, направо, видно было море. Не вдалекѣ отъ крѣпости мы переѣхали чрезъ

уваль, съ котораго отъѣзжающіе въ послѣдній разъ видятъ заставу, а возвращающіеся впервые усматриваютъ границы возделѣнной отчизны; поэтому, онъ носить два названія: у отъѣзжающихъ—горы скорби (Цѣхуанъ линъ), а у возвращающихся—горы радости (Хуанъ сѣ линъ). Спускъ съ этого возвышенія очень глубокъ, со множествомъ промоинъ. Затѣмъ мы проѣхали мѣстечко Хунъ цянъ цзы (красная стѣна); по дорогѣ дальше, въ верстѣ разстоянія отъ нея, стоитъ одинокій каменистый холмъ, или сопка; на вершинѣ ея построена кумирня въ честь именитой жены, Сюй мынъ цянъ, называемая по просту Цянъ нюй мѣо; когда Цянъ ши хуанъ дѣ согналъ сотня тысячъ народа для построенія Великой стѣны, въ числѣ рабочихъ былъ и мужъ этой женщины; жена, не получая отъ него извѣстія, рѣшилась отправиться одна пѣшкомъ для свиданія съ нимъ и по распросамъ добрела до здѣшняго приморья, отыскивая мужа; она не застала его въ живыхъ; онъ померъ отъ трудовъ и погребенъ былъ своими товарищами у подошвы Великой стѣны; бѣдная вдова, отыскавъ могилу мужа, горько плакала надъ ней и потомъ разбила себѣ голову о Великую стѣну; самые камни были тронуты ея горемъ и самопожертвованіемъ; стѣна рухнула и погребла вѣрную супругу на могилѣ ея мужа. Это преданіе воспѣто во множествѣ стихотвореній, въ укоръ Цянъ ши хуанъ дѣ, котораго китайская нація преслѣдуетъ глубокою ненавистью. Каменное изваяніе Сюй мынъ цянъ, въ видѣ печальной женщины, поставлено въ деревянномъ кивотѣ, въ виду моря и Великой стѣны. При кумирѣ есть такая надпись: «Куда дѣвался теперь Циньскій Государь! Великая стѣна утвердила навсегда ненависть къ нему; между тѣмъ какъ Цянъ нюй доселѣ не забыта, и кусокъ камня на вѣки прославить ея супружескую вѣрность.» По случаю праздниковъ, кумирня эта была открыта и народъ сновалъ по западному склону холма. — При вступленіи въ Гуанъ дунъ (востокъ отъ заставы), какъ вообще называютъ Маньчжурію

въ Китаѣ, прежде всего поразило насъ множество встрѣчныхъ путешественниковъ, ѣхавшихъ въ экипажахъ, верхомъ на коняхъ, мулахъ и ослахъ, но болѣе всего пѣшеходовъ; то былъ торговый и промышленный людъ, возвращавшійся на родину навсегда, или на время, послѣ удачныхъ или неудачныхъ попытокъ разбогатѣть въ золотомъ краѣ (бао ді) востока. На большихъ телегахъ, человекъ по 7 или 8 вмѣстѣ, ѣхали торговые гости, Шаньсійцы, побывать на родинѣ, послѣ 3-хъ или 4-хъ-лѣтняго пребывания въ Маньчжуріи; насмѣшливое прозвище Укусниковъ и здѣсь преслѣдуетъ этихъ, самыхъ неутомимыхъ и вездѣ проникающихъ торговцевъ поднебесной Имперіи; самъ престарѣлый извозчикъ мой, всегда молчаливый и серьезный, при встрѣчѣ поѣзда Шаньсійцевъ, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи крикнуть имъ: Лао сі цзы цзя кэ ляо, тао эррѣ вѣ цзы кэ ляо: «поѣхали домой укусники, поѣхали ковырять въ ухахъ» (т. е. ничего не дѣлать, отдыхать). Усталые и загорѣлые пѣшеходы, обществами по нѣскольку человекъ, шли по сторонамъ широкой дороги, сохраняя глубокое молчаніе; выраженіе смуглыхъ лицъ ихъ было озабоченное, и мысль сосредоточена, вѣроятно, на капиталѣ, который они успѣли приобрести себѣ на заработкахъ и промыслахъ, и несли съ собою, крѣпко привязаннымъ къ поясу; были между ними женщины и даже дѣти; часто по дорогѣ попадались кружки этихъ путниковъ, отдохавшихъ, или обѣдавшихъ, подъ деревомъ, или среди дороги; отдыхали и обѣдали они съ тѣмъ же упорнымъ молчаніемъ и съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ; съ какимъ, думалъ я, восторгомъ ступаютъ они на вершину горы радости, откуда усмотрятъ въ туманной дали родное небо. Пѣшеходы одѣты были, большею частію, порядочно; но попадались также и бѣдные, въ рубищахъ, съ злобѣщимъ выраженіемъ на изнуренныхъ и почернѣвшихъ лицахъ; нѣкоторые изъ этихъ несчастливцевъ, обезсилѣвшіе отъ голода, съ трудомъ передвигали ноги. Странно, что до Шаньхай гуань не было замѣтно такого движенія

путешественниковъ; вѣроятно, вступивъ въ Гуань ли (внутри заставы, т. е. въ Китай), они расходятся по разнымъ дорогамъ. По распросамъ, мы узнали, что они, преимущественно, уроженцы сѣверныхъ провинцій Китая, Чжили, Шань дунъ и Шаньси. Между этими путниками ярко выдавались одѣтые въ желтое платье Монгольскіе ламы, верхомъ на красивыхъ мулахъ и лошадахъ; одни изъ нихъ были изъ Муденскихъ монастырей, другіе изъ аймаковъ, прилегающихъ къ ивовой изгороди съ сѣверо-запада; ѣхали они въ Вутай шань, на поклоненіе ихъ святыни. Не одно движеніе по большой дорогѣ привлекаетъ здѣсь вниманіе путешественниковъ; куда ни обратятъ они взоры, повсюду видятъ какіе нибудь слѣды минувшей воинственной жизни; на возвышенностяхъ волнистой мѣстности рисуются коническія башни, однѣ—уцѣлѣвшія, другія—полуобрушившіяся, поросшія травой и кустарникомъ; онѣ построены изъ кирпича, превосходнаго качества, на четырехстороннихъ террасахъ; вышиною до 10 м. (30 ф.), къ верху нѣсколько суживаются и оканчиваются амбразурами; круглыя и стройныя формы ихъ издали чрезвычайно живописны; не достааетъ имъ только выпуклаго вѣнца, чтобы походить на древнія римскія башни. Отъ многихъ изъ нихъ остались только бугры и курганы. Народъ называетъ эти башни Дунь тай, т. е. сторожевыми, или маячными башнями; но не то онѣ были первоначально, во время царствованія династіи Минъ; въ ту пору онѣ устроены были по главнымъ дорогамъ нынѣшняго воеводства Шенъ цзинъ, подъ именемъ Лутай, т. е. придорожныхъ, а по назначенію—спасительныхъ башенъ, для укрытія прохожихъ, въ случаѣ набѣговъ или Урянха, или Чжурчи; для этаго на каждомъ Лутай было по нѣсколько вооруженныхъ солдатъ, которые спускали для спасающихся летучія лѣстницы.—Первое наше ночевье въ Гуань дунъ было въ мѣстечкѣ Лао цзюнь тунъ (старое военное поселеніе). Въ гостиницахъ здѣшнихъ установлено новое правило для проѣзжающихъ; они

должны платить, вмѣстѣ, за простой и прокормъ, будутъ ли пользоваться готовымъ столомъ, или нѣтъ; если положенное кушанье не нравится, проѣзжающій можетъ заказать другое, но за него долженъ заплатить особо, а за положенное все-таки внести деньги. — Архитектура здѣшнихъ построекъ также особенная; стѣны, большею частью, выводятся изъ дикихъ красныхъ камней, скрѣпленныхъ глиною и известью; крыши домовъ выгнуты легкой дугой; общій видъ такихъ строеній очень оригиналенъ. Гостинницы, съ пространными дворами и съ огромною прислугою, наполнены проѣзжающими и прохожими; зимой, когда устанавливается обозный путь, здѣсь бываетъ еще болѣе движенія.

7 мая.

Мы продолжали ѣхать волнистою мѣстностью, поднимаясь и спускаясь по уваламъ; эти увалы, вообще, называются Линь, по просту Гань цзы; удолия, между подъемами, — Гду (овраги), хотя бы они были широки и безъ овраговъ. Въ этихъ на-
дяхъ, обыкновенно, расположены селенія и протекають ручьи; вообще, почва, хотя каменистая, пропитана водой; на с.-в. постоянно видѣлись горы. Въ селеніяхъ, которыя мы проѣзжали, во множествѣ продавались воронкообразныя шляпы, изъ тростника Симйцзы, однѣ бѣлыя, другія разноцвѣтныя; покупали ихъ пѣшеходы, для защиты головы отъ солнечныхъ лучей. По дорогѣ проѣхали мы длинную и оживленную слободу, расположенную при крѣпости Цянь сд (на атласѣ: Чжунъ цянь со); крѣпость еще цѣла и довольно велика. Переѣхавъ еще нѣсколько уваловъ, мы прибыли къ крѣпости Цянь вэй, отъ которой осталось одно городище, заселенное крестьянами, и остановились для отдыха въ торговой слободѣ. Крѣпости, извѣстныя подъ именемъ Вэй и Со, въ Маньчжуріи, построены были при династіи Минъ; Мины содержали, въ предѣлахъ нынѣшняго Мудденскаго воевод-

ства, значительныя военныя силы, простиравшіяся иногда до 200,000 человекъ, противъ Урѣнха, Чжурчжэ и Кореи; войска размѣщены были гарнизонами въ Вэй, или крѣпостяхъ 1-го разряда, по 5,600 человекъ, и въ Со, или въ крѣпостяхъ 2-го разряда, по 1,120 человекъ. Эти гарнизоны были вродѣ военноподатныхъ поселеній. Вэй и Со носили названія по относительному положенію своему, переднихъ (цянь), среднихъ (чжунъ), и т. д. При нынѣшней династіи, однѣ изъ этихъ крѣпостей упразднены, другія обращены въ города, или въ дозорныя пункты. — Въ Цянь вѣй насъ угостили кашей изъ суходольнаго риса; разведеніе его, далѣе на востокъ, значительно; называется онъ здѣсь Цзѣнъ мѣ, т. е. столичнымъ рисомъ (по столицѣ Шѣнь цзинъ, а не по Декину); лучший сортъ его совершенно бѣлый и отменно вкуса; низшій съ желтизною; въ Китаѣ называютъ его Ханъ дао ми (суходольнымъ) и Лао бай ми (старымъ бѣлымъ рисомъ); по разсказамъ, сѣютъ его во 2-й лунѣ (мартѣ), собираютъ въ 8-й лунѣ (сентябрѣ). Хозяйство здѣшняго края извѣстно также отличнымъ качествомъ свинины, о которомъ, по общему убѣжденію, и понятія не имѣютъ въ Гуанъ лѣ (въ Китаѣ). Надобно сказать, что Маньчжурія искони славилась свиноводствомъ, даже въ ту пору, когда коренные жители ея изображаются Китайскою Исторіею въ полудикомъ состояніи. Есть здѣсь обычай считать мѣдную монету, которую мы называемъ чохъ, втрое болѣе, такъ что когда требуется отдать 300 чоховъ, по разсчету продавца, то надобно отдать только 100. Хозяинъ гостиницы объяснилъ намъ, что здѣсь считаютъ одинъ чохъ за три со время династіи Таңъ; временщикъ той эпохи, Чжанъ ши гуй, нашелъ, что для такой страны, какъ Маньчжурія, гдѣ и здѣсь большой, и звѣри огромны, не прилично имѣть слишкомъ мелкую монету, и возвысилъ цѣнность ея въ три раза. Вѣроятно, однако, этотъ способъ счета введенъ не ради чести, а изъ потребности дробныхъ цѣнностей въ торговлѣ; такъ въ

Пекинѣ, до введенія большой мѣдной монеты, тотъ же чохъ считался за два. Оставивъ Цянь вѣй, мы ѣхали при туманной и жаркой погодѣ, то по каменистымъ и песчанымъ равнинамъ, то чрезъ увалы и пади; дорога проложена въ красноглинистой почвѣ, или просѣчена въ камняхъ того же цвѣта; на встрѣчу намъ, по прежнему, ѣхали и шли путешественники, тащились телеги и шли вереницей ослы съ грузомъ хлѣба; дорога была чрезвычайно оживлена. Съ вершины одного холма видно было протяженіе с.-в. горъ на сѣверъ, въ видѣ цѣпи холмовъ. Черезъ нѣсколько уваловъ мы выѣхали, наконецъ, на равнину, и прибыли къ крѣпости Чжунъ хоу сѣ; предмѣстье ея, или слобода, чрезвычайно большая, населенная и богатая; мы проѣхали три длинныхъ улицы, состоявшія исключительно изъ лавокъ; народу было множество; вездѣ кипѣла работа; крѣпость высокая и хорошо сохранившаяся, но въ ней, кромѣ начальственныхъ лицъ, мало жителей; торговля и промышленность сосредоточиваются въ предмѣстьи, какъ вообще во всѣхъ торговыхъ пунктахъ Китая. Крѣпость эта, при династїи Минъ, была однимъ изъ важнѣйшихъ постовъ, а нынѣ мѣстечко одно изъ самыхъ оживленныхъ по торговлѣ и промышленности во всей Манчжурїи. Мы едва могли отыскать для себя скромный уголь въ одной гостинницѣ, огромный дворъ которой былъ загроможденъ возами. Весь день былъ туманный; къ вечеру сдѣлалось холодно; предложили подтопить спальныя нары, но мы отказались отъ этого несвоевременнаго удовольствія. Едва мы помѣстились въ гостинницѣ, какъ изъ крѣпости прислали вѣстоваго узнать: не то ли лицо прибыло, о которомъ здѣшнее начальство было предупреждено циркуляромъ; увѣрившись, что я то самое лицо, и что мы завтра отправляемся, начальство совершенно успокоилось. Подобныя навѣдыванія со стороны официальныхъ лицъ пока были не часты; зато на каждомъ роздыхѣ и ночлегѣ купцы и хозяева гостинницъ приступали къ намъ съ вопросами: какіе товары веземъ мы съ

собой, и нельзя ли посмотреть и купить их; по их убѣжденію, мы везли образцы издѣлій на пробу, чтобы узнать, какія изъ нихъ будутъ болѣе пригодны для сбыта въ Маньчжуріи. Спрашивали меня также о текущихъ цѣнахъ на сукно, серебро, опиумъ и другія статьи. Разуверить ихъ не было никакой возможности.

8 мая.

Мы продолжали ѣхать волнистою мѣстностью; движеніе по дорогѣ было необыкновенное. Переправившись въ бродъ черезъ широкую рѣчку Ню чжоу хэ, переѣхали значительное возвышеніе Бао гунъ лінъ; изъ почвы красной глины выдавались бѣлые камни; по гладкому и безлѣсному склону разсыпаны могильныя насыпи изъ красной глины. Далѣе слѣдовали новые увалы. Въ почвѣ повсюду просачивались родники, — повидимому запасъ воды былъ близко къ поверхности земли, даже на возвышенностяхъ. Поднялся ю.-в. вѣтеръ; сдѣлалось холодно. Вскорѣ въ небольшомъ мѣстечкѣ Ванъ хай дѣнь (мѣсто, откуда видно море) мы увидѣли направо, въ верстѣ разстоянія, море; склонъ увала, по которому мы ѣхали, спускается до самаго моря; не вдалекѣ отъ берега видны были два острова, которые, по формѣ ихъ, называются: одинъ Цзюй хуа дао (островъ Астра), другой Тао хуа дао (о-въ персиковый цвѣтъ). Отсюда мы спустились на равнину съ черноземной почвой; вдали, на востокѣ и сѣверо-востокѣ, поднимались горы значительной вышины. Для роздыха остановились мы близъ остатковъ крѣпости Ша хэ сѹ, въ населенной слободѣ; здѣсь угостили насъ превосходной морской рыбой. Подулъ сильный вѣтеръ; небо заволокло туманомъ. Отъ мѣста роздыха мы ѣхали сначала по равнинѣ; потомъ, переѣхавъ одну рѣчку въ бродъ, поднялись по увалу, въ деревнѣ Цао чжуанъ; на этомъ увалѣ, во многихъ мѣстахъ, камни и глина ярко-фіо-

летоваго цвѣта; попадались камни бурые, ише покрыты желтизной, какъ будто ржавчиной; за деревней прѣстирается равнина съ мягкимъ грунтомъ. Планацій деревь мало, но много нашенъ, большею частью подъ яровымъ; вообще же, земледѣліе въ здѣшнемъ краю скудно. Сквозь туманъ впереди обрисовались горы, со сторожевыми башнями на двухъ вершинахъ ихъ. На почвѣ показалась дресва; вѣтеръ перемѣнился и подулъ съ востока отъ горъ. Мы миновали городъ Нянъ юанъ чжѣу, обнесенный высокой стѣной со рвомъ; близъ него остался валъ отъ древняго города того же имени. Черезъ нѣсколько времени мы вѣхали въ горную долину, при началѣ которой стоитъ кумирня; долина ровная, грунтъ — мокрый песокъ; камней по дорогѣ мало; нѣтъ здѣсь ни промоинъ, ни голыхъ каменныхъ площадей; вмѣсто бѣлыхъ камней, на бокахъ горъ выказываются сѣдые, мшистыя, каменные массы. За послѣднимъ уваломъ мы спустились къ деревенькѣ Ганъ цао лянъ, названной такъ по ближайшему перевалу, и рѣшили переночевать въ ней. Близъ деревеньки возвышается пирамидальная сопка, съ развалинами древней башни наверху; она стоитъ отдѣльно отъ другихъ горъ и необыкновенно красиво рисуется, какъ огромный курганъ, съ развалинами на вышкѣ; гора эта называется Тай цзы шанъ, т. е. башенная. Деревенька отстоитъ отъ моря въ 10 ли. Намъ приготовили на ужинъ морской рыбы Янь вэй юй (рыба съ ласточкинымъ хвостомъ). Въ ночь выпалъ дождь.

9 мая.

Съ утра погода была ясная, тихая и теплая. Мы перѣхали черезъ уваль Ганъ цао лянъ, и чрезъ нѣсколько времени выбрались на равнину, по которой дорога была чрезвычайно избита; направо, въ верстахъ въ 5 или 6, блестяло море; на встрѣчу намъ шли обозы съ сорго и съ хлопкомъ. Затѣмъ мы проѣхали большое торговое мѣстечко Лянъ

шань, во время утренняго рынка; здѣсь продавали разную простую посуду, множество морской рыбы, стрѣльчатый лукъ необыкновенной величины и неизбѣжный шпинатъ; замѣчательны были соломённые воронкообразныя шляпы, съ отверстиемъ, не менѣе аршина въ поперечникѣ; онѣ служатъ надѣвными зонтами отъ дождя. Близъ этой слободы, налѣво, есть цѣпь горъ, отчего она и названа Лянъ шанъ (сплошныя горы). Далѣе по дорогѣ встрѣчались опасныя лужи; воды здѣсь большое обиліе; она текла по дорожнымъ колеямъ. Съ вершины одного увала открылся широкій видъ на море, верстахъ въ 5 отъ дороги, со множествомъ судовъ и лодокъ; на морѣ видѣлись два острова съ сопками, одинъ дальній, Да би цзя шанъ, другой ближе, Сяоби цзя шанъ; названы по сходству ихъ горъ съ подставкою подъ пясчюю кисть (би цзя), съ различіемъ большаго и малаго, Да и Сяо. Отсюда мы проѣхали деревню Санъ и мяо, названную такъ по кумирнѣ. Погода была ясная, съ сѣвернымъ вѣтромъ. Далѣе спустились въ деревню Та шанъ (гора-башня); здѣсь протекаетъ быстрая рѣчка, устье которой въ море мы видѣли съ ближняго увала; полагаю, что въ этомъ мѣстѣ, до уровня моря, паденія не болѣе 100 ф.; это самый низшій пунктъ на нашей минувшей и предстоящей дорогѣ. Потомъ мы переѣхали еще два увала и остановились въ довольно богатомъ мѣстечкѣ, Гао цяо (высокій мостъ); въ гостинницѣ угостили насъ морскими раками. Здѣсь еще мало выдѣлываютъ гороховаго масла и гороховыхъ выжимокъ, для отправления въ Нючжуанъ. Хозяинъ гостинницы былъ въ Айгунѣ, или, какъ здѣсь называютъ, Айху; но не могъ сообщить намъ подробностей о дорогѣ черезъ Гиринь; онъ, какъ и всѣ имѣющіе дѣла въ Айгунѣ, или Цицихарѣ, ѣздили отсюда не на Гиринь, а на Куанъ чэнъ цзы; такъ называется торговое мѣстечко, въ 240 ли отъ Гириня на западъ, слѣдовательно по всѣмъ соображеніямъ, тамъ, гдѣ учреждено комиссарство Чанъ чунъ тинъ, обозначаемое на кар-

тахъ также подъ именемъ Шанъ дү (верхняя столица), въ предположеніи, что тутъ была одна изъ резиденцій Киданьскихъ хановъ. Имя Куанъ чэнъ цзы извѣстно по всей Маньчжуріи; къ нему, говорятъ здѣшніе купцы, ведутъ всѣ сѣверные проходы чрезъ Ивовую изгородь. Надобно отличать его отъ Куанъ чэнъ сянъ, за крѣпостью Сяфынъ кду, уѣзднаго города, чрезъ который пролетаетъ степной трактъ въ Цицихаръ. Дальнѣйшее путешествіе наше было по длинной равнинѣ; потомъ, переѣхавъ уваль, мы спустились къ подошвѣ горы Синъ шанъ (абрикосовой), и объѣзжая гору слѣва, попали въ тину, гдѣ уже сидѣлъ обозъ съ товарами; возки наши едва выкарабкались изъ нея; извозчики же обоза спокойно сидѣли на окраинѣ тины и курили трубки. Затѣмъ, черезъ два увала, мы подъѣхали къ горѣ Сунъ шанъ (сосновой), при которой расположено селеніе того же имени; отсюда видна рѣка Сяо линъ хэ, налѣво отъ горы. При горахъ Синъ шанъ и Сунъ шанъ нѣкогда были крѣпости, взятая Маньчжурами во время похода ихъ на Китай. Здѣсь пролетаетъ дорога въ Цзінъ чжоу фу, весьма извѣстный торговый областной городъ Южной Маньчжуріи; мы оставили его налѣво и направились прямо къ р. Сяо линъ хэ (малая Линъ хэ, или холодная рѣка), черезъ которую переправились въ бродъ; эта чистая рѣчка вытекаетъ изъ горъ; на ней, выше, стоитъ Цзінъ чжоу фу; правое побережье ея заросло, или засажено, тополями. Отъ рѣки, черезъ нѣсколько времени, мы доѣхали до селенія Шуанъ янъ (двойной янъ, т. е. полдень; названо такъ по положенію двухъ ближнихъ горъ, стоящихъ одна за другой и обращенныхъ на полдень) и въ немъ остановились на ночлегъ. Послѣ полудня дулъ западный вѣтеръ; мы ѣхали постоянно въ густой пыли. Отсюда до Цзінъ чжоу фу считаютъ 20 ли на с.-в.

10 мая.

Отъ Шуань янь, мы ѣхали, при свѣжестъ с.-в. вѣтрѣ, по мѣстамъ, похожимъ больше на кочевья пастбища, безлѣснымъ, съ незначительнымъ хлѣбопашествомъ. На одномъ отлогомъ увалѣ мы встрѣтили огромный обозъ, слѣдовавшій въ Цзйнь чжоу фу. Затѣмъ, проѣхали чрезвычайно длинное мѣстечко Далинь хэ, нѣкогда (при династии Минь) знаменитое и важное, а теперь молчаливое и бѣдное; зданія плохи, улицы не людны, гостиницы закрыты; за этимъ селеніемъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, протекаетъ рѣка Далинь хэ (большая Динь хэ, или холодная рѣка), отъ которой оно получило свое названіе; рѣка шириною, съ островками, саженой до ста (200 м.); вода въ ней мутная, дно иловатое, хотя берега ея глубоко песчаны на далекое пространство. Мы переправились въ бродъ, съ вожатыми, которые веди нашихъ муловъ подъ уздцы и извилинами брели въ водѣ, по отмелямъ; въ другое время здѣсь перевозъ. На рѣкѣ мы встрѣтили вереницу бѣо чэ, т. е. телегъ съ казеннымъ серебромъ; везли его изъ Мукденя. Отъ рѣки мы ѣхали, послѣ песковъ, по черноземной равнинѣ, — потомъ по песчанымъ пустошамъ, засаженнымъ тополевыми рощами. Давно уже я замѣтилъ, что здѣшніе тополи (янь шу) значительно разнятся отъ тѣхъ, которые мы привыкли видѣть около Пекина; они ростомъ меньше и походятъ на осину. Далѣе, черсзъ песчаный холмъ, вѣхали въ селеніе Тулао по дѣню; названіе это странно (гостинница лысой бабы), но оно помѣчено тѣми же знаками и въ атласѣ; селеніе очень бѣдно. Справедливо говорили намъ, что отъ Далинь хэ на востокъ страна бѣдствуетъ отъ голода, въ слѣдствіе неурожая; повсюду замѣтна была нищета, продовольствіе вздорожало и появились неотвязные нищие. Мы остановились въ бѣдномъ и нелюдномъ мѣстечкѣ Ши сань чжань (станція 13-ти), стоящемъ не вдалекѣ отъ небольшой

цѣпи горъ, которая раздѣляется на 13 отдѣльныхъ пиковъ, — отчего и мѣстечко получило названіе. Послѣ роздыха, мы поѣхали подлѣ цѣпи этихъ замѣчательныхъ пиковъ, называемыхъ Ши санъ шанъ (13 ю горами); это отвѣсныя скалы, сѣраго цвѣта, поднимающіяся одиночными пиками; крайняя сопка, какъ будто, расщепилась на двое, сверху до низу; внутри ея, говорятъ, есть озерко. Впереди, вдали, видѣнь былъ мрачный и огромный кряжъ Гуанъ нинъ шанъ, съ которымъ Ши санъ шанъ одного образованія. Приближаясь къ этому горному кряжу, мы могли различать гребнистую вершину его и рядъ пиковъ, съ отвѣсными скалами, въ страшномъ безпорядкѣ. Кругомъ простиралась степь. Мы объѣхали южную окраину хребта, имѣя его влѣвѣ; съ равнины, по ту сторону хребта, видно было направленіе его на с.-в. Къ закату солнца, мы поднялись на возвышеніе, близъ станка Чанъ синъ дянъ; въ это время солнце погрузилось за зубцы горъ; мгновенно прозрачный фіолетовой туманъ облекъ весь обращенный къ намъ скатъ кряжа; нельзя было оставаться равнодушнымъ при видѣ величія и дикой красоты зрѣлища; передъ нами разстилался угрюмый и безобразно изрытый хребетъ, на далекое пространство, подъ легкимъ покровомъ вечернихъ паровъ. Сѣверная часть хребта, отдѣляющаяся отъ южной части его перерывомъ, или долиной, казалась формы болѣе мягкой и спокойной, можетъ быть за отдаленностію и туманомъ. Повидимому, горы эти состоятъ изъ голыхъ, отвѣсныхъ скалъ, нагроможденныхъ одна на другую. Называются онѣ, по имени ближняго города, Гуанъ нинъ шанъ, также Лю шанъ, или шестигоріемъ, по шести ярусамъ, или террасамъ, которыми онѣ воздымаются; но классическое названіе имъ — Иву люй, — названіе не-китайскаго происхожденія; онѣ были извѣстны, въ Китаѣ, еще въ глубокой древности, съ тѣхъ поръ, какъ Китай впервые познакомился съ сѣверо-востокомъ; въ продолженіе тысячелѣтій, Иву люй чествовалась какъ охранная гора (Чжень шанъ)

области мѣра, или нынѣшней Маньчжуріи, и была одною изъ 12 именитыхъ горъ, которыя назначены были стражами 12 областей поднебесной Имперіи; всѣ царствовавшія въ Китаѣ династіи, включая и нынѣшнюю, благоговѣнно чествовали ее и приносили ей жертву. По понятіямъ китайскимъ, горы, давая почву, какъ будто даютъ твердость краю, надъ которымъ онѣ господствуютъ, и упрочиваютъ владѣніе имъ; поэтому духи горъ, какъ властиители страны, вмѣстѣ съ духами морей и рѣкъ, а въ Маньчжуріи, кромѣ того, съ духомъ дремучихъ лѣсовъ, котораго Гиньци величали Княземъ прекрасной тѣни (Цзі инъ хѣу), всегда были предметомъ обожанія и поклоненія; завоеватели, вступая въ непріятельскую страну, прежде всего, старались жертвами и молитвами склонить въ свою пользу духовъ мѣстныхъ горъ. У Маньчжуровъ, Иву люй чествуется, какъ pendant Чапъ бо шаня; обѣ онѣ охраняютъ державу ихъ въ этомъ краѣ. Иву люй служитъ также несокрушимымъ памятникомъ имени Киданьскаго царевича, Жень хуанъ ванъ, на которомъ китайскіе географы и историки съ любовью останавливаются. Когда основатель Киданьскаго владычества въ Китаѣ (Тай цзү) покорилъ владѣніе Бохай, въ Маньчжуріи, то онъ образовалъ изъ завоеванной имъ страны особое вассальное владѣніе, подъ именемъ Дунъ данъ го (восточное Киданьское), и поручилъ управленіе имъ сыну своему Жень хуанъ ванъ; царевичъ всей душою былъ преданъ литературѣ и наукамъ; онъ собралъ огромное количество рукописей и книгъ (китайскихъ), и построилъ для нихъ бібліотеку и кабинетъ для себя на самой высокой горѣ въ градѣ Иву люй; тамъ, въ уединеніи, онъ проводилъ дни, среди книгъ, развлекая себя видомъ отдаленнаго моря. У Иву люй также погребенъ прахъ Киданьскаго Тай цзү. По китайской географіи, Ивулюйскій горный краѣ стоитъ отдѣльно отъ другихъ, и въ окружности занимаетъ пространство въ 230 ли; отъ моря отстоитъ въ 130 ли. Формація его рѣзко отличается отъ формаціи

другихъ горныхъ системъ Маньчжуріи.— Прибывъ въ Чанъ синъ дянъ, мы долго искали квартиры по длинной улицѣ его; всѣ гостиницы были закрыты, въ слѣдствіе упадка торговли и дороговизны продовольствія; остались два бѣдныхъ постоянныхъ двора; но и тѣ были заняты обозами и стадами пригонныхъ свиней; мы едва упросили хозяина одного изъ нихъ дозволить намъ помѣститься въ единственномъ амбарѣ, въ которомъ ночевали 20 человекъ работниковъ и шесть извожиковъ; продовольствія никакого; кормъ для скота продавался почти по золотникамъ.

11 мая.

Въ этотъ день мы также встрѣчали на пути увалы и возвышенія; но видно было, что мы понемногу оставляемъ гористое пространство, продолжавшееся отъ крѣпости Шанхай гуань, и приближаемся къ равнинѣ, по которой протекаетъ Ляо хэ. По дорогѣ мы видѣли множество воронъ; эта птица показалась мнѣ здѣсь чернѣе и болѣе блестяще чѣмъ въ Пекинѣ; равно и на сорокахъ черныя перья болѣе рѣзко отдѣляются отъ бѣлыхъ и цвѣтъ ихъ свѣжѣе. Та и другая птица уважается Маньчжурами; въ происхожденіи владѣтельнаго дома Маньчжуровъ играетъ роль сорока; а вороны у Маньчжуровъ нѣчто въ родѣ капитолійскихъ гусей; рассказываютъ, что вороны разъ спасли основателя царствующаго дома (Тай цзү) отъ неминуемой опасности быть убитымъ въ бѣгствѣ отъ преслѣдовавшихъ его непріятелей, прикрывъ его въ травѣ; въ память-де этого событія и въ благодарность птицъ-спасительницѣ, у Маньчжуровъ въ домахъ ставятъ вѣху, съ сосудомъ на верху, въ который кладутъ мяса для воронъ. Въ жизнеописаніи Тай цзү дѣйствительно повѣствуется о чудесномъ его спасеніи; но обычай кормить воронъ на вѣхахъ существовать въ Маньчжуріи ранѣе Тай цзү; вороны, въ туземной религіи, суть предста-

вители предковъ, съѣдающіе фамиліную жертву дома. — Мы остановились, для роздыха, въ мѣстечкѣ Чжунъ нань пу. Здѣсь я попробовалъ горохового масла (ддоу ю); цвѣта оно желтоватаго; сильнаго вкуса въ немъ нѣтъ; не противно, но и не вкусно; продается дешевле кунжутнаго; но когда наши извошники, за неимѣніемъ другаго масла, стали подмазывать колеса экипажей гороховымъ, то отъ тренія оно стало издавать нестерпимую вонь; горохъ, изъ котораго добывается масло, называется желтымъ (хуанъ ддоу); формы продолговатокруглой, и походитъ больше на бобки, чѣмъ на горохъ; такъ бы и слѣдовало его называть; во внутреннемъ Китаѣ о немъ не имѣютъ понятія, сколько мнѣ извѣстно. Выжимки отъ горохового масла формуются въ кирпичи и доставляются въ этомъ видѣ, подъ именемъ ддоу бинъ, (гороховыхъ лепешекъ), въ портъ Ню чжуанъ, въ огромномъ количествѣ; и оттуда отправляются моремъ въ южныя провинціи Китая, для удобренія полей, въ которомъ тамъ недостатокъ; хуанъ ддоу, сколько я замѣтилъ, разводится преимущественно въ восточной части Мукденскаго воеводства; разводятъ его и далѣе на сѣверъ; но выжимки гороховыя, за отдаленностію пути, не отправляются въ Ню чжуанъ, а употребляются на мѣстѣ для удобренія полей и на кормъ свиней. Намъ случалось видѣть, въ постоянныхъ дворахъ, чаны съ этимъ снадобьемъ, въ броженіи, прежде чѣмъ его подвергали тисненію; запахъ отъ него былъ невыносимый. — Отъ станка, мы ѣхали странной равниной до рѣки Янъ чанъ хэ (бараньи кишки), названной такъ по извилистому теченію ея. По переѣздѣ черезъ рѣку и потомъ черезъ уваль, мы приближались къ мѣстечку Сяо хэй шанъ (черная горка), когда замѣтили, посреди кочковатой дороги, трущъ бѣднаго пѣшехода, умершаго съ голода; онъ лежалъ подъ солнечнымъ зноемъ и лице его вздулось и побагровѣло; подлѣ него брошенъ былъ посохъ; подобныя встрѣчи здѣсь не рѣдкость; замѣчательно равнодушіе, съ которымъ Китайцы смотрятъ на эти жертвы

голода; наши извозчики слегка взглянули на трупъ и то только для того, чтобы объѣхать его, не задѣвши. Сю хэй шань, вопреки моему ожиданію, оказалось селеніемъ огромнымъ и оживленнымъ. Послѣ него слѣдовали холмы и увалы; потомъ долина и рѣчка съ накиднымъ мостомъ; мы прибыли, затѣмъ, въ селеніе Ху цзя вѣ пу, гдѣ и остановились переночевать. Въ гостинницѣ одинъ молодой человекъ, вновь поступившій въ здѣшнюю милицію, рассказывалъ намъ, что конные разбойники до сихъ поръ не истреблены и скрываются въ разныхъ притонахъ, и что отряды войскъ продолжаютъ ловить и казнить ихъ; что эти Мацзэй (конные разбойники) суть чистые Маньцзы, т. е. не Маньчжуры, а китайцы, или выходцы изъ Китая; между ними есть Шандунцы и Магометане, равно жители Мукдѣньской области: (Фынь тянь фю) и даже выходцы изъ за Ивовой изгороди. Причина ихъ грабительствъ одна: бѣдность. Здѣсь уже начинаютъ называть Китайцевъ, временно или постоянно живущихъ въ Маньчжуріи, Маньцзами; многіе Китайцы, говоря о своей національности, тоже называютъ себя не Хань жень (Китайцы), а Маньцзы. Здѣсь сформированъ былъ летучій отрядъ изъ Тяньцзиньцевъ, славящихся храбростію.

12 мая.

Сегодня мы ѣхали по равнинѣ; гористую страну миновали; предстояли мѣста низменныя. Съ ранняго утра было ясно, тихо и тепло, а потомъ сдѣлалось жарко. Земледѣліе здѣсь, повидимому, въ цвѣтущемъ состояніи; разработка земли въ обширныхъ размѣрахъ. По дорогѣ мы проѣхали мѣстечко Бань ла мынь, замѣчательное только глубокою лужею поперегъ проѣздной улицы; чтобы объѣхать ее, нужно было сдѣлать огромный кругъ, сначала переулками, потомъ полями; вълѣдствіе удивительной небрежности жителей, половина селенія, по ту сторону лужи, лишена движенія, по-

тому что всё объѣзжаютъ ее; на встрѣчу намъ попались мѣстные чиновники въ экипажахъ, также объѣзжавшіе роковое мѣсто; они также не заботятся объ улучшеніи проѣзда и также подвергаются неудобствамъ проселочной дороги и напрасной траты времени изъ за одной лужи. Впрочемъ, извѣстно, что въ Китаѣ вообще цѣны времени не знаютъ, а дурное состояніе дорогъ и вслѣдствіе того прекращеніе, или затрудненіе, сообщеній считается неисправимымъ зломъ, на ряду съ повѣтріемъ наводненіемъ и засухой. Мы извѣдали это тяжкимъ опытомъ, проѣзжая по такой дорогѣ, которую трудно было пройти и пѣшкомъ. Въ особенности страдали обозы; жаль было смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ, карабкавшихся въ гинѣ по брюхо нѣсколько часовъ сряду, нисколько не подвигаясь впередъ; лѣтомъ въ упряжи бываютъ болѣею частію лошади, которыя, по мнѣнію Китайцевъ, легче переходятъ грязи, чѣмъ мулы и ослы своими тонкими ножками; въ каждомъ возѣ запряжено бываетъ отъ 7 до 10 скотинъ, но и тѣхъ еще не достаточно; перевозку на возахъ здѣсь предпочитаютъ вьючной изъ экономіи. Въ сухихъ мѣстахъ дороги выбиты такія глубокія колеи, что высокія колеса китайскихъ экипажей попеременно низвергаются въ эти щели по ступицы; часто возы съ товарами опрокидываются, а сѣдокъ въ возѣ долженъ постоянно спасать свою голову отъ размахистыхъ ударовъ въ стѣнки экипажа. Для путешественника, не привыкшаго къ подобнымъ переѣздамъ, здѣшняя дорога истинная пытка; чрезъ нѣсколько дней трудно узнать его. Иногда, послѣ тяжелаго переѣзда, у какого нибудь селенія мы проѣзжали тщательно отдѣланный мостикъ чрезъ канаву, между тѣмъ какъ огромныя пространства убійственной дороги оставались не тронутыми; обыкновенно, при такихъ мостикахъ были памятники въ честь создателей ихъ; многіе изъ этихъ памятниковъ лежатъ на землѣ поверженные и разбитые какимъ нибудь озлобленнымъ путешественникомъ. Въ послѣдствіи мы неожиданно усмотрѣли, что фа-

тализмъ относительно дорогъ существуетъ и въ Южно - усурійскомъ краѣ. Мы продолжали путь постоянно по равнинѣ. Въ низменныхъ песчаныхъ мѣстахъ замѣтно было разведение Бай цзы (болотнаго риса), который здѣсь въ большомъ употребленіи; зерно идетъ на кормъ скота, а солома на устилку крышъ домовъ. Мы хотѣли было остановиться для роздыха въ мѣстечкѣ Сяо бай ци пу, но единственная удобная гостинница тамъ была закрыта и мы отправились далѣе, въ Да бай ци пу (большое Бай ци пу, или мѣстечко бѣлаго знамени; прежнее было малое Бай ци пу), гдѣ нашли удобную гостинницу. Здѣсь посѣтилъ насъ одинъ Желтоносыи (Хуанъ дай цзы, родственникъ Императорскаго дома); по его словамъ, онъ служилъ при Мукденскомъ воеводѣ и прибылъ сюда по своимъ дѣламъ; на самомъ же дѣлѣ, какъ я узналъ послѣ, онъ былъ сосланъ, за проказы въ Пекинѣ, въ Мукденъ, подъ надзоръ воеводы. Долго онъ бесѣдовалъ со мной, спрашивая о русскихъ товарахъ и о цѣнахъ ихъ; въ особенности интересовался онъ знать, не веземъ ли мы запаса револьверовъ, за которые мы могли бы приобрести здѣсь огромную выручку. Онъ также рассказывалъ, что разбойники Мукденской области грабятъ больше отъ голода. Мой собесѣдникъ оказался очень начитаннымъ и знающимъ страну. Передъ отъѣздомъ нашимъ, онъ и хозяинъ гостинницы настоятельно просили насъ въ обратный путь привезти съ собой револьверовъ, часовъ и ковровъ. До сихъ поръ мы проѣзжали китайскимъ населеніемъ; далѣе стали попадаться военныя поселенія Маньчжуровъ, издавна утвердившихся здѣсь въ качествѣ Чжу фанъ, или гарнизонныхъ; военное устройство ихъ одинаково съ устройствомъ Пекинскаго Маньчжурскаго войска; но главное начальство военное, какъ и гражданское, здѣсь въ рукахъ воеводъ (Цзянъ цзюнь). Здѣшніе Маньчжуры, сколько я замѣтилъ, отличаются отъ пекинскихъ трудолюбіемъ и промышленностію; оттого они зажиточны. Во всѣхъ поселеніяхъ ихъ заведены

училища для дѣтей. Для ближайшаго управленія колоніями Китайцевъ въ Маньчуріи, учреждены второстепенныя инстанціи, подъ вѣдѣніемъ воеводы, занимаемая гражданскими чиновниками изъ Китайцевъ подъ именемъ Тунъ чжи и Ли шй тунъ паны; китайцы не любятъ подчиняться военнымъ властямъ. Отъ Да бай ципу, переѣхавъ двѣ рѣчки и миновавъ кумирню съ великолѣпной тополевою рощей, мы прибыли въ большое поселеніе Синь минъ тунъ (новое поселеніе крестьянъ), гдѣ и остановились ночевать. Это мѣстечко походить болѣе на городъ и имѣеть особаго правителя, Тунъ чжи; торговля должна быть здѣсь огромная; денежные размѣнные банки принимаютъ серебро только въ большомъ количествѣ, и билеты ихъ ходятъ, безъ всякаго затрудненія, и въ Мукденѣ. Гостинница содержится Маньчуромъ.

13 мая.

Мы продолжали ѣхать по равнинѣ. Погода была тихая и ясная. Мѣстами видѣлись слѣды древнихъ укрѣпленій, въ видѣ бугровъ, поросшихъ травой; видно было, что мы приближались къ бассейну р. Ляо хэ, служившей съ незапамятныхъ временъ военною линіею для Китая. Переѣхавъ протоку этой рѣки въ бродѣ, мы миновали нѣсколько усадебъ и крѣпость Цзюй лю хэ чэнъ, расположенную на правомъ берегу рѣки; въ крѣпости пребываетъ Маньчжурскій комедантъ съ гарнизономъ; называется эта крѣпость по старинному названію рѣки: Цзюй лю хэ. Перевозъ черезъ рѣчку долженъ быть у крѣпости, но по нѣкоторымъ неудобствамъ перенесенъ ниже по теченію, на крутой изгибъ рѣки; мы добрались до него по сыпучему песку; всѣ наши пять возковъ помѣщены были на одинъ паромъ, ходившій черезъ рѣку по канату; рѣка значительной ширины; средняя глубина ея, по показанію перевозчиковъ, здѣсь десять фу-

товъ; вверхъ по рѣкѣ плыли торговля суда небольшого размѣра; берега рѣки песчаны, ровны и засѣяны болотнымъ рисомъ. Меня увѣряли, что плаваніе по Ляо хэ внизъ удобно только при высокой водѣ; обыкновенный путь въ Ню чжуанъ идетъ изъ Мукдена, вьюками и телегами. По переправѣ черезъ рѣку, за песчаной равниной, мы слѣдовали среди пахатныхъ полей до мѣстечка Сянъ лунъ дѣнь, въ которомъ остановились для роздыха. Оттуда ѣхали также по равнинѣ; по дорогѣ проѣхали небольшое селеніе Лао бянь, иначе Цзю бянь; то и другое названіе значитъ: Старая граница; мѣстечко названо такъ отъ стариннаго вала, который тянется направо и налево отъ него на неопредѣленное пространство; китайскіе географы полагаютъ, что это была военная граница при династіи Минъ, воздвигнутая въ ту пору, когда Китай потерялъ Ляо дунъ, т. е. страну на востокъ отъ рѣки Ляо хэ, и долженъ былъ отстѣпавать Ляо сѣ (страну на западъ отъ Ляо хэ). Ляо дунъ, въ которую мы вступили, имѣетъ особый характеръ, пріятно поражающій путешественника; повсюду видны плантаціи деревь; на безбрежной равнинѣ рисовались, купами и аллеями, зеленыя ивы и тополи, которыми здѣсь обсаживаютъ пашни и могилы; большая широкая дорога, называемая Императорскою (Ю й лу), также обсажена ивами; и теперь еще, на многихъ мѣстахъ дороги, уцѣлѣли превосходныя аллеи, хотя свинопасы и пилигримы промышленности, безъ жалости, истребляютъ придорожныя деревья. Мы остановились въ деревнѣ Дѣ ши цѣо (большой каменный мостъ), названной такъ по каменному мосту, устроенному черезъ канаву, подлѣ деревни. Продовольствіе въ здѣшнемъ краю было чрезвычайно дорого; пудъ мелкаго проса стоилъ около 4-хъ рублей монетою; такая же цѣна плохой пшеничной муки. Начиная съ Сянъ минъ тунъ, мѣстное населеніе уже не такъ дивовалось нами; европейцы здѣсь нѣсколько извѣстнѣе, чѣмъ до Мукдена и за Мукде-

немъ, вслѣдствіе сношеній съ портомъ Нью-чжуанъ. Кстати, скажу за весь переѣздъ нашъ отъ Пекина до Айхуви, что въ продолженіи всего нашего путешествія я не слышалъ ни отъ кого грубаго или насмѣшливаго слова, тѣмъ менѣе подвергались мы какимъ-либо оскорбленіямъ дѣломъ, кромѣ развѣ назойливаго любопытства. Правда, случалось, что принимали насъ неохотно, но потомъ, не замѣчая у насъ ни револьверовъ, ни нагаекъ, и слыша отъ насъ китайскую рѣчь, убѣждались въ нашей добропорядочности; китаецъ съ иностранцемъ, объясняющимся по-китайски, рѣдко позволяетъ себѣ уклониться отъ правилъ вѣжливости; знаніе же китайской грамоты окончательно миритъ его съ иноземнымъ собесѣдникомъ и порождаетъ въ немъ даже уваженіе. Другое обстоятельство, о которомъ я не могу умолчать, есть полнѣйшая безопасность для проѣзжающихъ; въ гостинницахъ, гдѣ мы останавливались, мы нигдѣ и никогда, ни днемъ, ни ночью, не выбирали вещей изъ нѣкоторыхъ возковъ нашихъ и не вносили ихъ въ комнаты; между тѣмъ въ гостинницахъ бывало до 80 человекъ прислуги, исключая несмѣтной и постоянно смѣняющейся толпы любопытныхъ. Тѣмъ не менѣе, у насъ, во всю дорогу, не похитили ни одной вещицы. Но любопытство толпы было для насъ крайне неудобно и досадно, лишая насъ свободы въ дѣйствіяхъ; къ сожалѣнію, неизвѣстно, какимъ путемъ намъ почти всегда предшествовала молва; одни рассказывали, что мы иностранные торговые гости, другіе — что мы нарочито командированы Китайскимъ императоромъ на границу, для произведенія какого-то важнаго слѣдствія; находились простые люди, которые совершенно были убѣждены, что мы отправляемся въ ссылку, въ Цицихарь. Всѣ эти толки удваивали любопытство въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались. Со второй половины дороги, къ тому присоединилась неотвязная предупредительность и попеченіе о насъ со стороны мѣстныхъ властей, которыя видѣли въ насъ шпионовъ и еще хуже; ихъ офиціозное вниманіе окон-

чательно связало насъ. Не говорю, какъ о мелочи, о впечатлѣннн, какое производило, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на зрителей случайное сходство мое, въ глазахъ китайцевъ, съ какимъ-то европейскимъ путешественникомъ, который оставилъ, въ этомъ краѣ, по себѣ не добрую славу.

14 мая.

Утро было пасмурное. Переѣхавъ у деревни Дашн цю черезъ хорошій каменный мостъ, мы должны были удалиться вправо отъ большой дороги, потому что впереди, въ мѣстечкѣ Таванъ, разрушился мостъ; объѣздъ по проселочной дорогѣ былъ чрезвычайно труденъ; черезъ одну грязную канаву мы съ трудомъ переправились; затѣмъ слѣдовала полоса сыпучаго песка и потомъ мы выѣхали на открытое мѣсто; поля засѣяны были желтымъ горохомъ, пшеницей и сорго. Влѣвъ видна была ярусная башня въ Таванъ. Подулъ сильный вѣтеръ, поднимая густую пыль; сквозь пыльный туманъ обозначилась бѣлая субурга, въ ламской кумирнѣ Бао шень сн, на западѣ отъ Мукденя; вскорѣ показалась и кумирня, осѣненная густыми деревьями. Кумирня эта построена въ 1638 г. вторымъ ханомъ Маньчжурскаго дома, черезъ 13 лѣтъ по перенесеннн резиденцнн изъ Хэту ала [Синъ цзйнъ; или столица возникновеннн (династнн)] въ городъ Шень янъ, переименованный въ Мукденъ [по кит. Шень цзинъ, т. е. столица усиленнн (династнн)], для помѣщеннн кумира Махагала, хранителя вѣры. Кумиръ отлитъ былъ еще при Хубилаѣ знаменитымъ Пакба ламою, для кумирни горы Ву тай шанъ, откуда унесенъ былъ въ сѣверную Монголію; Хутухта Сярбѣ привезъ его къ Чахарскому хану Линъ данъ; когда маньчжурскій завоеватель покорилъ земли Чахаровъ, Лама, по имени Морганъ, представилъ кумиръ Маньчжурскому хану; кумиръ встрѣченъ былъ въ Мукденѣ торжественно и тотчасъ приступили къ сооруженню до-

стойнаго для него помѣщенія. Надъ украшеніе этой кумирни употреблено было множество золота и серебра. Такъ разсказывается на 4-хъ-язычномъ памятникѣ, поставленномъ въ кумирнѣ. Маньчжурскіе ханы, съ самаго начала, выказывали симпатію къ ламскому Буддизму и, для охраны новой резиденціи своей, поставили при ней одно изъ буддійскихъ божествъ, изображаемое въ видѣ грознаго и чернаго исполина; въ Пекинѣ есть другая буддійская святыня, сандаальный кумиръ Будды, сдѣланный, будто-бы, еще при жизни его. Ближе къ городу показались кумирни, кладбища и огороды; городъ построенъ на безлѣсной равнинѣ съ глинистою почвою, и изрытой промоинами, точь-въ-точь какъ Пекинъ, только въ уменьшенномъ видѣ. Овъ обнесенъ наружной глиняной стѣной, съ простыми, безъ башенъ, воротами; кромѣ того, есть внутренняя стѣна, сложенная изъ кирпичей, съ башнями и амбразурами; прямыя улицы города поддерживаются лучше, чѣмъ въ Пекинѣ, и также состоятъ изъ давокъ и магазиновъ; торговое движеніе, особенно во внутреннемъ городѣ, было значительно, — и немудрено: сюда сходятся торговые пути изъ Китая, порта Нючжуанъ, Кореи, внутренней Маньчжуріи и Монголіи; посреди города устроена сторожевая башня, при которой есть оживленный рынокъ. Мы остановились въ пространномъ постояломъ дворѣ, со стоянкой для возковъ и телегъ (чѣдянь); кромѣ того, есть здѣсь постоянный дворъ, для вьючнаго скота, Лѣмадянь. Едва мы помѣстились въ квартирѣ, какъ стали являться къ намъ купцы съ предложеніями мѣховъ, жинь шиняи нефритовыхъ издѣлій, и со спросомъ о нашихъ товарахъ. Купцы жаловались на дороговизну нашего сукна и на то, что лучшіе соборы мѣха поступаютъ теперь отъ Хэцзинь (Гольдовъ) къ русскимъ. Здѣшніе торговые люди, болѣею частью, изъ Шань си и Юнь пинъ фу. Отсюда до порта Нючжуанъ считается 360 ли. Въ топливо здѣсь употребляютъ дурной каменный уголь, привозимый съ ю.-в. изъ дальнихъ горъ

Бэньсикху, или, какъ здѣсь называютъ, Бэй цзяху. Съ южной стороны Мууденя протекаетъ рѣка Хунъ хэ, впадающая въ Ляо хэ. Замѣчательно, что имени Муудень въ Маньчжуріи мы ни разу не слышали; равносильное же ему Шень цзинъ употребляется только въ официальныхъ бумагахъ, равно какъ и Фынъ тянь фу, въ смыслъ губернскаго управленія; обыкновенное названіе его здѣсь просто Цзинъ, или столица; но самое общеупотребительное — есть старинное: Шень инъ; торговое сословіе и простонародье другого имени не знаютъ. Города Муудень и Сянъ цзинъ считаются заповѣдными; близъ нихъ погребены первые ханы Маньчжурскіе; до начала текущаго вѣка, Богдоханы считали обязанностью, хоть разъ въ жизни, посѣтить могилы своихъ предковъ; но со временъ государя Цзя цинъ, путешествія эти прекратились; этимъ объясняется неисправность дорогъ, оставшихся въ совершенномъ небреженіи; мосты обрушились, боковыя канавы затоплены и деревья срубаются или поживаются. По обилію китайскихъ переселенцевъ въ Мууденьскомъ воеводствѣ и по особеннымъ преимуществамъ края, въ Мууденѣ есть высшія инстанціи, по примѣру Пекина, включая Палаты Чинювъ. Мой домочадецъ, по просьбѣ одного пекинскаго знакомаго, ходилъ здѣсь въ уголовную палату, для выручки родственника его, невинно замѣшаннаго въ одномъ уголовномъ дѣлѣ; онъ былъ оправданъ, но для выхода его изъ тюрьмы требовалась очистительная жертва, 6 ланъ серебра (120 рублей). Въ палатѣ, между прочимъ, говорили Му, что о нашемъ проѣздѣ давно уже получено предварительное извѣстіе, но что здѣшній воевода не обращаетъ особеннаго вниманія на прибѣгающихъ изъ Пекина; у него де на плечахъ Инъ цзы, такъ здѣсь называютъ Нючжуанскій портъ. Насъ пугали, что въ Гиринѣ не найти намъ извозчиковъ въ дальнѣйшій путь; что повѣды на Амуръ этимъ путемъ рѣдки; торговый трактъ въ Цицихарь и Айхунь ѣздитъ черезъ проходъ Ивовой Изгороди, называемый Факу

мынь, на аймаки Корцинъ и Кордсѣ; тамъ есть огромныя колоніи китайскихъ землепашцевъ, въ Чанъ ту и Чанъ чунъ (Куанъ чэнъ цзы); но мы не могли измѣнить нашего маршрута и рѣшили покориться всѣмъ случайностямъ путешествія. Поднявшись съ мѣста, мы выѣхали восточными воротами внутренняго города и направились на сѣверъ, слѣдуя близъ восточной стѣны; у сѣверо-восточнаго угла городской стѣны мы замѣтили небольшую кумирню, въ родѣ пещеры, освѣщенную внутри лампадами; передъ кумирней водружено, по маньчжурскому обыкновѣнію, нѣсколько красныхъ шестовъ; вся прилегающая къ кумирнѣ часть городской стѣны увѣшана досками, съ благодарственными надписями за спасеніе и исцѣленіе; кумирня посвящена ху чэнъ лао ъ (господину хранителю города), въ простонародѣ называемому Лао ъ цзы (сударь); такъ величаютъ въ Маньчжуріи чудесную лисицу, въ родѣ оборотня. Странно было встрѣтить здѣсь, въ такомъ ходу, китайское суевѣріе, которое въ самомъ Китаѣ, въ настоящее время, считается предосудительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не выражается въ открытомъ и общественномъ почитаніи. Пройдавъ сѣверными воротами внѣшняго города, мы поднялись на глинистый уваль (Ту ганъ цзы), на южной сторонѣ котораго построена красивая кумирня, Лао ъ мяо, въ честь Гуанъ дѣ, глубокого чествуемаго по всей Маньчжуріи. Гуанъ дѣ былъ историческое лицо Ш-го вѣка по Р. X. и назывался Гуанъ юй; во время междоусобій того времени въ Китаѣ, онъ былъ однимъ изъ воеводъ, ратовавшихъ за законное дѣло дома Ханъ, и въ этой борьбѣ погибъ. Во вниманіе къ его доблестямъ, онъ былъ возведенъ въ санъ божества, подъ именемъ Гуанъ дѣ (царя Гуанъ). Надобно думать, что чествованіе его въ Маньчжуріи распространено было военными колоніями китайцевъ при династіи Минъ, и нынѣ царствующій въ Китаѣ домъ еще въ Маньчжуріи привыкъ благоговѣть къ его имени. — Съ вершины увала, вдали на с.-в. стали показывать

ся горы. По сторонамъ замѣтны были слѣды маяковъ. Здѣсь впервые показались мухи; до сихъ поръ мы не видѣли ни мухъ, ни осъ. Мы остановились (почевать въ мѣстечкѣ Давъа (большая впадина), расположенномъ въ болотной лощинѣ. На постояломъ дворѣ надобно было помѣститься въ общемъ амбарѣ; тутъ же находилась и школа со множествомъ учениковъ. Дорога была несносная; къ вечеру вѣтеръ стихъ и небо покрыто было дождевыми облаками. Ночью, у откры-тыхъ оконъ амбара, надолго намъ до глубокой полночи слѣпой трубадуръ съ гитарой и барабаномъ, нѣсколько разъ пропѣвъ о въ добрыя намъ пожеланія и наконецъ, такъ какъ никому не хотѣлось вставать съ постели, удалился, съ укориз-ненными возгласами.

15 мая.

Утро было туманное; перепадать мелкій дождь. Путь нашъ даже лежалъ по волнистой повѣи, — черезъ отпрыски восточныхъ горъ, между тѣмъ, какъ слѣва простиралась Ляодунская равнина, на которую иногда мы спускались. Дорога была чрезвычайно избита. Проѣхали Маньчжурское поселеніе Цинъ жи тай, довольно промышленное; улица за-вѣшана была синими холстами, вывѣшенными для просушки. Дорога, послѣ Мукденской, казалась пустынною; план-таціи рѣдки; попадаются дѣла и Шань хлихунъ (резань); встрѣчные экипажи были, большею частію, порожніе; разъ попался рыдванъ, на которомъ везли гробъ съ покойникомъ, въ Китай; въ Маньчжуріи существуетъ суевѣрный обычай отправлять отсюда покойниковъ въ Китай, съ запасомъ би-летовъ, взятыхъ изъ кумирни Чэнь хуанъ мяо (городскаго пената) того города, гдѣ временно жилъ умершій; при каж-дой переправѣ черезъ рѣку, или проходъ черезъ заставу, об-жигаютъ до одного билета, давая тѣмъ знать мѣстному духу, что покойникъ имѣетъ право на пропускъ; иначе, душа его,

слѣдующая за тѣломъ, не можетъ перейти ни за рѣку, ни чрезъ заставу. Поднявшись на значительный переваль Хама-линъ (лягушечій), мы встрѣтили поѣздъ съ важнымъ преступникомъ, старикомъ лѣтъ 70; по обыкновенію, везли его на открытой одноколѣѣ, безъ шапки, со скованными ногами; поровнявшись съ нимъ, я узналъ въ немъ магометанина (ля подстриженнымъ усамъ); широкое лице его было блѣдно и совершенно безстрастно; заплывшіе кровью глаза устремлены были впередъ неподвижно; голова качалась изъ стороны въ сторону; впереди ѣхалъ въ экипажѣ офицеръ въ полной формѣ; за преступникомъ еще два возка съ конвоемъ. Магометанъ въ Маньчжуріи очень много; большею частию они свободные переселенцы изъ Шань дуна, и подобно тому, какъ въ Китаѣ, не пользуются доброю репутаціею; безпорядки, часто повторяющіеся въ Маньчжуріи, не обходятся безъ ихъ участія. Съ вершины Хама линъ передъ нами открылся великолѣпный видъ на сѣверъ, гдѣ обрисовалась цѣпь горъ, отдѣленная отъ насъ прекрасной долиной, погруженной въ утреннее туманѣ; оттуда мы спустились въ долину, гдѣ, между двумя отрогами горъ, расположена станція Илѹ; предъ вѣздомъ въ селеніе, мы встрѣтили конный отрядъ Солоновъ, вооруженныхъ луками, стрѣлами и копьями; завидѣвъ насъ, они весело крикнули намъ монгольское: менду, и проѣхали мимо въ порядкѣ, по два въ рядъ. Илѹ, говорятъ, стоитъ на мѣстѣ стариннаго города Илѹ; сян, названнаго такъ въ память древняго народа Маньчжуріи, Илѹ. Нынѣ мѣстечко это заселено китайскими выходцами изъ Шань дуна; расселились они въ Маньчжуріи въ огромномъ количествѣ, назадъ тому очень давно, въ ту пору, когда Маньчжурь, прѣмѣнявъ свою родину на Китаѣ, открыли свободный входъ въ нее, для переселенцевъ; Шаньдунцы, терпѣвшіе въ ту пору голодь отъ неурожая и стѣсненіе отъ избытка населенія въ странѣ гористой, двинулись колоніями въ Маньчжурію; населеніе ихъ столь велико

здѣсь, что наложило свое нарѣчіе на поселенцевъ изъ другихъ провинцій Китая, исключая кочующихъ Шаньсійцевъ, которые съ трудомъ измѣняютъ свое нарѣчіе. Въ настоящее время, значительное число промышленниковъ, временно проживающихъ въ Маньчжуріи, тоже Шаньдунцы. — Илѹ поселеніе огромное; однимъ краемъ оно примыкаетъ къ перевалу. Не останавливаясь долго въ Илѹ, мы поѣхали далѣе, черезъ уваль, и поѣхали поселеніе Фань цзя тунь, расположенное на равнинѣ близъ горъ; здѣсь тунь, т. е. поселенія, суть военноподатныя колоніи изъ старыхъ, или коренныхъ, Маньчжуровъ (Фѹ маньчжу), которыя поселили здѣсь вслѣдствіе увеличенія Маньчжурскихъ полковъ; эти тунь расположены близъ Ивовой изгороди, но ту и другую сторону ея. Далѣе, мы держались постоянно гористыхъ возвышенностей, имѣя ихъ на право; на одной горѣ красовалась зрусная башня; вскорѣ затѣмъ показался городъ Тѣлинъ сянь, къ которому мы направились; онъ широко раскинулся вблизи длиннаго горнаго бряжа, Тѣлйнъ, затемнѣвшаго за городомъ; въ городу ведетъ превосходная гладкая и ровная дорога. Мы миновали одну гору, на которой временно пребывалъ императоръ Канси, и потому названную Чжуби шань; потомъ поѣхали мимо религіознаго монумента, похожаго на триумфальную арку, изваянной формы, съ тремя сквозными каменными проходами подъ сводами. Поѣздъ нашъ направился въ восточное предмѣстье города; улицы были чрезвычайно оживлены; наступили уже сумерки и начиналъ крпать дождь; когда мы въѣхали на небольшую площадь передъ городскими воротами; здѣсь странный видъ поразилъ насъ: вся площадь уставлена была наковальнями съ пылающими горнами, и кузнецы неустанно ковали желѣзо; удары молотковъ смѣшивались съ шумомъ густой толпы народа, освѣщеннаго багровымъ пламенемъ горновъ и гуломъ отъ раздувальныхъ мѣховъ; главная статья промышленности и торговли здѣсь есть желѣзо, добываемое въ хребтѣ Тѣлйнъ (желѣзный хребетъ).

Мы едва выбрались из этого циклопическаго притона и удалились на край предмѣстья, гдѣ находился единственный постоянный дворъ; весь онъ загроможденъ былъ телегами и скотомъ съѣхавшихся на базаръ окрестныхъ жителей; въ Маньчжуріи, какъ и въ Китаѣ, въ каждомъ порядочномъ мѣстечкѣ непременно бываетъ базаръ въ опредѣленные дни луны, но крайней мѣрѣ разъ шесть въ мѣсяцъ, напр. во 2 и 8, 12 и 18, 22 и 28 числа луны; на базары крестьяне свозятъ свои произведенія и закупаютъ на нихъ нужныя для себя вещи; въ Тѣлинѣ сѣнѣ такія базары ежедневны. Эти срочные рынки называются цзи (сѣзды), въ Маньчжуріи же гай (по пекински цай, улица, рынокъ); но произношенію Шаньдунцевъ. На постояломъ дворѣ не было помѣщенія; мы едва могли уговорить хозяина его очистить для насъ уголь въ огромномъ Дао цзѣ (общій амбаръ). Къ вечеру пошелъ дождь, съ громомъ. Вечеромъ, одинъ пожилой прислужникъ постоялаго двора рассказывалъ мнѣ о своемъ путешествіи въ Усурійскій край, куда онъ ходилъ на заработки, и описывалъ дремучіе лѣса, выдоя горы и болотистыя долины, которыя заграждаютъ путь въ этотъ золотой край (бао ди); за то въ одинъ годъ смѣлый промышленникъ можетъ тамъ добыть себѣ столько, сколько онъ не былъ бы въ состояніи приобрести десятилѣтнимъ трудомъ на родинѣ.

16 мая.

Утромъ былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся и солнце поднялось яркое. Переѣхавъ рѣчку Чайкэ, мы ѣхали среди обработанныхъ полей; здѣсь повстрѣчали мы французскаго миссіонера, ѣхавшаго въ китайскомъ возкѣ, въ сопровожденіи катехизатора изъ китайцевъ; онъ остановился и поговорилъ со мной короткое время; по его словамъ, онъ и еще другой, товарищъ его, считаются Усурійскими миссіонерами; онъ ѣхалъ въ Мукденъ, по какому-то дѣламъ. Въ этотъ день было 28 число

4 луны, и празднество въ Тѣлинской кумирнѣ, Нанъ нячъ мяо, т. е. посвященной женскому божеству; по дорогѣ, на встрѣчу намъ намъ, шли и ѣхали нарядныя Маньчжурки изъ ближнихъ поселеній. Въ 10 ли отъ города, мы проѣхали небольшое мѣстечко Гао ли чжань, т. е. Корейское. Встрѣча имени Кореи, въ мѣстности столь отдаленной отъ этого слабого владѣнія, могла бы возбудить недоразумѣнія, если бы историческіе документы не свидѣтельствовали о прежнемъ вліяніи его въ здѣшнемъ краю; довольно вспомнить, что династія Гао ли, производя свой родъ отъ древнихъ Гао гду ли, и потому считая себя въ родствѣ съ домомъ Бо хай, предъявляла права свои на весь Ляо дунъ, и что споръ Кореи съ Китаемъ за Тѣлинъ былъ поводомъ къ паденію династій Гао ли и воцаренію нынѣшней Чао сянь. Мы приближались къ горамъ, когда тустой туманъ, покрывавшій ихъ, быстро сталъ спускаться по ихъ склонамъ, полетѣлъ по долинѣ и погрузилъ насъ въ полумракъ, обдавая сильнымъ холодомъ. Это явленіе у Китайцевъ служило признакомъ наступленія ясной погоды. Затѣмъ проѣхали мы два селенія Чжунъ ву и Шахэ, слѣдуя большею частію гористой мѣстностію, и выѣхали на высокую равнину, на которой расположено поселеніе Сунъ цзя тунъ, гдѣ мы остановились для роздыха. Всѣ здѣшнія горы красноглинистыя, отлогія и безлѣсныя, покрыты зеленью, среди которой краснѣютъ прогалины. Отправившись со станка, мы ѣхали по высокой равнинѣ; на лѣво, вдали, поднималась ярусная башня города Кай юань сянь; мы переправились въ бродъ, черезъ рѣчку Цинъ хэ, текущую къ Кай юань сянь, который отсюда не далѣе, какъ верстахъ въ трехъ; въ верховья она протекаетъ мимо городища Хада, принадлежавшаго некогда народу того-же имени; оттого называется также Хадахэ. Кай нанъ сянь, въ старину, былъ однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ; такъ при династїи Минъ, крѣпость эта была въ сосѣдствѣ, съ одной стороны, съ Урянха, народомъ монголь-

скаго племени, съ другой, съ Чжурчжи, называемыми Хайси. Во время монгольскаго владчества, въ этомъ пунктѣ сосредоточено было управленіе всею сѣверо-восточною Маньчжуріею. За рѣчкой, мы ѣхали по равнинѣ, при тихой, ясной и теплой погодѣ; мѣстоположенія здѣсь красивы; прекрасныя рѣчки извиаются среди полей; вдаль тянутся цѣпи горъ мягкими линіями. Мы остановились ночевать въ поселеніи Цзю шэ, расположенномъ при рѣчкѣ. (Цзю шэ, т. е. девятая община, или деревня, переселенцевъ). Здѣсь сообщили намъ, что изъ Гириня прислали сюда человека узнать о нашемъ слѣдованіи; селеніе это было вблизи Ивовой изгороди, за которою начиналось Гириньское воеводство; такъ здѣсь принято вопреки Атласу, на которомъ граница поставлена дальше. Хозяинъ гостиницы, предполагая въ насъ важныхъ особъ, принялъ насъ очень любезно и уступилъ, въ наше распоряженіе, свой Гуифанъ, т. е. контору и вмѣстѣ свое помѣщеніе. Замѣчу здѣсь, что Гиринь въ Маньчжуріи вообще такъ не называется: самое обыкновенное его названіе Чуань чанъ (верфь), и еще проще: Чанъ, такъ какъ въ немъ строили и строятъ казенныя суда для плаванія по Сунгарю (а прежде и по Амуру). Вообще, китайское населеніе, которое теперь можно считать господствующимъ въ Маньчжуріи, установило здѣсь свои названія, которыя приняла и Маньчжурия. Вечеромъ собралась въ намъ толпа китайцевъ; между прочимъ, они, съ полною вѣрою, рассказывали намъ о чудесахъ, творимыхъ лисицами, хорьками, зайцами и мышами; эти животныя, какъ вредныя въ земледѣльчествѣ, играютъ важную роль въ народной религіи китайскихъ крестьянъ; въ особенности, послѣ лисицы, чествуется хорекъ (хуанъ шуланъ), называемый здѣсь, большею частію, волченкомъ (хуанъ ланъ цзы). Кумиренки въ честь этихъ хищныхъ и хитрыхъ звѣрковъ перемежаются съ кумирнями въ честь Лáo фъ (Гуанъ ди). Хорекъ есть также одно изъ божествъ въ Маньчжуро-Китайскомъ шаманствѣ (тiao шень, т. е. ушла-

сиваніе духовъ, или умилоствленіе ихъ цляскою); я не слышалъ, чтобы волкъ значилъ что нибудь въ китайскихъ суевѣріяхъ въ Маньчжуріи; онъ, какъ хищный звѣрь пастбищъ, отошелъ дѣль повѣрья кочевыхъ степныхъ племень, подобно тому какъ тигръ, царь горъ, и медвѣдь, царь лѣсовъ, служатъ предметомъ обожанія у полудикихъ народовъ сѣверовосточной Маньчжуріи. Изображенія божествъ, чествуемыхъ въ Маньчжуріи, преимущественно рисованныя; по крайнемѣрѣ, на всемъ пути нашемъ, я не видѣлъ ни одного кумира (разумѣется, исключая буддійскихъ).

17 мая.

Сегодня мы должны были проѣхать чрезъ знаменитую Ивовую границу (Лютяо баянь, т. е. граница изъ ивовой изгороди, попросту Любянь, — ивовая граница). Мы ѣхали по равнинѣ при сильномъ холодномъ вѣтрѣ; небо заволокло дождевыми облаками; перѣехали въ бродъ рѣчку Кдуха и приближались къ цѣпи холмовъ, по которой проложена изгородь. Напрасно отыскивалъ я глазами слѣды ея по вершинамъ горъ; тамъ росли деревья, которыя отъ этой межи далѣе уже не рѣдкость; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по хребту, видны были мелкія возвышенія, въ видѣ бугровъ; но были ли то остатки изгороди, трудно рѣшить. Ивовая изгородь первоначально состояла изъ ивовыхъ тычинъ, отъ 2-хъ до 4-хъ футовъ вышиною, въ родѣ прясель; при ней вырытъ былъ ровъ; такъ было назадъ тому болѣе ста лѣтъ, по разсказу одного очевидца, китайца; другой писатель повѣствуетъ, что тычины разрослись въ огромныя деревья; но деревья и теперь растутъ по всѣмъ тамошнимъ горамъ, такъ что трудно выслѣдить искусственные разсады.

Мы проѣхали небольшое мѣстечко Вэй юань пү, знаменитое по проходу чрезъ Изгородь, называемому по его имени, Вэй юань пү мінъ. Въ концѣ мѣстечка, при вы-

ѣздѣ на сѣверъ, устроены простыя ворота и при нихъ гауптвахта, съ черными рогатинами; отъ воротъ на право, къ низменному увалу, и на лѣво, къ рѣчкѣ, выведены сбитыя изъ глины стѣнки, — все это и составляетъ заставу. Подѣхавъ къ воротамъ, мы остановились; изъ гауптвахты вышелъ дозорный и спросилъ, изъ какого мы царства, и когда получишь отвѣтъ, то попросилъ насъ на гауптвахту выпить чаю; намъ не хотѣлось останавливаться, и дозорный раскланялся съ нами. За воротами, мы вѣхали въ долину; горы лѣвой окраины были лѣсисты; мы были не болѣе, какъ въ верстѣ отъ заставы, когда нагналъ насъ другой дозорный, запыхавшись; на заставѣ спохватились, что не освидѣтельствовали моей подорожной, и одинъ дозорный бросился догонять насъ; прочитавъ охранный листъ, онъ успокоился и объяснилъ намъ, что мы тѣ самыя лица, о проѣздѣ которыхъ черезъ заставу Гиринскій воевода приказалъ донести ему; дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени отъ заставы отправился и обогналъ насъ вершникъ, везшій извѣстіе въ Гиринь о нашемъ слѣдованіи; я призадумался надъ такою странною бдительностію гиринскихъ властей относительно нашего поѣзда и никакъ не могъ домыслиться до причинъ ея. Мы ѣхали по прекрасному удолю, вверхъ по извилистой рѣчкѣ, и миновали, не останавливаясь, таможенную заставу. Здѣсь настигъ насъ короткій дождь, послѣ котораго поднялся холодный сѣверный вѣтеръ; по склонамъ горъ видны были пашни въ красноглинистой почвѣ. Для отдыха мы остановились въ Мйнхуа гай (улица хлопка); названіе это передѣлано главными обитателями здѣшними, шавьдунцами, изъ маньчжурскаго: Монгу холо (монгольская долина); послѣднее дано, вѣроятно, или по причинѣ близости Монголіи, или въ память давняго господства Монголовъ въ этомъ краѣ. Далѣе продолжалась таже прекрасная долина, орошаемая рѣчкой; на лѣвой окраинѣ ея тянулась цѣпь торъ, съ ровными, какъ будто срѣзанными вершинами и съ отвѣсными треугольными

спусками на долину, заросшими густымъ кустарникомъ. Въ урочищѣ Янь му дѣнь цзы (тополевоѣ рошѣ) мы проѣхали мимо другой таможенной заставы. Впередѣ показались горы Ъхэ, значительной вышины; по склонамъ ихъ, на красноглинистой почвѣ, среди зелени, рѣзко выдавались, розовыми пятнами, пашни и промоины. На одной изъ горъ лѣвой окраины долины ясно были видны слѣды укрѣпленія, съ витымъ всходомъ на вершину ея. По дорогѣ попадались трясины, снизу устланныя гатю, а сверху засыпанныя землею; на этихъ зыбкихъ мостахъ экипажи качались, какъ будто проѣзжали по тонкимъ доскамъ; такія мостовыя за Ивовою изгородью были часты; въ иныхъ изъ нихъ нижнія гати подгнили, и тогда ноги муловъ и колеса возковъ проваливались въ тѣну. Подѣвзкая къ станціи Ихэ, мы проѣхали мимо городища Ихэ хотонь, бывшаго резиденціей Бѣйлэ (князя) Маньчжурскаго народа Ъхэ; каждая сторона его отъ 50 до 70 сажени; оно показалось мнѣ параллелограмомъ, съ обругленными углами и построеннымъ, какъ будто, на срѣзанной вершинѣ натурального холма; валъ вышиною сажени въ двѣ; тотчасъ видно, что укрѣпленіе это не дѣло китайскихъ рукъ. Городище въ Гиринскомъ воеводствѣ насчитываютъ болѣе 30, но если, въ томъ числѣ, разумѣются и городища Усурійскаго края, то на долю средней Маньчжуріи останется слишкомъ мало слѣдовъ минувшей воинственности и гражданской жизни; куда дѣвались 80 городовъ Бохайскаго царства въ Маньчжуріи? Очевидно, что внутренность этой страны еще мало изслѣдована и мало извѣстна. Что касается до увѣренія китайскихъ географовъ, что всѣ городища Гириньской страны суть старинныя резиденціи разныхъ Бѣйлэ маньчжурскаго племени, то оно слишкомъ безусловно. Долина, которой мы проѣзжали, составляла нѣкогда владѣніе Ъхэ, но кромѣ незначительнаго Ъхэ хотонь, да одного, или двухъ укрѣпленій на горахъ, ни видно было другихъ признаковъ стариннаго осѣдлаго быта въ этомъ краю. Стан-

ція Ихэ (читан. Ъхэ) отстоитъ отъ горедница верстахъ въ трехъ, при горахъ значительной вышины; мѣстечко населено Шандунцами; въ немъ мы остановились для ночевья. Горныя возвышенности, по которымъ пролегаетъ здѣсь дорога, составляютъ межевую линію, дискони отдѣлявшую собственно Маньчжурію отъ страны Ляо дунъ и Ляо сѣ, въ которой Китай всегда старался упрочить свое господство; эта линія идетъ, въ восточной части, по отрогамъ Чанъ бо шаньскихъ горъ, а на западъ отъ рѣки Ляохэ, по отрогу хребта Хинъ чанъ (Хинганъ); такъ показываютъ китайскіе географы. Императоръ Канси провелъ по этой чертѣ Ивовую изгородь, огородивъ ею заповѣдныя мѣста своей родины, могилы предковъ; потомъ отъ с.-в. угла изгороди, онъ провелъ далѣе особую отрасль ея, для охраненія облавныхъ мѣстъ. Въ этой огромной горной оградѣ, обнимающей цѣлую страну, существуютъ до 20 проходовъ, называемыхъ воротами, и при каждомъ устроена застава и поставленъ караулъ. Въ времена Канси, когда страны за ивовой границей не объединились еще подъ вліаніемъ гражданскаго быта и правильной администраціи, и были почти чужими для Маньчжуровъ, и когда Элюты произвели волненіе во всей Монголіи, грозившее опасностью рѣдинѣ Маньчжурской династіи, мысль устроить оплотъ противъ возможныхъ вторженій казалась натуральною. Однако, страннымъ кажется, что умный государь Канси увлекся общою страстью крайняго востока строить безконечно длинныя оплоты, когда прежніе примѣры доказали, что они почти вовсе бесполезны и не стоятъ неимоверныхъ трудовъ, какихъ требовало построеніе ихъ; подобныя стѣны были не болѣе, какъ наглядную границу, которую, въ военное время, трудно было охранять; Китайцы испоконъ вѣка, въ вынужденныхъ сношеніяхъ и столкновеніяхъ съ сосѣдними племенами, любили, прежде всего, ставить межи, подобно волшебникамъ очерчивающимъ себя при началѣ своихъ дѣйствій; въ подражаніе имъ,

и сосѣдніе имъ народы устраивали вѣлы, перекопы и изгороди, одинъ противъ другаго, — Корейцы противъ Чжурчжи, Чжурчжи противъ Корейцевъ, Гиньды противъ Монгольскихъ племенъ, и наконецъ отдаленные Японцы противъ Аино. Канси, но, видимо, завершилъ этотъ первобытный способъ обороны.

18 мая.

Утромъ небо было безоблачно и воздухъ свѣжъ. Мы ѣхали по гористымъ мѣстностямъ, то спускаясь въ долину, то едуча по склону горъ, то поднимаясь на перевали. Горы впереди постепенно расходились и понижались. Погода сдѣлалась туманною, вѣхою и теплою. Два роздыха остановились въ слободѣ Хэ шао динъ (обожженная гора). Здѣсь былъ праздникъ по случаю 1-го числа 5-й луны; кумирня, посвященная Дяоу и Нянъ нянь (женскому божеству), была открыта; близь нея устроенъ былъ театр; кавалеры и дамы шли толпами на празднество. Здѣсь впервые видѣли мы пѣгихъ свиней; доселѣ были черныя, какъ во всемъ Китаѣ. Съ мѣста роздыха, мы поднялись на возвышеніе съ площадью, на которой толпился празднующій людъ. Далѣе долина все болѣе и болѣе расширялась; лѣвая окраина ея далеко углубилась отъ дороги. На одномъ возвышеніи цвѣтъ глины былъ ярко оранжеваго цвѣта, оттого, вѣроятно, весь этотъ переваль названъ обожженнымъ. Затѣмъ мы ѣхали по равнинѣ съ частыми топями, и перѣехали въ бродъ довольно глубокую рѣчку Хэрсю, или Керю; шириной, по горному склону расположено мѣстечко Хэрсю. Послѣ того мы поднялись на уваль, на вершинѣ котораго видны слѣды овальнаго городища, и отуда спустились въ деревню Сюэ гу шанъ (малая Гушань, или одинокая гора), — гдѣ мы остановились ночевать. Названіе это деревня получила отъ ближней красивой горки, одиноко стоящей на равнинѣ и обросшей лѣ-

сомъ; горка внизу обведена стѣной; на верху ея построена кумирня. Жители деревни тоже Шандунцы; въ селеніяхъ по этому тракту много маометанъ, переселившихся сюда изъ Шандуна; у нихъ есть мечети. — Хозяинъ гостинницы разсказывалъ намъ, что конные разбойники сврывались въ здѣшнихъ горахъ и грабили преимущественно деньги и опиумъ; всему причиною, будто бы, голодъ. Онъ сообщилъ намъ также, что нашѣмъ поѣздъ разосланъ былъ изъ Гириня по всеѣмъ дорогамъ циркуляры, съ приказаніемъ доносить по начальству, куда когда мы прибудемъ и когда отправимся. Замѣчательно, что давно уже мы не видѣли ни одного ивчиго; за то постоянно встрѣчали слѣпыхъ трубадуровъ. Рѣчь повсюду китайская. Съ приближеніемъ въ Гириню употребленіе курительнаго табаку обще для всеѣхъ возрастовъ обоого пола; ребенокъ едва въ состояніи ходить, а уже имѣетъ свою трубочку; сами родители приучаютъ дѣтей въ куренію; у каждаго мальчика есть своя трубка и кисеть за поясомъ. За то куреніе опиума въ здѣшнемъ простонародѣ не такъ развито, какъ въ Китаѣ; курять его только люди зажиточные. Земледѣліе въ здѣшнихъ возвышенныхъ мѣстностяхъ не въ цвѣтущемъ состояніи; крестьяне жадовались на плохую почву; большихъ трудовъ стоитъ имъ красноглинистый грунтъ земли обращать въ хлѣбородныя поля, посредствомъ удобреній; для этого они добываютъ черноземъ при дорогахъ и въ болотныхъ мѣстахъ.

19 мая.

До полуночи дулъ сильный вѣтеръ. Утромъ мы ѣхали по длиннымъ, отлогимъ возвышеніямъ и открытымъ мѣстностямъ; горы далеко разошлись по сторонамъ. Съ одного возвышенія мы увидѣли на волнистой равнинѣ Да гу шанъ (большая Ру шанъ, или одинокая гора); по сторонамъ видѣлись такія же одинокія сопки и въ другихъ мѣстахъ; мы слѣдовали по напра-

вленію къ этой горѣ, миновали ее и поднялись на возвышеніе, откуда особая дорога ведетъ въ Куань чэнъ цзы; затѣмъ, также чрезъ возвышенія, доѣхали до мѣстечка Итунъ, иначе Итунъ; селеніе значительное; расположено на берегу рѣчки Итунъ хэ, впадающей въ Сунгари; здѣсь мы остановились для отдыха. О рѣчкѣ Итунъ надобно сказать слова два. Во времена Канси, когда споръ за Албазинъ былъ въ полномъ разгарѣ, и Маньчжурь начали передвигать войска къ Амуру, встрѣтилось большое затрудненіе въ доставленіи провіанта для дѣйствующихъ войскъ, такъ какъ заливной границей, въ ту пору, не было ни достаточно земледѣлія, ни запасныхъ магазиновъ; тогда придумали сплавить хлѣбъ вверхъ по рѣкѣ Ляохэ, чтобы потомъ доставить его на Сунгарю. Суда съ провіантомъ должны были плыть восточнымъ притокомъ рѣки, называемымъ Дунъ ляо хэ (восточною Ляохэ); тамъ же, гдѣ этотъ притокъ дѣлаетъ поворотъ, хлѣбъ предполагалось провезти сухимъ путемъ до рѣчки Итунъ хэ и по ней на судахъ сплавить въ Сунгари. По извѣренію оказалось, что отъ поворота Дунъ ляо хэ до рѣчки Итунъ хэ, въ самомъ близкомъ взаимномъ разстояніи ихъ, всего сто ли, или 50 русскихъ верстъ; но, какъ кажется, проэктъ этотъ не приведенъ въ исполненіе; споры съ Россією были покончены, и вопросъ о новомъ хлѣбо-сплавномъ пути замолкъ. Не могу сказать, пользуются ли нынѣ этимъ путемъ, по крайней мѣрѣ, мелкія торговыя суда; для большихъ врядъ-ли онъ возможенъ; Ляохэ обмелѣла и очищенія ея трудно ожидать отъ безпечнаго правительства. Замѣчательно однакожь, что водяное сообщеніе между Амуромъ и Ляодунскимъ заливомъ преграждается только 50-верстнымъ волокомъ, по которому, вѣроятно, удобно устроить каналъ. По выѣздѣ изъ селенія, мы перѣехали мелкую рѣчку Итунъ хэ въ бродѣ; въ низовья она, вѣроятно, глубже; въ заливѣ слѣдоваль подъемъ на уваль; послѣ того мы перѣехали еще уваль, спускъ съ котораго идетъ среди роцъ и чрезвычайно

живописенъ. На долинѣ мы переправились черезъ рѣчку Ймахэ (на атласѣ Йбаданъ), и остановились въ мѣстечкѣ Ймачжанъ (на атласѣ Йбаданъ), расположенномъ на этой рѣчкѣ по долинѣ. Почва повсюду красная глина. Вечеромъ былъ у насъ Маньчжуръ, участвовавшій въ разграниченіи озера Синъ койху (Хинка).

20 мая.

Утромъ было очень свѣжо. Мы замѣтно подвигались въ страну болѣе и болѣе гористую и лѣсистую; но лѣсъ повсюду былъ молодой; старыхъ, вѣковыхъ деревьевъ вовсе не было видно. Переѣхавъ черезъ большую лѣсистую гору, мы спустились въ долину, съ которой видны были, по сторонамъ, острия сопки, сверху до низу обросшія лѣсомъ. Въ другой долинѣ мы оставили на лѣво широкую дорогу въ Куанъ чѣнъ цзы; далѣе проѣхали бѣдную деревеньку Шитоу хэцзы (каменистая рѣчка), расположенную на рѣчкѣ этого имени. Погода стояла ясная и теплая; дорога пустынная; мы обогнали только рыдваны со ссыльными; при каждомъ ссыльномъ было по нѣсколько человекъ конвоя; въ гостинницахъ, гдѣ они оставались, принимали ихъ неохотно и съ неувольствиемъ; ссыльные, въ особенности евнухи, были требовательны и капризны; а вонвойные старались платить за постой и прокормъ какъ можно меньше; мы часто были свидетелями выходившихъ изъ за того споровъ, шума и даже драки. Съ возвышенностей мы спустились къ рѣкѣ Шуанъ янь хэ (на атласѣ Шуа янь), на которой расположено мѣстечко Шуанъ янь, гдѣ мы и остановились для роздыха. Отъ этого мѣста мы ѣхали, по прежнему, черезъ увалы, то спускаясь, то поднимаясь, — по отпрыскамъ Чанбошаньскихъ горъ; наконецъ, переѣхавъ въ бродъ широкую, быструю и мутную рѣку Ирмѣнь, мы прибыли на станцію Ирмѣнь чжанъ, но здѣсь не нашли помѣщенія и принуж-

днемъ были проѣхать до деревеньки Вулидѣнь (гостинница въ 5 ли), гдѣ отыскали для себя двѣ плохія комнаты; онѣ завалены были лукомъ и плевой, которою здѣсь кормятъ собакъ. Здѣсь я имѣлъ визитъ отъ хѣшана (буддѣйскаго монаха), молодаго и щегольски одѣтаго; онъ не былъ постриженъ, что часто бываетъ въ этомъ классѣ людей. Встрѣтить хѣшана въ Маньчжуріи большая рѣдкость; монахи этой секты существуютъ только въ главныхъ городахъ Маньчжуріи и то, большею частію, только при казенныхъ кумирняхъ. Населеніе края, сколько я замѣтилъ, вообще не расположено къ нимъ; у него есть своя религія и свои суевѣрія.

21 мая.

Съ приближеніемъ къ Гириню, мѣстечки, чрезъ которыя мы проѣзжали, населеннѣе и оживленнѣе. При свѣжей утренней погодѣ, переѣхавъ черезъ отлогое возвышеніе, мы прибыли къ мѣстечку Шѣлихѣ (на атласѣ Салунъ хѣ), расположенному по обоимъ берегамъ рѣки того же имени; мы переправились черезъ нее въ бродъ; рѣка широка и бѣжитъ съ шумомъ по каменистому ложу; въ мѣстечкѣ былъ утренній рынокъ; торговая улица загромождена была глиняной посудой, соломенными шляпами, лукомъ и грудами шпината. За рѣкой дорога пролетаетъ красивыми рощами; вдали горы выступали съ юга мысами, которые намъ приходилось объѣзжать. Мы остановились для роздыха въ большомъ и оживленномъ мѣстечкѣ Илиці (иначе Иласи и Илаці), куда на базаръ съѣхалось множество народа; хозяинъ гостинницы Маньчжуръ, высокій и стройный мужчина, съ длиннымъ лицомъ и такимъ же носомъ; не разъ я уже встрѣчалъ въ Гириньскомъ воеводствѣ подобнаго типа Маньчжуровъ, и думалъ, не чистокровные ли они представители этой расы, болѣе или менѣе сохранившіеся въ глубинѣ Маньчжуріи. Смотря на этихъ статныхъ выходцевъ изъ Чанбошанскихъ

долинъ, какъ-то трудно сроднить ихъ съ тѣмъ племенемъ, которое, ради научной необходимости установить какую нибудь этнографическую классификацію, назвали тунгузскимъ. Когда мы углубляемся въ древнюю исторію туземныхъ племенъ Маньчжуріи, насъ поражаетъ характеръ кастъ, господствующій въ ихъ общественномъ устройствѣ; съ одной стороны, владѣтели и воины, съ другой—рабы и служители, равны по происхожденію; рабство внесено въ Корею первою колоніею съ горъ Бухянь (Чанъ бо шань) и несомнѣнно того же происхожденія, какъ завоевательныя колоніи послѣдующихъ временъ, двинувшіяся съ береговъ Сунгари въ ту же Корею; дворянство и рабство было уже вполне развито въ народѣ Фу юй, который въ Маньчжуріи первый вышелъ изъ полудикаго состоянія и воспринялъ формы гражданского быта. Были ли эти Гя, Хя или Кя привилегированными родами племени, или пришельцами завоевателями, это первый вопросъ, который должна бы рѣшить историческая этнографія Маньчжуріи, прежде чѣмъ обобщать населявшіе ея народы. Если же непременно нужно найти одно начало народностей этой страны, то исторія указываетъ на Сушынъ, которыя имѣютъ неоспоримыя права, какъ аборигены, быть общими предками Маньчжурскихъ народовъ, гораздо болѣе, чѣмъ однавашія и отдаленныя отрасли ихъ. Замѣчательно, что Пекинскій историческій комитетъ прошедшаго вѣка подозрѣвалъ въ названіяхъ Сушынъ и Чаосянъ искаженное выраженіе названія Чжурчжи и такимъ образомъ придавалъ имъ племенное значеніе въ обширномъ смыслѣ, какое бы ни было истинное произношеніе древняго кореннаго слова. Комитетъ, произведшій путаницу въ исторіи произвольными возстановленіями иноземныхъ собственныхъ наименованій, на этотъ разъ, по моему мнѣнію, былъ близокъ къ правдѣ. Справедливо говоритъ китайская пословица, что неразумный чело-вѣкъ изъ тысячи нелѣпыхъ мыслей можетъ случайно высказать одну добрую, какъ и умный чело-вѣкъ изъ тысячи здра-

*

выхъ мыслей можетъ высказать одну нелѣпую. — На этой станціи, мы слышали, что въ Гиринь вскорѣ долженъ прибыть, по Сунгари, русскій пароходъ, съ большой командой, и что Гириньскій воевода готовился принять русскихъ и даже приготовилъ для нихъ квартиру. Это былъ ложный слухъ; но всѣ вѣрили ему и связали наше путешествіе съ приходомъ этаго парохода. — Поднявшись со станціи, мы, по прежнему, объѣзжали горные отроги, выступавшіе справа; по дорогѣ проѣхали селеніе Сугунъ (на атласѣ Соудѣнь) и тутъ же переправились въ бродъ черезъ рѣчку того же имени. Далѣе мы ѣхали то около горъ, то по долинамъ; погода стояла ясная и свѣжая. Переправившись черезъ рѣчку Дашуйхэ (на атласѣ Суйхэ), мы остановились въ мѣстечкѣ того же имени. Здѣсь прибывшіе изъ Гирина опять сообщили намъ извѣстіе, что тамъ ждутъ прибытія русскаго парохода, съ уполномоченнымъ для переговоровъ объ открытіи торговли въ этомъ пунктѣ; а мы-де ѣдемъ въ Гиринь нарочито къ тому же времени, съ образцами русскихъ издѣлій; все это казалось здѣшнему обществу совершенно натуральнымъ; и рассказыки, и слушатели смотрѣли на это дѣло спокойно, какъ вовсе не противное ихъ взглядамъ. Мы тоже вѣрили въ приходъ парохода и раздумывали, не лучше ли намъ будетъ перебраться на пароходъ, чтобы прекратить безконечныя толки и докучливыя допрашиванія. Вечеромъ посѣтилъ насъ слѣпой музыкантъ съ мальчикомъ пѣвцемъ; пѣвецъ представилъ длинный замасленный листъ со спискомъ арій, которыя онъ изучилъ, на нашъ выборъ. Намъ было не до пѣсень; но молодой артистъ непременно хотѣлъ развлечь насъ и пропѣлъ оглушительнымъ альтомъ какую-то печальную пѣснь тоскующей души; слѣпецъ аккомпанировалъ ему на флейтѣ; вся китайская дворня гостиницы съ умиленіемъ слушала родные мотивы, забывъ о чужеземцахъ.

22 мая.

Въ этотъ день мы должны были прибыть въ Чуань чанъ или Гиринь. Погода все время стояла ясная, тихая и теплая. Мы начали углубляться въ горы и въѣхали въ долину; горы частію были лѣсисты, частію безлѣсны; лѣсъ по горамъ молодой, не крупный. Намъ предстояло переѣхать черезъ значительный горный отрогъ Лао ѣ линъ, отдѣлявшій отъ насъ бассейнъ Гиринь улы, и мы приближались къ нему долинами и ущельями, чрезвычайно красивыми; по дорогѣ журчалъ ручей, въ зеленой чащѣ раздавался одинокій крикъ иволги; кое-гдѣ курился дымокъ изъ усадьбъ; спокойствіе и тишина царствовали въ этихъ дебряхъ. Затѣмъ начался переѣздъ черезъ крутой и каменистый Лао ѣ линъ; по сторонамъ подъема шла лѣсная чаща; изъ почвы просачивались родники, вода которыхъ съ шумомъ бѣжала по каменистымъ колеямъ дороги. На верху перевала построена красивая кумирня въ честь Гуаньди, или Ляо ѣ, которому посвященъ этотъ хребетъ. Спускъ съ горы былъ не менѣе труденъ и также живописенъ; мы спустились въ ущелье по широкому ручью, потомъ вступили въ долину, гдѣ была деревенька Эррѣ дао линъ (два хребта, т. е. промежъ двухъ хребтовъ); въ ней мы остановились для роздыха. Крестьяне приняли насъ съ радушіемъ; день былъ праздничный, 5-е число 5-й луны; все жители деревни, отъ мала до велика, и обоюго пола, собрались къ намъ въ деревенскую гостинницу. Не смотря на незначительность населенія, здѣсь оказалось училище съ 15-ю школьниками; наставникомъ ихъ былъ одинъ ссыльный студентъ, родомъ изъ Пекинской области; узнавъ, что мы изъ Пекина, онъ съ участіемъ разспрашивалъ о столичныхъ обстоятельствахъ. Деревенскій разскащикъ, потѣшавшій на улицѣ праздную публику, видя, что она покинула его, предпочелъ присоединиться къ нашимъ гостямъ, и для общаго развлечения, представилъ въ забавномъ видѣ трудности путе-

шествiя. Отправившись изъ деревеньки, мы перешли еще два перевала; на одномъ изъ нихъ устроена таможня.

Съ послѣдняго увала мы увидѣли Гиринь, раскинувшiйся на пространной долинѣ и тонувшiй въ рощахъ; за нимъ поднимался огромный горный отрогъ; направо видна была часть Гиринь улы. Мы спустились на равнину и оставили за собой Лао ѳ линъ; на протяженiи этого хребта должна быть близко отсюда Жертвенная гора (Ванъ цзи шанъ, по-маньчжурски называемая Вѣндэхэ), на которой весной и осенью приносится жертва горамъ Чанъ бо шанъ; главный узелъ ихъ отстоятъ отъ Гириня, по показанiю китайской географiи, въ 1,300 ли, или около 700 верстъ; Гириньскiя горы считаются сѣвернымъ отрогомъ ихъ. Извѣстно священное значенiе Бѣлыхъ Горъ на крайнемъ востокѣ, съ глубокой древности. Впервые упоминанiе о нихъ встрѣчается въ Китайской исторiи, подъ именемъ Бу хянь шанъ; слово Бухянь не есть китайское; оно напоминаетъ монгольское Бурханъ,—названiе, которое, въ старину, носили горы Гѣнтэй, въ Монголии (по инымъ, Ханъ ола въ Ургѣ); въ древности, было болѣе общности въ языкахъ народовъ Монголии и Маньчжурiи, чѣмъ въ позднѣйшiя времена. Настоящее названiе Чанъ бо шанъ, Длинныхъ бѣлыхъ горъ, онѣ получили при династiи Гинь, или Чжурчжи; передъ тѣмъ, болшею частiю называли ихъ Тай бо шанъ, т. е. Великими бѣлыми горами, или просто Бошанъ; такъ онѣ назывались и у Корейцевъ издавна. Горы эти, какъ описывали и описываютъ, безлѣсны; растенiя на нихъ, болшею частiю, съ бѣлыми цвѣтами; обитающiе въ нихъ звѣри имѣютъ бѣлую шерсть и не вредятъ людямъ, какъ и люди не смѣютъ вредить имъ. При династiи Гинь, Чанъ бо шанъ считались жилищемъ мизосердаго Бой гуанъ инъ, т. е. бѣлоплатнаго бодисатвы Гуанъ инъ, который въ Китаѣ изображается въ видѣ женщины съ ребенкомъ на рукахъ; названiе Бой, бѣлоплатнаго, въ этомъ случаѣ есть не болѣе, какъ игра словъ; оно при-

дано Гуань инь, какъ божеству мірскому (бѣлоплатными назывались міряне въ отличіе отъ монаховъ); а не для уна-занія символистическаго бѣлаго цвѣта, присвоеннаго этому бодисатвѣ. Въ Корей, въ ту пору, существовала особая ку-мирня, съ шамажкой, для чествованія духа Чанъ бо шань, изображавшагося въ видѣ дѣвицы; а корейскіе буддисты по-мѣстили въ этихъ горахъ мудраго бодисатву Маньчжурши. При этомъ невольно приходитъ на память сказаніе о происхожденіи названія династіи Маньчжуровъ отъ имени этого бодисатвы; впрочемъ, сближеніе это, должно быть, случайное; слово Маньчжу встрѣчается въ собственныхъ именахъ Чжур-чжи гораздо ранѣе маньчжурскаго Тай цзю. Всѣ патети-ческія описанія Чанъ бо шань, исключительно относящіяся къ главной возвышенности, или узлу ихъ, не даютъ точнаго понятія о физическомъ строеніи ихъ и возбуждаютъ недо-вѣріе къ показаніямъ; можно извлечь изъ нихъ только то, что на нѣкоторой высотѣ этого горнаго узла существуетъ озеро, окруженное съ трехъ сторонъ обнаженными скалами; отъ поверхности озера до вершины скалъ найдено 2,500 ф. (760 м.); размѣры озера у разныхъ авторовъ не одинаковы; по однимъ, оно въ окружности 80, по другимъ 40 и 25 ли; Ву чжао тэнъ, воспѣвшій Чанъ бо шань въ стихахъ, показываетъ, что оно въ ширину 5 и въ длину 8 ли и имѣ-етъ форму свиныхъ почекъ. Эта горная впадина, по описа-нію, походитъ на кратеръ потухшаго вулкана, разрывомъ об-ращенный на югъ. Что касается до бѣлизны Чанъ бо шань, трудно рѣшить, происходитъ ли она отъ вѣчныхъ снѣговъ, или отъ бѣлаго камня известковой породы, который добы-вался въ Корей въ отрогахъ Чанъ бо шань. Кромѣ про-тяженія Чанъ бо шань въ Гиринь, другой отрогъ ихъ про-стирается на югозападъ, по западную сторону р. Ялу цзянь, до впаденія въ нее рѣки Тунга цзянь.

По спускѣ съ горъ, мы приближались по долинѣ къ Гириню, и вскорѣ подъѣхали къ ряду деревьевъ, которыми

обсажена правая сторона дороги; на каждом деревѣ висѣло по клѣткѣ, и въ каждой клѣткѣ висѣла отрубленная человѣческая голова; многія головы уже истаѣли, отъ нихъ оставались черепа и локи волосъ; другія были свѣжія; съ одной точилась кровь. Головы эти принадлежали разбойникамъ, большею частію изъ Магометанъ, которые беспокоили Гириньское воеводство грабежами и убійствами; Гириньскій воевода, какъ и Цицихарскій, имѣетъ право казнить преступниковъ смертію, не испрашивая на то разрѣшенія изъ Пекина. Сразу послѣ этой ужасной аллеи, на той же сторонѣ дороги, открылось значительное пространство земли, сплошь уставленное гробами съ покойниками; по обычаю здѣшняго края, умирающіе здѣсь гости изъ Китая не хоронятся въ землю, а выставляются въ гробахъ на это открытое мѣсто, для того, чтобы родственники, или друзья ихъ, могли отыскать и отвезти прахъ ихъ на родину; если въ теченіе десяти лѣтъ никто не явится для взятія гроба, то погребаютъ его на томъ же мѣстѣ. Ни одной живой души не было въ этой смрадной юдоли казни и тлѣнія, и мы въѣхали въ бѣдное предмѣстье Гириня съ тяжелымъ чувствомъ; сначала тянулись деревянные заборы, потомъ слѣдовалъ вышній городъ, обведенный валомъ; онъ показался мнѣ довольно пустыннымъ; потомъ мы въѣхали во внутренній городъ большими воротами; улицы вымощены толстыми поперечными досками. Мы скоро выѣхали на набережную, которая идетъ полукругомъ, по лѣвому крутому берегу Гиринь улу; набережная утверждена на сваяхъ, которая отъ времени и отъ воды уже подгнили, и застроена лавками небогатаго вида; противоположный берегъ рѣки низменный и песчаный; съ набережной мы повернули во внутреннія улицы и долгое время не могли найти для себя квартиры; гостинницъ много, но ни въ одной не пускали насъ. Къ моему несчастію, я походилъ на какого-то европейца, который, бывши здѣсь, надѣлалъ много хлопотъ и хозяину гостинницы, и мѣстнымъ властямъ; вездѣ съ удив-

леніемъ восклицали: опять пріѣхалъ! и тотчасъ запирали ворота на запоръ. Утомившись развѣзжать по тряскимъ мостовымъ людныхъ улицъ Гирина, мы наконецъ насильственно въѣхали во дворъ одной большой гостинницы и объявили, что не выѣдемъ со двора, пока не отведутъ намъ квартиры; для разсвѣнія сомнѣній хозяевъ, мы показали управляющему гостинницы нашъ охранный листъ; управляющій со вниманіемъ прочелъ его, и дѣло уладилось къ нашему удовольствію; мы въѣхали, боковымъ проѣздомъ, въ обширный дворъ, гдѣ были цѣлыя ряды удобныхъ квартиръ. Только что мы вышли изъ экипажей, среди огромной толпы любопытныхъ, какъ раздался крикъ: пожаръ! спрашиваютъ: гдѣ? говорили, что въ Либайсн (мечети); мечеть оказалась вблизи гостинницы, и водруженное на верху ея мѣдное яблоко видѣлось изъ за крыши кухни, дѣйствительно окруженное дымомъ; но ошибались; загорѣлась самая кухня гостинницы. Прислуга, заинтересованная нашимъ пріѣздомъ, бросилась къ нашимъ возкамъ; повара покинули очаги, и въ ихъ отсутствіе искры отъ огня попали въ бумажный потолокъ кухни и зажгли его; дворня гостинницы, числомъ человекъ до 80, бросилась туда и успѣла въ минуту потушить огонь. По случаю праздничнаго дня устроенъ былъ открытый театръ не вдалекѣ отъ гостинницы; звуки гонговъ и флейты, вмѣстѣ съ пѣніемъ актеровъ, доносились до насъ; зрители, прослышавъ о нашемъ пріѣздѣ, вторглись во дворъ гостинницы огромною толпою и безмолвно осаждали нашу квартиру; между ними выдавались цвѣтныя полукурмы знаменныхъ Маньчжуровъ; нѣкоторые изъ нихъ, изъ щегольства носили за плечами лукъ съ двумя, или тремя стрѣлами. Вскорѣ хозяинъ гостинницы прислалъ намъ, по случаю праздника, бесплатно, превосходно приготовленный въ китайскомъ вкусѣ обѣдъ, состоявшій преимущественно изъ рыбы сазана, которую ловятъ въ Гиринь улѣ. Затѣмъ явились два полицейскихъ служителя; потомъ пришли два стража отъ Гириньскаго Тунъ чжи (народнаго

правителя), для нашей охраны; кромѣ того, у воротъ гостинницы поставлены были четыре стража. Тунъ чжй прислалъ Бошко, съ просьбою препроводить къ нему нашъ охранный листъ, чтобы показать его воеводѣ; но мы не хотѣли отдавать его безъ визитной карточки Тунъ чжй, какъ водится въ Китаѣ, въ случаѣ неформальной передачи документовъ на время; мы убѣдились, что охранный листъ изъ Цзунъ ли ямынь выручалъ насъ во всѣхъ случаяхъ и не рѣшались подвергать его безконтрольнымъ случайностямъ. Тунъ чжй немедленно прислалъ къ намъ свою карточку, достовѣрность которой завѣрена была хозяевами гостинницы и мы отдали листъ. Когда мы нѣсколько успокоились отъ дневныхъ тревогъ, то обратились къ управляющему гостинницы, человѣку разсудительному, съ вопросомъ, почему въ гостинницахъ такая неприязнь къ европейцамъ; на это онъ отвѣчалъ: прежде всего неприятно то, что съ прїѣздомъ европейца въ гостинницу, она наводняется досужими зѣваками; затѣмъ нѣкоторые европейцы оставили здѣсь по себѣ не добрую славу; тотъ, который походилъ на меня, въ бытность свою въ Гиринь забавлялся, пугая зрителей револьверомъ, и подъ конецъ накупивъ вещей на 100 долларовъ, залатилъ за нихъ, (вѣроятно чрезъ своего компрадора) фальшивой монетой, что открылось уже по его отъѣздѣ, устроенномъ стараніями Тунъ чжй. Вечеромъ хозяинъ пировалъ съ гостями, и къ намъ доносились возгласы: два, пять, четыре, и пр., обыкновенно выкрикиваемые на угадъ другимъ при каждой чаркѣ вина. Наконецъ, въ урочный часъ, ночной сторожъ, ставъ посреди двора, прокричалъ во всеуслышаніе: спать! Тогда все замолкло и начался сторожевой бой въ палки. Таковъ здѣсь порядокъ.

23 мая.

Прежде всего мы озаботились нанять извозчиковъ до Айхуна; подводы наши до Гирина наняты были очень дешево,

за возокъ по 15 ланъ серебра (30 р. сѣр. монетой) и не выгодно для извозчиковъ; за извозъ въ дальнѣйшій путь надобно было заплатить болѣе, чѣмъ вдвое, потому что путь былъ малозвѣстный; здѣшніе извозчики преимущественно ѣздятъ только до Мукдена, и рѣдкіе изъ нихъ бывали въ Цицихарѣ, или Нингутѣ; съ помощію хозяевъ гостинницы и Тунъ чжй, которымъ, конечно, желательно было отдѣлаться отъ насъ, намъ удалось нанять извозчиковъ до самаго Айхуна, по 35 ланъ за каждый возокъ; ни одинъ изъ извозчиковъ не былъ тамъ; взялись они везти насъ обнадеженные тѣмъ, что по дорогѣ будутъ кормить упряжный скотъ подножнымъ кормомъ. Торговля сообщенія съ сѣверомъ, обыкновенно, бываетъ на Куанъ чэнъ цзы, и рѣдко большимъ трактомъ, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, притомъ на быкахъ. О проѣздѣ черезъ Нингугу въ Южно-Усурійскій край мы перестали и думать; для этого нужно было составлять особый выючный караванъ въ Нингутѣ. Оттуда пролегаетъ нѣсколько дорогъ на востокъ; южная, на Хунъ чунъ, есть самая трудная; но на ней есть стоянки для ночевья; другія идутъ сѣвернѣе, и одна изъ нихъ на озеро Хинкай, но всѣ безъ пристанищъ на пути; всѣ эти дороги гораздо удобнѣе для проѣзда зимой, на саняхъ. Насъ увѣряли, что и на избранной нами дорогѣ предстояло не мало трудностей, такъ какъ она идетъ по болотистымъ и низменнымъ мѣстамъ; зимній переѣздъ былъ бы легкій и безпрепятственный. Условлено было выѣхать на другой день. Всѣ слухи о русскомъ пароходѣ оказались ложными. Утромъ посѣтилъ насъ молодой сынъ Тунъ чжй, въ партикулярномъ платьѣ, чтобы удостовериться, что въ нашемъ поведеніи нѣтъ ничего подозрительнаго. Приходило также много купцовъ, большею частью Шаньсійцевъ; ясно было, что они глубоко заинтересовались слухами объ открытіи непосредственной торговли русскихъ въ Гиринь и старались узнать отъ насъ, на сколько они справедливы и какую роль мы занимаемъ въ осуществ-

вленіи этого проэкта. Замѣчательно присутствіе вездѣ этихъ евреевъ Срединной имперіи; куда бы ни поѣхалъ путешественникъ по Китаю, онъ повсюду встрѣтитъ ихъ; во всѣхъ малоизвѣстныхъ углахъ внутренняго Китая и внѣшнихъ его владѣній онъ услышитъ говоръ ихъ, который рѣзко отличается отъ другихъ нарѣчій; въ противоположность осѣдлымъ и земледѣльческимъ колоніямъ Шаньдунцевъ, они рѣдко прирѣбляются къ почвѣ страны; девизъ ихъ: Фанъ, Шанъ, Ханъ, Данъ (банкирство, разъѣзды съ товарами, учрежденіе магазиновъ и закладныхъ лавокъ); дѣйствуютъ они всегда компаніями и, надобно сказать правду, большею частію, на правилахъ строгой честности; въ Маньчжуріи они объясняются съ инородцами на ихъ языкѣ, какъ въ Кяхтѣ на русскомъ; они легко и безъ задержки произносятъ, коверкая по-своему, самые не произносимые для Китайца звуки, какъ будто деревянными челюстями; соотечественники ихъ предполагаютъ въ нихъ необыкновенный даръ языковъ; одинъ только языкъ, именно маньчжурскій, изгнанъ изъ ихъ лингвистики; они не изучаютъ его, какъ языкъ бесполезный для ихъ торговыхъ сношеній. Черезъ эти средства, они вездѣ забираютъ главное производство торговли. — Въ предположеніи, что мы пойдемъ прогуляться по городу, начальство приготовило конвой, и огромная толпа любопытныхъ ждала нашего выхода у воротъ гостиницы; но мы отказали себѣ въ чести торжественнаго шествія и зѣвакамъ въ удовольствіи нашего лицезрѣнія. Миѣ очень хотѣлось побывать въ ближайшей мечети, но при настоящихъ отношеніяхъ Магометанъ къ Маньчжурамъ, я воздержался отъ этого посѣщенія, которое могло возбудить самыя нелѣпыя подозрѣнія. Въ послѣднее время шайки Магометанъ возмущали этотъ край; въ нашъ пріѣздъ онѣ были большею частію разсыяны; множество захваченныхъ Магометанъ было казнено, и головы ихъ безобразили гириньскій пропилей; отдѣльныя партіи ихъ бѣжали въ восточныя горы и лѣса; коноводъ ихъ, Янъ ши,

т. е. Янъ Х-й (по фамильному счету), ускользнулъ отъ преслѣдованій. Народъ называетъ ихъ Хуанъ Хуцзы, рыжими бородами, или просто Хуцзы, бородами. Гиринскій воевода, безъ пощады, казнить смертію всѣхъ пойманныхъ преступниковъ, преслѣдуя и тѣхъ, на которыхъ Китайцы доносятъ изъ личной мести. Чрезмѣрная строгость воеводы возбуждала не безъосновательныя опасенія въ жителяхъ Гириня, чтобы не послѣдовало поголовнаго возстанія Магометанъ въ этомъ краѣ. Гиринъ обязанъ настоящимъ существованіемъ своимъ войнѣ Маньчжуровъ, при Канси, съ Элютами, и потомъ спорамъ съ русскими за Албазинъ. Прежде главное военное управленіе края было сосредоточено въ Нингутѣ; по случаю же военныхъ тревогъ, перенесено въ мѣстечко Гиринъ ула, такъ называвшееся по имени рѣки. Канси, опасаясь вторженія Элютовъ въ Маньчжурію, приказалъ осмотрѣть сообщенія и измѣрить разстоянія между Мууденемъ, Гиринемъ, Морганомъ и пограничнымъ съ Монголіей горнымъ краемъ Союрцзи, самымъ высокимъ въ системѣ западнаго Хинъ-анъ; на этихъ путяхъ учреждены были станціи и военные посты. Передъ походомъ на Албазинъ, Канси устроилъ въ Гиринѣ верфь, для постройки хлѣбосплавныхъ и военныхъ судовъ. Въ то время нашли въ Гиринѣ старую корабельную доску, и узнали, что и въ старинныя времена Гиринъ считался удобнымъ мѣстомъ для судостроенія. Прежде окрестности его были богаты строевымъ лѣсомъ; но нынѣ нужно добывать его въ далекихъ Вѣцзи и сплавлять рѣкою. Сунгари здѣсь собственно называется Гиринъ ула, а по-просту Ула, или Цзянъ (рѣка); въ бытность нашу въ Гиринѣ, вслѣдствіе убыли воды, глубина ея у города была не болѣе, какъ по-поясъ человѣку, во многихъ мѣстахъ ея есть каменистыя отмели. Сказаніе о сотняхъ тысячъ жителей въ Гиринѣ мнѣ кажется несправедливымъ; устныя показанія въ Китаѣ всегда чрезмѣру преувеличиваютъ; городъ повазался мнѣ менѣе оживленъ и населенъ, чѣмъ Мукденъ. Въ 1812 г.,

по официальному извѣстію, во всемъ Гиринскомъ воеводствѣ было 300 съ небольшимъ тысячъ жителей обоого пола (не включая инородческія племена). Позднѣйшихъ статистическихъ данныхъ нѣтъ; преувеличенный счетъ жителей Гириня, вѣроятно, опредѣленъ въ зимнюю пору, когда бываетъ здѣсь огромный съѣздъ торговыхъ гостей. Главное произведеніе Гириня есть листовой табакъ; воздѣлываемый въ его области считается лучшимъ не только въ Китаѣ, но и во всей Маньчжуріи; зимою и стекаются сюда купцы изъ Китая для оптоваго закупа его; всѣ гостиницы наполняются торговыми гостями, и пространныя двory ихъ загромождаются тюками съ таабкомъ. Это зелье, которое, по словамъ китайскихъ медиковъ, пьянаго отрезвляеть и трезваго опьяняетъ, голоднаго дѣлаеть сытымъ и сытаго голоднымъ, расходуется по всему Китаю, подъ именемъ Гуань дунъ ѣ цзы (листья въ Маньчжуріи). Нѣкогда Гиринское воеводство славилось добываніемъ корня Жинь шинь; вся страна раздѣлена была на участки, въ которыхъ знаменныя Маньчжуры обязаны были отыскивать этотъ драгоцѣнный корень для двора и князей; нынѣ этотъ промыселъ совершенно упалъ; пріиски оскудѣли, и отыскиваніе его перешло на востокъ отъ Усури и находится въ рукахъ Китайцевъ. Мы слышали, что въ Гиринѣ происходитъ контрабандная торговля золотомъ, добываемымъ въ сѣверныхъ отрогахъ Чанъ бо шань, гдѣ существуютъ, будто бы, золотыя россыпи неимовернаго богатства; извѣстно, что пріиски золота въ Маньчжуріи строго воспрещены, и тайныя золотопромышленники, извѣстные подъ официальнымъ названіемъ Цзынь фэй (золотыхъ золотопромышленниковъ), судятся какъ важные преступники; однакъ, партія въ 10,000 человекъ, говорятъ, дѣятельно занимается разработкою золотоносныхъ россыпей, съ вѣдома гиринскихъ властей, которыя не въ состояніи разсѣять это скопище промышленниковъ, организованное на военный ладъ. Намъ разсказывали также, что шайка золотоискателей, вытѣсненная

русскими изъ Южно-Усурійскаго края, винулась было къ Гириньскимъ приискамъ, но тамъ была встрѣчена выстрѣлами своихъ единопромышленниковъ и разсѣяна. Гиринь, между прочимъ, доставляетъ для китайскихъ гастрономовъ жирныя медвѣжьи лапы (сюнь-чжъанъ), а для аптекъ—медвѣжью желчь (сюнь дъанъ); гириньскій медвѣдь славенъ издавна; онъ вдвое сильнѣе тигра и бываетъ огромной величины; разъ поймали медвѣдя, который вѣсилъ 34 пуда, и представили его императору; усурійскіе медвѣди, говорятъ, гораздо меньше гириньскихъ; послѣдніе живутъ въ берлогахъ, а усурійскіе и въ дуплахъ деревьевъ. Въ прежнее время, до присоединенія усурійской полосы къ Россіи, Гиринь доставлялъ къ Пекинскому Двору значительное количество собольихъ шкуръ; онѣ собираемы были съ ясачныхъ инородцевъ Хѣчжэ, по-просту Хэцзинь (Гольдовъ), Фіяка (Гиляковъ), Киллѣръ (Амгуньскихъ Тунгусовъ), Куѣ (Айно), Ороньчо (Орочонъ) и Кякала (Давы). Теперь, въ Гириньскомъ воеводствѣ остались только западно-усурійскіе Гольды, да Саньсинскіе инородцы (вѣроятно, Нѣльканы). Утративъ часть земель, Гириньское воеводство въ замѣнъ того приобрѣло особую политическую важность, вслѣдствіе новыхъ пограничныхъ отношеній съ Россією.

24 мая.

Небо было сумрачно и обѣщало дождь, когда мы оставили Гиринь; 8 человекъ пѣшихъ конвойныхъ сопровождали насъ до городскихъ воротъ. Намъ нужно было переѣхать черезъ горный отрогъ, который вдается на востокъ и заставляетъ рѣку дѣлать большой изгибъ. Съ вершины перевала, съвозъ дождевой туманъ, открылся обширный видъ на Гириньскую долину, окруженную горами. На этой же возвышенности мы проѣхали мимо усадьбы, или дачи, Гириньскаго воеводы, въ которой постоянно живетъ его сынъ. От-

туда мы спустились на равнину, по которой прибыли къ мѣсту роздыха, мѣстечку Цзю чжань (старая станція), расположенному на лѣвомъ берегу Гиринь улу; весь берегъ рѣки заваленъ былъ толстыми бревнами, изъ которыхъ пилили доски для постройки судовъ. Дальнѣйшій путь нашъ шелъ ровными лугами; кое-гдѣ были пашни. Мы скоро прибыли къ перевозу подъ дождемъ и при тихой погодѣ. Здѣсь мы должны были нѣсколько обождать: съ противоположнаго берега рѣки перевозили, съ величайшею осторожностію, трехъ вновь арестованныхъ разбойниковъ изъ Магометанъ, подъ надзоромъ 9 или 10 вооруженныхъ маньчжурскихъ всадниковъ. Хотя узники были съ колодками на ногахъ, однакожь приняты были предосторожности, чтобы они не бросились въ воду съ парома; на другомъ паромѣ переѣзжалъ офицеръ, съ другимъ охраннымъ конвоемъ. Когда причалили паромъ къ лѣвому берегу, солдаты перенесли на себѣ арестантовъ, на приготовленный для нихъ рыдванъ; главный изъ нихъ былъ старикъ, другіе двое дѣти его, одинъ лѣтъ за тридцать, другой молодой человекъ лѣтъ 17; съ пріятной и благодушной фізіономіей. Старикъ и старшій сынъ его были одни изъ лютыхъ товарищей шайки; по ночамъ они грабили, днемъ же вели торговлю, какъ честные люди; выдалъ ихъ третій малолѣтній сынъ старика, рассказавъ постороннимъ лицамъ безъ умысла о награбленныхъ отцемъ его вещахъ; домъ ихъ накрыли и отыскали какъ награбленные ими вещи, такъ и оружіе. Жаль было видѣть молодаго человека въ обществѣ насмѣртниковъ, часы жизни которыхъ были сочтены; конвойные солдаты сказывали, что все селеніе, въ которомъ они жили, поручилось въ томъ, что онъ совершенно невиненъ и не участвовалъ въ преступленіяхъ отца. Солдатъ увѣрялъ также, что послѣ поимки этихъ преступниковъ, болѣе не будетъ тревогъ, и Янъ Х-й, хотя и скрылся отъ преслѣдованія, не посмѣетъ поднять головы. Переправившись черезъ Гиринь улу, мы скоро прибыли, также по равнинѣ, въ Дашенъ

ула (такъ по-китайски; по-маньчжурски Бутха ула; то и другое значить охотничья рѣка), или, какъ здѣсь всѣ называютъ, Ула гай; примѣстечкѣ есть большое городище, которое считаютъ старинною резиденціею владѣнія ула. Въ Дашенъ ула въ Сунгари добываютъ жемчугъ для двора и князей; для этого здѣсь пребываетъ отъ дворцоваго приказа особый Ухэрида (по-кит. Цзунъ гуань, главноуправляющій); но въ настоящее время промыселъ этотъ въ упадкѣ. Сряду по прибытіи нашемъ, посѣтилъ насъ офицеръ, для прочтенія охраннаго листа, и уходя поставилъ въ гостинницѣ караулъ. Затѣмъ сдѣлалъ намъ визитъ эвнухъ изъ дворцовыхъ, сосланный сюда на поселеніе; одѣтъ онъ былъ богато; онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о Пекинѣ и о лицахъ, которыя частію и мнѣ были знакомы. Въ Улагаѣ расположенъ отрядъ войска, который, кажется, усиленъ, съ тѣхъ поръ, какъ приставалъ сюда русскій пароходъ. Воспоминаніе объ этой русской экспедиціи сохранилось живо и въ Гиринѣ, и въ Улагай. Съ приближеніемъ ея, мнительный воевода испугался не на шутку; на всякій случай, онъ приготовилъ войско и придвинулъ къ рѣкѣ артиллерію.

25 мая.

Весь день шелъ дождь и мы ѣхали по слякоти; по выѣздѣ изъ Улагай, проѣхали черезъ большое городище. Страна, вообще, малолѣсная; на поляхъ сѣютъ сорго и маслѣбный желтый горохъ, выжимки изъ котораго употребляютъ на удобреніе. Мы встрѣчали по дорогѣ только возы, да верховыхъ. За военнымъ поселеніемъ Ванъ цитунъ, мы переѣхали въ бродъ рѣку Силахэ (на атласѣ Шуланьхэ), съ каменистымъ ложемъ, впадающую въ Гиринь ула, и остановились для роздыха въ мѣстечкѣ Силахэ, названномъ такъ по рѣкѣ, при которой оно расположено. Изъ Силахэ мы ѣхали по равнинѣ; дождь срывалъ отъ насъ окрестности; поля

здѣсь черноземныя; по дорогѣ проѣхали чрезъ селеніе Гая-ха (въ атласѣ Каха), военное поселеніе Бай ци тунь, деревню Гудзя цзы, и наконецъ, съ большимъ трудомъ, доѣхали до мѣстечка Фатха мынь (въ атласѣ Баянь офоро); оно расположено при проходѣ черезъ Гириньскую ивовую границу, называемомъ Фатха; по-просту, это мѣсто болѣе извѣстно подъ именемъ Мынь шанъ (у воротъ). При заставѣ есть таможня, для сбора пошлинъ съ вина, соли и свиней, хотя здѣсь и не граница Гириньскаго воеводства. Хозяинъ гостинницы, родомъ Шаньдунецъ, принялъ насъ съ большимъ радушіемъ. Его Гуйфанъ служилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, лавкой, въ которой жители покупали вино, соль и разныя мелкія издѣлія; такія гостинницы-лавки часты по этому тракту. Вечеромъ былъ у насъ одинъ старшій маньчжурскій офицеръ; онъ съ интересомъ навѣдывался о графѣ Муравьевѣ, котораго имѣлъ случай видѣть не разъ на Амурѣ.

Замѣчательно, что въ Маньчжуріи, исключая чиновныхъ людей, да частію военнаго и купческаго сословія, все остальное населеніе не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о нашихъ новыхъ пограничныхъ отношеніяхъ; простой народъ воображаетъ, что на границахъ обитаютъ только полудикіе Лдча; насъ спрашивали, что это за народъ, и для чего мы ѣдемъ къ этимъ буйнымъ людямъ; спрашивали также, къ какой націи принадлежалъ нашъ экспедиціонный пароходъ, вѣроятно - де англійскій, о которыхъ доходятъ сюда слухи изъ порта Нючжуанъ; одинъ простолудинъ даже выразилъ предположеніе, что Вай й (варвары) стали появляться въ здѣшнемъ краѣ, гонимые голодомъ. Такое невѣдѣніе простирается до самаго Цицихара. Люди официальные остерегаются распространять свѣдѣнія объ истинномъ положеніи дѣлъ, или объясняютъ его по-своему; такъ у китайскихъ выходцевъ, бродящихъ по восточной Маньчжуріи, и которые не могутъ не знать о новой границѣ, составилось убѣжденіе, что Русскіе заняли Амурскій и Усурійскій край съ соизволенія Пекинскаго

Двора, только на время, и что когда кончится срокъ условія, мы должны будемъ убраться во свояси; но такъ какъ край слишкомъ понравился намъ, то мы спѣшимъ учредить военные посты по временной границѣ, чтобы сдѣлать ее постоянной. Такимъ образомъ и честь Богдохана сохранена, и коварство иностранцевъ вполне обнаруживается.

26 мая.

Всю ночь шелъ дождь; по дорогѣ была глубокая грязь. Поднявшись съ мѣста, мы выѣхали, на краю мѣстечка, черезъ ворота заставы; зданіе заставы было открыто, но въ немъ не было видно никого; мѣстоположеніе здѣсь волнистое, но значительныхъ возвышеній нѣтъ; не видно было также и «изгороди». Погода была неблагоприятная; по дорогѣ не разъ наступалъ насъ проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ; мы свернули съ большой дороги, проложенной по низменнымъ мѣстамъ, и ѣхали большею частью по возвышенностямъ; остановились для роздыха въ селеніи Да по (большой подъемъ), расположенномъ на уклонѣ небольшой горы. Далѣе мы ѣхали также при дождливой погодѣ. На мосту черезъ одну рѣчку насъ встрѣтили два вершника, посланные со станціи Сѣ шу й дянъ цзы, и спросили насъ, гдѣ мы намѣрены остановиться на ставціи, въ станціонномъ домѣ, или гостинницѣ, причемъ пояснили, что на станціяхъ получены циркуляры, съ приказаніемъ имѣть о насъ особую заботу; мы предпочли гостинницу; одинъ изъ нихъ отправился впередъ предупредить хозяина гостинницы, другой сопровождалъ насъ до самой станціи Сѣ шу й дянъ цзы, гдѣ мы остановились на ночевье; селеніе названо по ближайшему болоту (дянь цзы). Къ вечеру погода стала проясняться; солнце при закатѣ было ярко, но горизонтъ обложенъ тучами; къ ночи была частая зарница; мы съ живымъ интересомъ наблюдали небесныя явленія, напуганные пре-

слѣдовавшимъ насъ ненастьемъ и разказами о трудностяхъ дальнѣйшаго путешествія. Сѣ шу й дянъ цзы отстоитъ отъ р. Гириць Улы въ 5 ли и населено Шандунцами; мы увлѣнились лѣтѣ линіи военнопобѣжденныхъ маньчжурскихъ поселеній (Га шанъ по-маньчжурски, и Тунъ и Цунъ — по-китайски), которая направляется на Ларинь и Ашихэ (какъ здѣсь называютъ Алчукэ). Къ сожалѣнію, дождливая погода сдѣлала нашъ переѣздъ по здѣшнимъ прекраснымъ мѣстностямъ лишеннымъ всякаго удовольствія; въ хорошую погоду онъ былъ бы пріятной прогулкой; мы замѣтили, что правый берегъ рѣки холмистый; горы имѣли легкія очертанія и поросли зеленымъ молодымъ лѣсомъ; повсюду видна была богатая растительность; постоянно попадались рѣчки и ручьи; по возвышеніямъ частые хуторы и усадьбы; поляны пестрѣли цвѣтами и обдавали насъ благовоніемъ; плантаціи деревь оглашались крикомъ иволги (хуанъ цяо, т. е. желтая птичка) и кукушки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы проѣзжали мимо триумфальныхъ арокъ, или воротъ, поставленныхъ отъ станціонныхъ, въ честь, какъ знакъ благодарности, Гириньскому воеводѣ, за его заботливость и вниманіе къ ихъ трудной службѣ. Вблизи станціи пасли табунъ станціонныхъ лошадей. Вечеромъ станціонные чины спрашивали насъ о часѣ нашего отъѣзда завтра утромъ, для того, чтобы извѣстить о томъ высшее начальство; такая мелочная заботливость казалась намъ странною и излишнею; но такъ какъ, въ то же время, намъ оказывали предупредительность и даже незаслуженную почительность, то мы и перестали обращать на то вниманіе; мы, частію, даже были довольны этою попечительностью, потому что на будущее время, въ затруднительныхъ случаяхъ, могли рассчитывать на помощь мѣстныхъ властей. Ночью мириады лягушекъ въ ближнемъ болотѣ огласили своимъ крикомъ пространныя лощины Сѣ шу й дянъ цзы.

27 мая.

Погода прояснилась; мы выехали из Сѣ шуйдань цзы въ дальнѣйшій путь; селеніе это большое; кругомъ его простираются привольныя пастбища; дорога пролегла по равнинѣ слегка волнистой; далѣе начались пахатныя поля. У селенія Кала хѣцзы мы переѣхали черезъ рѣчку этого имени (Кала, вѣроятно Кара, черная и Хѣцзы рѣчка). Такъ какъ большая дорога, пролегая низменными поемными мѣстами, была затоплена дождевой водою, то мы принуждены были дѣлать далекіе объѣзды по возвышеннымъ окраинамъ Гиринь улы; мы видѣли издали песчаные берега ея. Здѣсь стали попадаться намъ, кромѣ стадъ свиней, и овцы; котормя до сихъ поръ были очень рѣдки; съ этихъ поръ также по дорогѣ мы видѣли трупы и кости павшихъ коровъ; падежъ распространился далеко на сѣверъ, до Мэргэня; моръ губилъ только коровъ, не касаясь другаго скота. Прибывъ на станцію Мѳнгу Чжѣнь (Монгольская), мы раздумали остановиться въ ней, какъ прежде предполагали, и, пользуясь благоприятной погодой, благодушно отправились далѣе, и остановились, для роздыха, въ огромномъ селеніи Гу юй шу (одинокій вязъ); между тѣмъ, со станціи Сѣ шуйдань цзы заранѣе извѣстили впередъ, что мы остановимся въ Мѳнгу чжѣнь и дозорный начальникъ (Сюнь цзянь); пребывающій въ Гу юй шу, отправилъ на эту станцію низшаго чиновника для наблюденія за нашимъ поѣздомъ; посланецъ разѣхался съ нами, и прибывъ на Мѳнгу чжѣнь, не засталъ насъ тамъ и пустился догонять насъ. Послѣ роздыха мы уже собирались въ дорогу, какъ прибылъ посланецъ, весь измученный и въ поту; онъ объяснилъ намъ, что посланъ своимъ начальникомъ на тотъ случай, что мы могли избрать не настоящую дорогу, а ту, которая ведетъ отсюда въ Аши-хэ. Мы отвѣчали, что мы тронуты заботливостью его началь-

ника, но что мы не ошибемся въ дорогѣ, потому что вездѣ подробно спрашиваемъ о ней; что мы путешествуемъ по собственной, а не по казенной надобности, и хотъ признательны за оказываемое намъ мѣстными властями содѣйствіе, тѣмъ не менѣе не желали бы до такой степени безпокоить ихъ. На это посланецъ отвѣтилъ, что такъ приказано поступать высшимъ начальствомъ, и въ доказательство тому, вытащивъ изъ сапога своего письменный документъ, которымъ Сюнь цзянь съ снабдилъ его на всякій случай, подалъ его намъ на прочтеніе. Прочитавъ этотъ документъ, я былъ пораженъ его содержаніемъ. То былъ циркуляръ отъ имени Цзунъ ли ямынь; Пекинское М. И. Д. выразило въ немъ сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли мы отправились на границу ради удовольствія путешествія; легко-де можетъ статься, что мы имѣемъ какіе-либо особые замыслы и намѣрены возбудить на границѣ безпорядки; въ слѣдствіе того строго предписывалось мѣстнымъ властямъ Маньчжуріи тщательно слѣдить за нашими дѣйствіями во все время нашего путешествія, какъ въ Маньчжуріи, такъ и по границѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отнюдь не дѣлать намъ никакихъ препятствій или затрудненій и, напротивъ, оказывать намъ всевозможное вниманіе для того, чтобы мы не имѣли предлога къ осуществленію своихъ цѣлей. Циркуляръ этотъ разосланъ по всей Маньчжуріи, отъ Шанхай гуаня до Айхуня, и отъ Хулунъ буйра до Хунъ чуня. Тутъ-то я убѣдился, что постороннія внушенія въ Цзунъ ли ямынь не остались безслѣдными; люди, хорошо знавшіе меня, родъ моихъ занятій и мои наклонности, постарались бросить тѣнь на цѣль моей поѣздки, конечно, не изъ личной неприязни, а просто изъ обычной подозрительности относительно замысловъ Московитовъ. Учасгіе вышаго правительственнаго учрежденія придаю дѣлу незаслуженную важность и насъ, въ Маньчжуріи, не колеблясь, оподозрили въ политическомъ агитаторствѣ и въ намѣреніи содѣйствовать завладѣнію сѣвернымъ краемъ страны;

разъ высказали намъ это откровенно. Мѣстнымъ властямъ Маньчжуріи дана была не легкая задача: имѣть надъ нами бдительный надзоръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздражать насъ какими либо стѣсненіями; надобно отдать имъ справедливость, онѣ исполняли свою обязанность съ умѣньемъ; окружая насъ попеченіями и надзоромъ, онѣ никогда не прибѣгали къ стѣснительнымъ мѣрамъ, и хотя, наприм., были убѣждены, что мой спутникъ Н., снимавшій глазомѣрно путь нашъ, чертитъ планы будущихъ военныхъ дѣйствій въ этой странѣ, однакожь не смѣли явно препятствовать его работѣ; онѣ старались только поскорѣе, по добру по здорову, сбить насъ изъ своихъ округовъ, чтобы какія либо затѣи съ нашей стороны въ предѣлахъ ихъ администраціи не навлекли на нихъ ответственности. Какъ ни прискорбно было намъ такое положеніе дѣлъ, мы должны были примириться съ нимъ, и въ концѣ концовъ, пользоваться удобствами и мѣрами, принятыми для благополучнаго и безпрепятственнаго путешествія нашего.— Съ мѣста роздыха мы ѣхали по уваламъ; мѣстность здѣсь волнистая. Съ вершины одного длиннаго перевала, господствующаго надъ окрестными высотами, видна была Гиринь ула въ песчаныхъ берегахъ, освѣщенная солнцемъ сквозь тучи; посреди рѣки выдавался лѣсистый островъ. По гладкому скату перевала мы скоро прибыли на станцію Тао лай чжао (на атласѣ То лай чжао); дорога, по отсутствію пашень, была превосходная; на станціи приготовлено было для насъ помѣщеніе въ станціонномъ подворьи; но мы предпочли остановиться въ частной гостинницѣ. Названіе станціи явно монгольское (толай, заяцъ), вѣроятно заимствовано отъ имени ближняго острова на Гиринь улѣ; вообще въ этомъ краѣ, многое напоминаетъ о прежнемъ вліяніи Монголовъ, которыхъ границы отселѣ близки; но теперь здѣсь водворяются китайцы, изглаживающіе не только слѣды прежнихъ народностей, но и коренную, маньчжурскую.

Канъ, или нары, въ комнатѣ были натоплены; таковъ былъ

здѣсь повсемѣстный обычай и лѣтомъ, крайне не удобный для путешественниковъ, не превыкихъ спать на подогрѣтыхъ кирпичныхъ лежанкахъ.

28 мая.

Мы продолжали ѣхать по возвышенностямъ праваго берега Гиринь улу, при туманной погодѣ. По дорогѣ, встрѣчались возы, нагруженные коровьими кожами, вѣроятно съ павшихъ коровъ. Небрежность китайцевъ во время падежа скота изумительна; заболѣвшія коровы паслись вмѣстѣ съ здоровыми; около павшихъ коровъ бродили здоровыя; шкуры съ павшихъ коровъ распродалались и развозились въ разные мѣста; на дворахъ жилищъ лежали груды костей отъ падали; не мудрено, что зараза, легко распространяясь, губила рогатый скотъ тысячами. По дорогѣ много было пашень, коегдѣ виднѣлись плантаціи деревьевъ. За большимъ, но бѣднымъ селеніемъ Сань цзя цзы (три дома), мы ѣхали по песчанымъ мѣстностямъ. (Здѣсь ослы еще водятся, но малорослые и мохнатые). Для роздыха мы остановились въ значительномъ поселеніи Ву цзя цзы (5 домовъ), состоящемъ изъ 800 домовъ, большею частію, переселенцевъ. Здѣсь мы слышали, что разбойники изъ магометанъ, частію перешли за Гиринь улу, на западъ. (Масляный горохъ и здѣсь разводится). Одинъ изъ сосланныхъ сюда Шаньсійцевъ, въ бесѣдѣ съ нами, много говорилъ о вліяніи китайскаго населенія Маньчжуріи изъ Шаньдунцевъ и Шаньсійцевъ; первые отличаются земледѣльческими и промышленными наклонностями, послѣдніе торговыми; Шаньдунъ и Шаньси—провинціи равно гористыя и изобилующія населеніемъ, высылаютъ колоніи, одна для постоянного жительства, другая для торговыхъ операцій; въ Маньчжуріи эти два рода китайскихъ выходцевъ, современемъ, преобразуютъ край на китайскій ладъ. Тому, кто интересуется судьбами Маньчжуріи, необходимо имѣ

въ виду постоянно усиливающейся въ ней китайскій элементъ. Замѣчательно, что китайскіе выходцы въ Маньчжуріи строго сохраняютъ особенности характера и быта, которыя они принесли изъ своей родины; Шаньдунецъ остается всегда Шаньдунцемъ, Шаньсіецъ — Шаньсїйцемъ, Юньнанецъ — Юньнанцемъ; одно только нарѣчіе испытываетъ перемѣну, не замѣтно переходя въ Шаньдунское. — Мы отправились далѣе подъ дождемъ, по минованіи котораго сдѣлалось тихо и жарко; ѣхали большею частію небольшой дорогой, и объѣздами, затѣмъ, что отъ дождей она сдѣлалась непроѣзжаемою; за поселеніемъ Вань фа тунь путь нашъ пролегалъ то пашнями, то лугами; на станцію Шэрї мы не поѣхали, а направились на селеніе Тай линь чжуань (хуторъ Мира), гдѣ и остановились для ночевья; въ гостинницѣ мы застали маньчжурскій эскадронъ, съ ружьями и револьверами, возвращавшійся въ Бодунэ изъ экспедиціи противъ разбойниковъ; маньчжурскіе всадники были красивые молодые люди и свободно говорили по-маньчжурски, произнося слова по-старинному, а не по-пекински; это былъ въ нашемъ путешествіи доселѣ единственный случай, что мы слышали маньчжурскую рѣчь. Маньчжурь были къ намъ очень привѣтливы и дружелюбны. Намъ отвели для помѣщенія Гуї фань (контора гостинницы), но вмѣстѣ съ тѣмъ просили обождать въ общей комнатѣ, пока эскадронный командиръ и семеро его подчиненныхъ, занимавшіе контору, кончатъ операцію куренія опиума; черезъ нѣсколько времени, командиръ вышелъ къ намъ испитый и опьянѣвшій отъ опиума и весело крикнулъ намъ: Менду! За нимъ вышли и другіе курители, съ блестящими отъ куренія глазами. Они тотчасъ сѣли на коней и уѣхали.

29 мая.

Утромъ синія тучи устилали небо; слышенъ былъ отдаленный громъ; прошелъ порывистый дождь и затѣмъ погода

стала проясняться. Мы отправились по легкимъ уваламъ; на пути снова настгла насъ туча, съ сильными ударами грома и крупнымъ дождемъ; стали часто попадаться деревни и поселенія, по сторонамъ простирались луга и пашни; остановились въ усадьбѣ Да сянъ дянъ. Намъ оставалось сдѣлать одинъ перевѣздъ до города Бодунэ, который здѣсь всѣ называютъ Синь чэнъ, т. е. новымъ городомъ, въ отличіе отъ прежняго, нынѣ уираздненнаго. Отправившись изъ гостинницы, мы ѣхали сначала по равнинѣ, гдѣ встрѣтили насъ посланные изъ Бодунэ навѣдаться о насъ. Приближаясь къ городу, мы съ вершины увала видѣли песчаную полосу рѣки; къ городу шла цѣнь песчаныхъ холмовъ; за ними на равнинѣ расположенъ Бодунэ; окрестности его пустынны; коегдѣ видны были плантаціи и хуторы; пригороднаго движенія вовсе не было замѣтно; мы встрѣтили только 3 или 4 рывана, нагруженные торговыми путешественниками. У города встрѣтили насъ полицейскіе служители и хотѣли помѣстить насъ въ загородномъ постояломъ дворѣ; но квартира оказалась невозможною и мы въѣхали въ городъ; главная улица довольно оживлена и застроена лавками. Мы съ трудомъ нашли себѣ пріютъ въ одномъ постояломъ дворѣ, противъ воли его хозяина, и помѣстились въ огромномъ амбарѣ; гостинницъ для проѣзжихъ здѣсь нѣтъ; есть только постоянные дворы для обозовъ, такъ называемые ню чэ дянъ (дворы для телѣгъ на быкахъ), такъ какъ перевозка здѣсь обыкновенно производится на быкахъ; для извозчиковъ устроены огромныя помѣщенія, со всѣми для нихъ удобствами; у стѣнъ выложены кирпичныя нары, покрытыя рогожками и подогреваемые во всѣ времена года; на нихъ могутъ свободно улечься до 50 человѣкъ; посреди амбара поставлена жаровня, съ постояннымъ огнемъ, для нагрѣванія чайниковъ и раскуриванія трубокъ; сверху спускается свѣтецъ съ масломъ; на стѣнѣ повѣшена Шуй пай или дощечка, для записыванія счета за прокормъ людей и скота; на стѣнахъ наклеены огромныя лубочныя кар-

тины, съ сценами изъ театральныхъ пьесъ; на верху одной стѣны прикрѣпленъ грязный кивотъ съ изображеніемъ Гуань дї, или, чаще всего, генія богатства. Приставленные къ намъ четверо полицейскихъ стражей взялись все сдѣлать для насъ; одинъ оказался способнымъ цирюльникомъ, другой отправился для размѣна серебра и покупокъ, третій вскипятилъ воду для чая, четвертый приготовилъ обѣдъ. Мы размѣнялись съ здѣшнимъ Тунъ чжї визитными карточками; Тунъ чжї прислалъ къ намъ своего брата, который оставался у насъ до глубокой ночи. Бодунэ переведенъ сюда, ближе къ рѣкѣ; городище прежняго (Фѵ Бодунэ) отстоитъ отсюда въ 25 ли по большой дорогѣ. Нѣкогда онъ носилъ названіе Нарѣхунъ, вѣроятно въ ту пору, когда былъ на старомъ мѣстѣ.

30 мая.

Въ этотъ день было 13-е число 5-ой луны, праздникъ Мо дао (точенія меча), когда Гуань дї, по суевѣрному убѣжденію Китайцевъ, точить свой мечъ на небѣ; оттого въ эту пору бываетъ громъ, молнія и дождь; китайскіе чиновники находятъ это время самымъ удобнымъ для представленія молитвъ и прошеній Гуань дї о повышеніи въ чинахъ. Съ ранняго утра, всѣ власти Бодунэ отправились за городъ въ кумирню Гуань дї, для приношенія жертвы, и насъ оставили безъ неусыпнаго попеченія. Мы проѣхали по бѣднымъ улицамъ города и выѣхали за городскую глиняную стѣнку. Время было жаркое и погода туманная; намъ попадались на встрѣчу только телѣги съ женщинами, ѣхавшими въ городъ на праздникъ. Отъ Бодунэ далѣе простираются безлѣсныя поля. Мы проѣхали мимо городища съ большимъ валомъ, близь котораго разбросано селеніе Бодунэ чжанъ, это Фо Бодунэ, или старый Бодунэ; судя по остаткамъ, городъ былъ гораздо значительнѣе нынѣшняго Бодунэ. Постоялый дворъ въ селеніи оказался до такой степени бѣд-

нымъ, что въ немъ не нашлось и соломы для скота. Одинъ старикъ, изъ ссыльныхъ, накормилъ насъ прѣсными лепешками, печеными на гороховомъ маслѣ. Селеніе расположено на ярѣ, или крутомъ берегѣ, который служитъ охранною разливамъ Сунгари улу и тянется по бассейну Сунгари, въ видѣ ровнаго залавка, на далекое пространство. Изъ деревни мы вруго спускались на поемную, болотистую равнину, которой конца не было видно; на ней соединяются рѣки Нонни и Гиринь въ одну Сунгари; эта мѣстность самая низменная въ точкѣ соприкосновенія Монголіи и Маньчжуріи; безграничная болотистая равнина, ровный и безлѣсный яръ, теряющійся въ туманной дали, и отсутствіе жилищъ человѣческихъ придаютъ этому мѣсту видъ пустынный и унылый; уже проѣзжая низменностію, мы замѣтили кое-гдѣ одинокіе хуторы, въ которыхъ живутъ пастухи конскихъ табунѣвъ; зато пастбища здѣсь тучныя и привольныя; много озеръ и кромѣ того кони здѣсь не страдаютъ отъ паутовъ. Поемная равнина пересѣкается небольшими естественными валами, похожими на искусственные; на одномъ изъ нихъ отдыхала кучка Монголовъ. Намъ стоило большаго труда проѣхать это топкое пространство и добраться до Чуань кѣу, или перевоза черезъ Сунгари; наши вошки раздѣлились, ища болѣе удобнаго проѣзда; наконецъ мы съѣхались благополучно у пристани, гдѣ ждали насъ перевозные паромы. Сунгари здѣсь называютъ Да цзянь (великой рѣкой); мы переправились черезъ нее въ нѣсколько минутъ и потомъ, по пескамъ, скоро переѣхали въ перевозу черезъ Нонни улу. соединеніе двухъ рѣкъ должно быть нѣсколько ниже мѣста перевоза и мы переѣхали песчаный мысъ, или стрѣлку. У перевоза передъ нами открылось обширное пространство воды, въ видѣ озера, — огромный плесъ, образуемый Нонни улоу, въ которомъ не замѣтно было теченія. Нонни улу здѣсь называютъ Синь кай цзянь (новой рѣкой), вѣроятно въ слѣдствіе перемѣны ея русла; также ошибочно Хэй лунъ

цзянь, (Амуромъ); на картахъ она помѣщается обыкновенно подь именемъ Нунъ цзянь. Должно полагать, что пунктъ слиянія двухъ рѣкъ перемѣняется, смотря по высотѣ воды; потому же и перевозъ черезъ обѣ рѣки не всегда бываетъ на одномъ мѣстѣ; прежде онъ былъ южнѣе. На переправу черезъ плесь мы употребили $\frac{3}{4}$ часа; время было къ вечеру; на противоположномъ берегу видѣлся одинокій постоялый дворъ Шуй шу инъ (тѣнь деревъ въ водѣ), обнесенный деревьями; приблизившись къ тому мѣсту, гдѣ величественная Нонни стремительно вливается въ водоемъ съ запада, наши лодчики не смѣли пуститься на прорѣзъ ея теченія, а взяли діагональное направленіе нѣсколько внизъ; паромъ нашъ повнесло быстро по теченію; у берега онъ нѣсколько разъ былъ отрываемъ отъ причала; мы были отнесены версты на двѣ отъ Шуй шу инъ. Одинъ старый лодчикъ много говорилъ намъ о значеніи Нонни-улы, которую онъ называлъ главною рѣкою Маньчжуріи, считая Гиринъ улу притокомъ ея; въ самомъ дѣлѣ, почему главнымъ верховьемъ Сунгари считаютъ Гиринъ улу, когда Нонни ула значительнѣе ея и по массѣ воды, и по длинѣ теченія? Нонни ула судоходна на далекое пространство, но протекая во многихъ мѣстахъ по широкому руслу, часто мелководна; лѣтомъ китайскія торговыя суда плаваютъ по ней и выше Цицихара. Мы пріѣхали въ Шуйшу инъ уже ночью и помѣстились въ единственной общей комнатѣ. Постой содержится китайскимъ выходцемъ. Здѣсь граница Гириньскаго воеводства; далѣе слѣдуютъ кочевья Корлоскаго аймака. Наши мулы, привыкшіе къ рубленой соломѣ, съ сего мѣста осуждены были на подножный кормъ; на первый разъ они съ жадностію ѣли свѣжую и сочную траву; но новый кормъ былъ повидимому не такъ питателенъ и имѣлъ для нихъ неблагоприятныя послѣдствія.

31 мая.

Погода была ненастная, съ порывистымъ вѣтромъ. Мы вступили въ Корлосскія кочевья, по станціонной дорогѣ, слѣдуя близъ лѣвой окраины разливовъ Нонни; эта рѣка, какъ и Сунгари, протекаетъ по раздолію, съ обѣихъ сторонъ ограждаемому непрерывною линіею яровъ, или крутыхъ и ровныхъ окраинъ; на этомъ низменномъ раздоліи рѣка послѣ разливовъ оставляетъ болота и озера. Хотя мы были въ удѣлѣ кочеваго аймака, однакожь почти ничто не напоминало намъ о степномъ характерѣ; Монголы живутъ въ мазанкахъ и домахъ, имѣютъ усадьбы, воспитываютъ свиней, имѣютъ пашни, которыя отдають, большею частію, въ аренду китайцамъ, нанимають работниковъ изъ китайцевъ, хорошо говорятъ по-китайски, одѣваются по-китайски и даже чертами лица походятъ на китайцевъ; имѣютъ лошадей и быковъ; но овецъ мало, верблюдовъ же въ Корлосскомъ аймакѣ я вовсе не видѣлъ; правда и то, что мы видѣли только Монголовъ по станціонной дорогѣ; въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ нея, монгольскій бытъ болѣе сохранился, хотя колоніи китайскихъ земледѣльцевъ и на нихъ уже распространяють свое вліяніе. Степь здѣсь волнистая; повсюду видны водосточныя лощины, въ которыхъ были или озерки, или тина; кое-гдѣ замѣтны были одинокія деревья. Мы проѣхали мимо Ламской кумирни; кругомъ ея построено нѣсколько мазанокъ, въ которыхъ воткнуты были бѣлыя значки; по мѣстамъ лежали кости павшихъ коровъ. Со вступленіемъ въ степь, насъ стали преслѣдовать комары; до тѣхъ поръ ихъ не было. Говорятъ, что на здѣшнихъ степяхъ много волковъ. Мы остановились на станціи Мосинъ, иначе Моухинъ, расположенной на равнинѣ; она состоитъ изъ 40 или болѣе домовъ, построенныхъ въ разбросъ. Почва земли здѣсь илистая, которая подсохши дѣлается твердою какъ камень и сверху покрывается бѣловатымъ слоємъ, вѣроятно солончаковымъ. Къ намъ

приходилъ станціонный смотритель изъ Монголовъ, прочесть нашъ паспортъ, и спросилъ насъ о днѣ нашего прибытія въ Цицихаръ, для того, чтобы увѣдомить о томъ тамошняго воеводу; администрація станцій въ Корлосскомъ аймакѣ состоитъ въ вѣдѣніи цицихарскихъ властей.—Начиная съ этого мѣста далѣе, всѣ станціи по Корлосскому тракту заселены потомками приверженцевъ Усань гуя и другихъ поборниковъ независимости Китая, временъ Канси. Усань гуй пребывалъ въ Юнь-нанц. Канси, побѣдивъ Усань гуя, сослалъ приверженцевъ его въ этотъ край на поселеніе, далъ имъ земли и возложилъ на нихъ станціонныя повинности по здѣшнему тракту; эти ссыльные обязаны содержать станціи на свой счетъ, имѣть табунъ лошадей, бесплатно держать изгонъ и также бесплатно продовольствовать проѣзжающихъ по казенной надобности; такой порядокъ существуетъ во всемъ почтовомъ учрежденіи въ Китаѣ, съ тѣмъ различіемъ, что въ другихъ мѣстахъ станціи состоятъ на казенномъ окладѣ. Теперь Юньнаньцы расплодился и образовали значительныя земледѣльческія колоніи въ Сѣверозападномъ краѣ Маньчжуріи; они хранятъ память о своемъ происхожденіи и отличаются отъ другихъ китайскихъ поселенцевъ типомъ. Станція Мосинъ замѣчательна, какъ проѣздный пунктъ; отъ нея идетъ большая дорога въ Худань, и торговый прямой трактъ въ Мукденъ, на проходъ Факу мынь; послѣдняя дорога проходитъ монгольскими стенами. Отправившись со станціи, мы долго ѣхали вблизи огромнаго озера, образовавшагося отъ воды Нонни; на дорогѣ обогнала насъ корлосская дѣвица верхомъ на бойкомъ конѣ; на ней былъ синій балахонъ съ широкими рукавами, съ поясомъ; на головѣ повязка, прикрытая сверху кускомъ бѣлаго холста, который развѣвался по вѣтру; никакого сходства съ костюмами монголовъ другихъ аймаковъ; монголка смѣло заглянула въ каждый изъ нашихъ возковъ и поскакала далѣе. Мы остановились на ночевье на станціи Синь джань (новой); при стая

ціи селеніе, состоящее домовъ изъ 80, съ хорошей гостиницею, въ которой мы помѣстились; тотчасъ явился станціонный смотритель изъ Монголовъ, прочелъ нашъ паспортъ и ушелъ. Станція эта по-монгольски называется Уланоръ, по имени ближняго озера. Здѣсь рассказывали намъ, что дорога отъ Цицихара къ Мэргэню совершенно залита водой, такъ что экипажное сообщеніе по ней прекратилось; недавно мукденскій воевода прислалъ 12 экипажей въ Айхунь за своимъ семействомъ; экипажи, прибывъ въ Цицихарь, далѣе не могли ѣхать и вернулись назадъ. Мукденскій воевода, кажется, уроженецъ Айхуня, оттого и семейство его тамъ оставалось. У Пекинскаго правительства принято за правило назначать воеводами трехъ провинцій Маньчуріи уроженцевъ этой страны, но только не въ той, гдѣ ихъ родина. Станціонные сказывали намъ, что отъ Уланора есть также дорога въ Хулань, вѣроятно соединяющаяся съ Мосинской; есть и другія дороги въ эту именитую область, составляющую часть Цицихарскаго воеводства; она извѣстна хлѣбородіемъ и благотвореннымъ климатомъ. Городъ Хулань названъ по рѣкѣ этого имени, впадающей въ Сунгари улу; въ немъ пребываетъ комендантъ.

1 іюня.

Утромъ погода была ясная и прохладная; мы ѣхали вблизи огромнаго пустыннаго озера, по легкому возвышенію; съ вершины надъ-озернаго увала открылось другое озеро, направо отъ насъ, такъ что дорога пролегла между двумя озерами; потомъ ѣхали по окраинѣ разливовъ рѣки; рѣки мы не видѣли; на широкомъ поемномъ низовѣ видны были только озера и протоки рѣки. Остановились для отдыха въ поселеніи Гулү или Гурү; оно состоитъ домовъ изъ 30, но содержитъ училище для дѣтей; школьники, въ числѣ 15, опрятно одѣтые, съ учителемъ во главѣ, явились къ намъ засвидѣ-

тельствовать почтеніе; китайцы любятъ практиковать своихъ дѣтей въ пріемахъ, доказывающихъ ихъ благовоспитанность и знаніе приличій; они должны изучить, вмѣстѣ съ четырехъкнижіемъ, правила скромности и развязности, съ которыми ребенокъ не проронитъ лишняго слова, но и не затруднится отвѣтами на вопросы. По истинѣ, замѣчательна преданность китайцевъ ихъ отечественному образованію и роднымъ преданіямъ; гдѣ только заводится небольшая община ихъ, тамъ непременно учреждается училище. Здѣсь это даетъ имъ рѣшительный перевѣсъ надъ туземнымъ населеніемъ края; уваженіе къ китайской цивилизаціи и вообще въ Китаю незамѣтно втирается въ головы туземцевъ и китаить ихъ. Китаецъ несокрушимъ съ своимъ конфуціанствомъ; оно и слава его, и вмѣстѣ причина застоя. Вспомнилъ я при этомъ о томъ китайскомъ ученомъ XII вѣка, который, будучи сосланъ въ глубину Маньчжуріи, постарался начертать четырехъкнижіе на берестѣ, за неимѣніемъ бумаги, въ назиданіе полудикихъ Чжурчжи. Этотъ берестяной экземпляръ знаменитъ въ исторіи. Со станціи мы продолжали путь по окраинѣ и у окраины разливовъ Нонни; по пути нападали на насъ міриады мошекъ. Погода стояла тихая, свѣтлая и жаркая; наши мулы устали; мы остановились у пойла близъ монгольской избы; резервуаръ или колодець съ водой былъ внутри избы, откуда монголь подавалъ намъ воду черезъ отверстіе въ стѣнѣ. До станціи Тархъ, гдѣ было для насъ готово помѣщеніе, мы не могли доѣхать и остановились въ одинокой гостинницѣ и вмѣстѣ усадьбѣ одного Шаньсїйца, называемой Папардїанъ (по произношенію шаньсїйскому; настоящее названіе ея Панъ панъ эръ дъанъ, т. е. гостинница толстяка). Хозяинъ гостинницы не ожидалъ нашего посѣщенія и былъ видимо недоволенъ, когда наша свита изъ провожатыхъ безъ церемоніи стала очищать для насъ его заповѣдный Гуй фанъ; это былъ истый Шаньсїецъ, богатый господинъ въ урочищѣ; гостинница, которую онъ держитъ для проѣзжихъ купцовъ,

служить вмѣстѣ съ тѣмъ магазиномъ, въ которомъ окрестные Монголы покупаютъ воду, масло, ткани и разныя мелочи; многочисленная прислуга его состояла на половину изъ Китайцевъ и Монголовъ; покупатели и прикащики сновали взадъ и впередъ; самъ же онъ возсѣдалъ въ конторѣ со щетами въ рукахъ и раздавалъ отрывисто приказанія. Мы возмутили и нарушили торговый порядокъ его дѣлъ; поэтому онъ сидѣлъ пасуясь въ одной съ нами комнатѣ. Здѣсь и далѣе на сѣверь Шаньсидцевъ величаютъ уже не укусниками, а западными людьми (сй жень). Вечеромъ выпалъ дождь, поднялся вѣтеръ и разогналъ тучи, изъ за которыхъ появилась луна. Мы улеглись уже на теплое кану нашего нелюбезнаго хозяина, а онъ продолжалъ сидѣть, при свѣчѣ, сводя счеты за истекшій день; вдругъ среди шума вѣтра, послышалось скрыпеніе колесъ, прислуга всполошилась и чрезъ нѣсколько минутъ раздался веселый крикъ: Лю чжанъ гуй ди (Лю купчина) прѣхалъ! Новость эта передавалась разными голосами. Дѣйствительно, въ контору, ввалила толпа сопровождаая низкорослаго китайца; главный прикащикъ гостинницы подвелъ его къ свѣчѣ, и всѣ нашли, что Лю чжанъ гуй ди поху дѣлъ. Нашъ угрюмый хозяинъ ослабилъ во все лице и привѣтливо привсталъ и поздоровался съ гостемъ; тотчасъ стали разводить огонь на кухнѣ; хозяинъ самъ отмѣрилъ водки для нагрѣванія, и потомъ сталъ спрашивать, почему гость такъ долго не ѣхалъ и какіе товары везетъ изъ Бүкуя и другихъ мѣстъ; гость, завидѣвъ насъ, сталъ шопотомъ рассказывать про свои торговые поѣзды, и хозяинъ постоянно издавалъ одобрительные звуки. Поужинавъ въ веселой компаніи, гость отправился спать на свой возъ. Вотъ, подумали мы, какъ принимаютъ своихъ-то. Бүкуемъ въ Маньчжуріи называютъ Цицихаръ; послѣдняго имени мы вовсе не слышали; Бүкуй было старинное селеніе на мѣстѣ нынѣшняго Цицихара.

2 іюня.

Утромъ былъ мелкій дождь. Отправившись съ ночлега, мы ѣхали по легкой возвышенности съ песчанымъ грунтомъ; повсюду видны были озера; одно изъ нихъ, саженей 60 ширины, мы должны были переѣхать въ бродъ; озера эти чрезвычайно рыбны; бѣдные китайскіе рыболовы ловили здѣсь большихъ сазановъ; мы кушили у нихъ два за нѣсколько копѣекъ. Съ низменнаго мѣста мы поднялись на берегъ огромнаго озера, по которому подѣ сильнымъ с.-з. вѣтромъ доѣхали до станціи Тарха, гдѣ остановились для отдыха. Дорогою, сопровождавшіе насъ станціонные рассказывали нашимъ извозчикамъ о цѣнахъ корлосскихъ лошадей; въ недавнее время, до скотскаго падежа, ихъ продавали очень дешево въ большомъ количествѣ; за 30 р. монетою можно было купить отличнаго бѣгуна; но теперь, какъ свирѣпствовала морь на рогатый скотъ, цѣна на коней поднялась втрое. Корлосскіе кони красивы и крѣпки. Слѣдующая станція Донай, будучи окружена водою, перенесена была въ урочище Мачанъ, мѣстечко Сигуанъ, и намъ предстояло сдѣлать большой объѣздъ. Сначала мы ѣхали по длинной возвышенности; по дорогѣ попадались пашни, мазанки монголовъ и рощи лиственныхъ деревьевъ; на одномъ холмѣ я впервые видѣлъ Монгола за сохой. За тѣмъ наступили песчаные увалы; на многихъ изъ нихъ росли купы высокой травы, похожей на мальву; поля красиво испещрены были голубыми, фіолетовыми и, болѣе всего, желтыми цвѣтами. Кости павшихъ коровъ разсыяны были повсюду. Въ усадьбѣ Бэй мяо цзы (сѣверная кумиренка) мы остановились на нѣсколько времени, чтобы напоить скотъ и дать ему отдохнуть. Далѣе мы ѣхали при подошвѣ яра. Все время погода стояла ясная и прохладная, при постоянномъ вѣтрѣ. Снизу мы поднялись на окраину. На одной возвышенности мы

*

проѣхали мимо огромнаго обд, сбитаго изъ глины въ видѣ
вопны и обросшаго травой; верхъ его также обросъ травой
и походилъ на мохнатую шапку; внизу кругомъ устроены
были мелкія обд, въ которыхъ воткнуты были пуки травы;
въ верхушкѣ обд водруженъ былъ шестъ; сюда съѣхались
ламы, для моленія о дождѣ, съ закланіемъ барана. Оказа-
лось, что здѣсь не было дожда; озера и болота оставались
еще отъ прежнихъ дождей и разливовъ рѣки. Еслибы пе-
редъ нашимъ проѣздомъ выпать здѣсь дождь, то врядъ ли
намъ можно было бы ѣхать этими мѣстами. Отъ обд мы
спустились въ болотистую лощину; сопровождавшій насъ смот-
ритель станціи Тарха, утомленный дальнею поѣздкою, совѣ-
товалъ намъ остановиться въ Бѣболи, у знакомаго ему
Монгола, который въ зимнее время открываетъ у себя для
проѣзжихъ гостиницу и конечно не отказался бы принять
насъ и теперь. Бѣболи было ближе, 7-ю или 8-ю ли,
чѣмъ Сигуань, въ которое перенесена станція Доуай.
Такъ какъ мы не имѣли понятія ни объ урочищѣ Мачанъ
(конское пастбище), ни о Сигуань (западная застава), ни
о Бѣболи (болото хлѣбцевъ), то и предоставили смотрителю
распоряжаться какъ онъ знаетъ. Вскорѣ мы въѣхали во
дворъ одинокаго жилища Монгола; домъ былъ построенъ со-
вершенно по-китайски и устроенъ очень хорошо; но не
видно было никого, нигдѣ; главныя комнаты были заперты
и тишина царствовала кругомъ; мы всѣ помѣстились пока
въ небольшой кухнѣ, загроможденной хлѣбами и мукой.
Монголъ, какъ кажется, съ роду не видѣвшій европейцевъ
и никогда не слыжавшій объ русскихъ, скрылся и не пока-
зывался; семейство его со страха заперлось въ главномъ
помѣщеніи. Наша свита отыскала Монгола и убѣдила его,
что мы вовсе не буйные люди; не безъ опасенія однакожъ
вошелъ онъ къ намъ въ кухню и по здѣшнему обыкновенію
привѣтствія, общему въ сѣверной Маньчжуріи, коснулся съ
каждымъ изъ насъ руками; это былъ высокій, добродушный

Монголь, лѣтъ 40, одѣтый по-китайски. Монголь отправился отворить главное помѣщеніе, но семейство его ни за что не хотѣло отпереть дверей; дѣлать было нечего; намъ приходилось всѣмъ улечься на одномъ кану, на манеръ сибирскихъ дикарей положивъ головы на загнутыя ноги одинъ другому, или доѣхать до Сигуань; мы предпочли послѣднее; по прибытіи въ это мѣстечко, мы помѣщены были также въ домъ одного Монгола; помѣщеніе это отличалось отъ китайскаго только тѣмъ, что предъ божицей разставлено было, по ламскому обыкновенію, восемь чашечекъ съ жертвами. Здѣсь встрѣтилъ насъ инспекторъ станцій (Цзѣньду), выѣхавшій изъ Букуя, для сопровожденія насъ по его вѣдомству, человекъ чрезвычайно пріятливый и обязательный. Цзѣньду сообщилъ намъ не добрыя вѣсти; по его словамъ за Букуемъ, станціи четыре, въ ту пору рѣшительно нельзя было проѣхать въ экипажахъ; вода въ протокахъ Нонни поднялась и затопила низменныя мѣста, по которымъ пролегаетъ дорога; почту перевозили на Вайху (маньчжурское названіе лодки, выдолбленной изъ цѣльнаго дерева). Мы выразили предположеніе, что отъ продолжительной сухой погоды вода должна сбыть. На это Цзѣньду отвѣчалъ, что калпривный Си цзѣнь (западная рѣка), какъ называютъ здѣсь Нонни, часто при ясной и сухой погодѣ, въ одинъ день поднимается сажени на три, и тогда прилегающіе къ ея бассейну низменные луга покрываются водою на далекое пространство. Мы раздумывали въ уныніи, не лучше ли повернуть намъ на Хулашъ, куда ведутъ хорошія сухія дороги, и откуда, рады или не рады, насъ препроводятъ на лодкахъ до самой Хабаровки; но Цзѣньду послѣшилъ успокоить насъ увѣренностію, что Букуйскій воевода въ мудрости своей, выручитъ насъ изъ затрудненія и въ случаѣ крайности доставитъ насъ въ Мэргэнь рѣкою на лодкахъ. На томъ мы и остановились.

3 июня.

Мы ѣхали по возвышенностямъ того же характера, какъ прежде: вершины ихъ поросли деревьями; по полямъ росло много низкорослыхъ дивихъ абрикосовъ; такъ называли ихъ наши вошки, съ удовольствіемъ объѣдаясь небольшими зелеными плодами ихъ. По дорогѣ обогналъ насъ Цзѣнь ду, сидя въ Дахурской телѣгѣ (Дахури чѣ), запряженной тройкою лошадей, по-китайски; телѣга эта походитъ на ящикъ съ рамчатыми стѣнками, и съ высокими тонкими колесами. Мы сдѣлали длинный переваль черезъ песчанистый уваль, съ котораго круто спустились на песчаную долину съ озеркомъ. Далѣе по дорогѣ мы встрѣтили городской возокъ такой же, какъ наши; это была рѣдкость, при видѣ которой всѣ наши извошники заговорили; до сихъ поръ, кромѣ рыдвановъ разныхъ формъ, мы не видѣли другихъ экипажей по этой рѣдко проѣзжаемой лѣтомъ дорогѣ. Для роздыха, мы остановились въ плохомъ одиномъ постояломъ дворѣ, называемомъ общимъ именемъ Мѣньцзы дѣнь, т. е. китайской гостинницы; здѣсь перенято отъ Монголовъ называть переселенцевъ и поселенцевъ китайскихъ Мѣньцзами (Мѣньцзы). Такихъ Мѣньцзы дѣнь далѣе по дорогѣ не мало. Постоялый дворъ обнесенъ былъ плетнемъ изъ вѣтвей; на дворѣ лежали кучи коровихъ шкуръ, несомнѣнно съ падали. Отъ мѣста роздыха, мы не отдалялись отъ окраины рѣчныхъ разливовъ; проѣхали мимо большаго озера съ отмелями, и остановились на ночлегъ на станціи Вѣньтохунъ, названному такъ по ближнему озеру; ѣхали постоянно подъ вѣтромъ. Нонни отъ станціи въ 10 ли; она, по рассказамъ, здѣсь очень мелка, меньше сажени въ глубокомъ мѣстѣ. Монголовъ здѣсь уже нѣтъ; населеніе состоитъ изъ однихъ ссыльныхъ Китайцевъ; для путешествующихъ этой дорогою пріятно встрѣтить Мѣньцзъ, такъ какъ у нихъ, большею частію, хорошее хозяйство и всегда есть огородныя овощи. На стан-

ціи этой долго бесѣдовалъ съ нами одинъ потомокъ Усань-гуйца; по-монгольски онъ не зналъ, хотя сношенія съ Монголами здѣсь постоянны, отзываясь тѣмъ, что это дѣло западныхъ людей, т. е. Шаньсійцевъ. Судя по тому, что мы видѣли въ Корлосскомъ аймакѣ, не трудно предугадать, что настанетъ время, когда Монголы этого края превратятся въ Маньчзвъ. Маньчжурское правительство само способствуетъ къ распространенію осѣлости въ своихъ кочевыхъ владѣніяхъ; извѣстны колоніи китайскихъ земледѣльцевъ въ Чаньту (въ Корцинѣ) и Чаньчунь (въ Корлосѣ); оно прилагаетъ эту мѣру повсюду, находя въ мирномъ характерѣ поселениа гарантію спокойствія и безопасности границъ. Шаньдунцы и за ними Шаньсійцы не упустили воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами; первые арендуя земли Монголовъ, тайно приобрѣтаютъ ихъ въ свое владѣніе значительными взносами (продавать земли въ аймакахъ Китайцамъ воспрещено). Шаньсійцы мелкою торговлею захватываютъ имущества и также земли своихъ должниковъ изъ Монголовъ, въ видѣ залоговъ, и держатъ многихъ изъ нихъ въ кабалѣ. Такимъ образомъ Маньчжурія и сопредѣльные съ нею аймаки Монголіи постепенно китаются, и Маньчжуры, сказать правду, сами подкапываютъ свою династійную самобытность на своей родинѣ.

4 іюня.

Со станціи мы отправились при тихой и ясной погодѣ и ѣхали по низменнымъ, болотистымъ мѣстамъ, обилующимъ комарами; затѣмъ по возвышенной равнинѣ, на которой часто попадались пески; для роздыха остановились въ хлѣбопахатномъ поселеніи Цянь гуань ди, или переднемъ Гуань дѣ (казенный участокъ). Подъ этимъ именемъ извѣстны въ Цицихарскомъ воеводствѣ земли, возработываемыя тѣми ссыльными, которые, по окончаніи срока ссылки,

или будучи прощены, не пожелали возвратиться на родину, въ Китай, и остались на жительство въ Маньчжуріи; такіе дома называются Лоху; по законамъ страны, эти ссыльные обязаны или возвратиться на родину, или поступить въ хлѣбопашатныя поселенія; въ настоящее время Лоху доставляютъ оброка натурой Цицихарскому воеводству до 80 тыс. пуд. зерноваго хлѣба въ годъ; болѣе всего поступаетъ отъ Лоху хуланскихъ. Поселенцы Цянь гуань ди люди зажиточные, трудолюбивые и смиренные; все большое помѣщеніе, въ которомъ мы остановились, наполнено было любопытными жителями, сидѣвшими скромно и смиренно. Старики жаловались на бездождіе; послѣ мужчинъ посѣтили насъ дамы деревни, въ числѣ 12, одѣтыя прилично; хотя все это были Китайки, но ногъ своихъ онѣ не связывали; дамы посидѣли нѣсколько минутъ, поговорили между собою, покурили трубокъ и ушли. Большая часть зрителей были въ траурѣ; мы думали, не свирѣпствуетъ ли здѣсь повальная болѣзнь; но причина тому была другая: живя особой колонією, жители села почти все породнились между собою и потому въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, все многочисленныя родственники облакаются въ трауръ разныхъ степеней; толпа въ бѣлыхъ колпакахъ и бѣлыхъ кафтанахъ походила на свонище привидѣній, въ китайскомъ вкусѣ, а по нашему на поваровъ. Дома китайскихъ поселенцевъ внутри непременно украшены картинами изъ китайскихъ драмъ; на главномъ же мѣстѣ повѣшены неизбѣжныя изображенія Лаоѣ и Цайшень (духа богатства). Съ Цянь гуань ди мы отправились по песчаной равнинѣ; на дорогѣ настигъ насъ дождь съ холоднымъ вѣтромъ, по временамъ прекращавшимся; по дорогѣ проѣхали большое поселеніе, расположенное близъ озера, и далѣе слѣдовали среди пашень, потомъ по глубокому песку, лѣсомъ, до самой станціи Тэмудэхэй; повсюду грунтъ песчаный и много озеръ. Для насъ приготовлено было хорошее помѣщеніе; близъ этой станціи мы видѣли стадо барановъ, что здѣсь со-

ставляетъ рѣдкость. По близости Нонни, на станціи, лежали вѣйху, или длинныя лодки, которыя также удобно могутъ служить корытами. Станціонныя передали намъ извѣстіе, что изъ Мэргэнь кто-то пріѣхалъ въ Букуй, въ телегѣ; слѣдовательно дорога за Букуемъ была не такъ ужасна, какъ говорили.

5 іюня.

Весь день стояла ясная, свѣжая и вѣтряная погода. Утромъ ѣхали большею частію по низменнымъ мѣстамъ, встрѣчая кое гдѣ пашни; по дорогѣ проѣхали большое поселеніе Сань цзѣ цзѣ (три дома), расположенное при большомъ озерѣ. Съ одного песчанаго увала видны были по сторонамъ плантаціи деревь, разведенныя поселенцами. Крестьяне здѣсь для кладки стѣнъ употребляютъ кубическія глыбы глины и земли, высушенныя на солнцѣ; въ стѣнѣ отъ времени онѣ крѣпнуть и соединяются въ одну массу. Подъ конецъ, мы проѣхали прекрасную долину, поросшую дерномъ и огражденную песчаными буграми, и остановились въ селеніи Малое Ухумà, расположенномъ близъ Нонни, на которой виднѣлись мачты судовъ; по близости есть Большое Ухума. Небольшой переѣздъ отдѣляетъ это поселеніе отъ Цицихара. Мы отправились по равнинѣ, усаженной деревьями; погода была ясная и прохладная; поселенія часты. Съ послѣдняго возвышенія мы спустились на поля, покрытыя хлѣбною зеленью; впереди показались красивыя загородныя кумирни Цицихара, осѣненныя деревьями; здѣсь ожидали нашего поѣзда густыя толпы народа всѣхъ возрастовъ и сословій; они окружили насъ и вмѣстѣ съ нами двинулись къ городскимъ воротамъ; у воротъ встрѣтилъ насъ полицейскій, для указанія приготовленной для насъ квартиры. Въѣхавъ въ городъ, мы тотчасъ же повернули на лѣво, въ ворота очищенной для насъ гостиницы; народъ, котораго не пустили во дворъ ея,

успалъ крыши сосѣднихъ домовъ. Немедленно явилась цѣлая когорта стражей; четверо изъ нихъ заняли мѣсто у дверей квартиры; для общаго наблюденія за порядкомъ, въ гостиницѣ поселился также самъ начальникъ свиты воеводы (Гѣчика хѣфань). Снабженіе насъ продовольствіемъ не было затруднительно; воевода приказалъ доставлять намъ все нужное по умѣреннымъ цѣнамъ и даже самъ назначилъ цѣну нашихъ рублей и долларовъ на китайскую монету; никто не смѣлъ ослушаться его; онъ пользуется въ Цицихарѣ любовью и уваженіемъ за строгую справедливость. Вскорѣ посѣтилъ насъ самъ Гочика, съ огромной свитой, человекъ пожилой, полный, низенькій, съ добродушнымъ лицомъ; онъ былъ молчаливъ, напирался говорить только по-маньчжурски и изъявилъ желаніе списать нашу подорожную грамоту; тотчасъ принесли письменный приборъ и онъ началъ списывать подорожную, сокращенными знаками, съ такою изумительною быстротою, что всѣ предстоящіе, забывъ о чужеземцахъ, слѣдили за теченіемъ его кисти и повторяли вслухъ одобрительное: цэ, цэ! Въ нѣсколько минутъ копія была готова; Гочика повѣрилъ ее съ оригиналомъ; оказалось совершенно вѣрно; новое: цэ, цэ! изъ толпы. Гѣчика, затѣмъ, вѣжливо раскланялся съ нами и отправился къ воеводѣ; послѣ онъ болѣе не показывался. Мы узнали, что изъ Айхуня недавно прибылъ сюда прикащикъ отъ коммерческаго дома Ихэсинъ, для закупки рогатаго скота. Посѣтителей было у насъ не мало, преимущественно изъ купцовъ; были и ссыльные изъ Пекина. Нѣнни называется здѣсь Си цзѣнъ (Западной рѣкой) и отстоитъ въ нѣсколькихъ ли отъ города на западъ. Прежде китайскіе путешественники жаловались на недостатокъ образованія юношества въ Цицихарѣ; теперь уже не то; здѣсь существуетъ четыре училища, подъ именемъ Лоу (теремовъ); китайскій элементъ преуспѣваетъ и здѣсь. Между сѣльными, нѣкоторые имѣли шрамы и пластыри на вискахъ; это клейменные преступники, хуа лянъ цзы (пе-

стролице); какъ здѣсь называютъ ихъ. Между прислугой гостинницы мы замѣтили одного высокаго мужчину, съ рыжей бородой, большимъ носомъ и впалыми глазами; когда мы стали спрашивать о немъ, онъ тотчасъ скрылся отъ нашего наблюденія; происхожденіе его неизвѣстно; но сдается, что онъ изъ европейскихъ бѣглыхъ или матросовъ, или преступниковъ. Въ Цицихарѣ есть значительное населеніе Магометанъ, двухъ родовъ, различаемыхъ здѣсь по положенію ихъ кварталовъ; одни Дунъ хой (восточные), другіе Си хой (западные); первые суть давніе, свободные переселенцы изъ Китая, и отличаются буйнымъ характеромъ; другіе, западные, суть ссыльные; они ведутъ себя смиренно; тѣ и другіе не водятъ общенія между собою и имѣютъ особыя мечети. Воевода бдительно надзираетъ надъ этими магометанскими колоніями; недавно, между западными магометанами выдался одинъ богатый, пріобрѣтшій извѣстность и вліяніе между своими единовѣрцами; воевода, опасаясь его вліянія, перевелъ его въ другое мѣсто жительства. Воровства и грабежи здѣсь часты, и не мудрено при такомъ населеніи, въ которомъ важную часть составляютъ ссыльные преступники; поэтому ночью стража въ городѣ очень бдительная; до самаго разсвѣта намъ не давали покоя битьемъ въ гонги, доски и палки, и выстрѣлами изъ ружей, съ присоединеніемъ лая собакъ.

6 іюня.

Погода ясная и тихая. Утромъ посѣтилъ насъ любезный Цзайнь ду, и сообщилъ намъ, что впереди, на второй станціи, гдѣ предстоялъ самый трудный переѣздъ, для переправы нашей черезъ протокъ Нонни, онъ приказалъ приготовить лодки вѣйху, и что онъ самъ отправится съ нами до границъ своего вѣдомства. Жители Цицихара лѣтомъ постоянно имѣютъ при себѣ вѣера, хотя климатъ вовсе не требуетъ этого прохладительнаго средства; наши гости раз-

махивали ими, въ ту пору, когда нужно было подогрѣвать нары. Всѣ, съ кѣмъ намъ случилось говорить, съ восторгомъ отзывались о вѣдѣннѣмъ воеводѣ, превозносили его справедливость и умѣнье поддерживать порядокъ; между прочимъ, онъ имѣеть обыкновеніе каждый вечеръ ходить пѣшкомъ по улицамъ въ партикулярномъ платьѣ, въ сопровожденіи двухъ слугителей правосудія; какъ разъ, сегодняшнимъ вечеромъ произошла шумъ у воротъ нашей гостиницы; наши извозчики купили пару лошадей, для помощи своимъ муламъ въ предстоящемъ пути; расчетъ съ продавцемъ происходилъ у воротъ; продавецъ изъ за чего-то заспорилъ и началъ кричать, какъ вдругъ явился Букуйсій Гарунъ Альрашидъ и тутъ же отечески наказалъ его батогами. Должность и положеніе Цицихарскаго воеводы не маловажны и не легки; въ вѣдѣніи его состоятъ три главныхъ предмета: границы съ Россією, Бутхани и ссыльные. Бутхани суть обязанные звѣропромышленники изъ Солоновъ, Дахуръ, Барху, Ороньчѣ и Биларъ; управленіе этими туземными племенами не представляетъ большихъ затрудненій, равно какъ, при миролюбивыхъ отношеніяхъ, и пограничные интересы. Весь мѣстный интересъ заключается въ завѣдываніи ссыльными преступниками, которыхъ главный стокъ находится въ Цицихарѣ. Въ Айхунѣ, въ Хулани и въ Хулунъ буирѣ ихъ очень мало. Въ Цицихарѣ ссылаются только важные преступники: пираты, инсургенты, члены опасныхъ религиозныхъ сектъ и тайныхъ политическихъ обществъ, самые лютые изъ разбойниковъ, уличенные въ самомъ гнусномъ развратѣ, поддѣлыватели фальшивыхъ бумагъ, казнокрады, неисправимые родственники Богдохана и дворцовые евнухи, — общество, по истинѣ, замѣчательное; въ одномъ Цицихарѣ такихъ выходцевъ насчитываютъ свыше трехъ тысячъ. Удивительно, что не происходитъ важныхъ безпорядковъ въ краѣ отъ такого скопища; между тѣмъ въ Цицихарѣ нѣтъ ни казематовъ, ни карауловъ для ссыльныхъ; контроль надъ ними ограничи-

нается переключкою ихъ разъ или два въ мѣсяцъ. Разумѣется, ссылка различается по степенямъ и сроку; иныя ссыльныя семейства должны находиться въ этомъ качествѣ до 4-го или 5-го поколѣнія. Самою тяжкою ссылкой считается ссылка съ отдачею въ рабство на срокъ или навсегда, коннымъ солдатамъ, болѣе или менѣе бѣднымъ, равно служащимъ Солонамъ и Дахурамъ. Нельзя сказать, чтобы военныя средства въ распоряженіи воеводы, на случай непредвидѣнныхъ замѣшательствъ, были значительны; можно приблизительно положить, что военно-обязательное населеніе во всемъ краѣ не свыше 30 тысячъ домовъ, со включеніемъ Бутханей. Въ случаѣ нужды, онъ имѣетъ право вытребовать войско изъ Гириньскаго воеводства; для скорыхъ сообщеній съ Пекиномъ устроенъ прямой почтовый путь на Сифынъ-вѣду; курьеръ можетъ доставить депеши воеводы ко Двору въ трое сутокъ или четверо; курьерское учрежденіе въ Цицихарскомъ вѣдомствѣ весьма хорошо; мы сами были свидѣтелями немовѣрно быстрыхъ поѣздовъ этихъ гонцовъ, несмотря ни на дождь, ни на грязь, часто даже безъ сѣдла. Одна изъ любопытнѣйшихъ особенностей Цицихара есть Чулхань, или стѣздъ Бутханей для представленія оброчныхъ шкуръ соболей. Въ іюнь — іюль мѣсяцѣ они пріѣзжаютъ съ своими Ухоридà къ Цицихару и располагаются таборомъ, близъ города, по взносѣ оброчныхъ соболей, въ количествѣ 5,500 штукъ, за которые воевода награждаетъ оброчниковъ деньгами, вещами и хлѣбомъ, открывается огромная ярмарка мѣхами и скотомъ; разумѣется китайскіе купцы играютъ въ ней главную роль. До ярмарки остался еще почти цѣлый мѣсяцъ и намъ нечего было думать объ ожиданіи ея.

7 іюня.

Утромъ погода стояла прекрасная; мы выѣхали изъ гостиницы на главную улицу, людную и оживленную, но тот-

часть повернули, въ восточную часть города, для объѣзда, будто бы, грязи, которая стояла на главной улицѣ и преграждала путь къ сѣвернымъ городскимъ воротамъ; мы ѣхали подлѣ восточнаго городского вала, похожаго на разрушенное городище. За сѣвѣрною частію города, сопровождавшая нашъ поѣздъ толпа полицейскихъ оставила насъ. На сѣверъ отъ города простираются кладбища; далѣе рощи молодого вяза; мѣстность волнистая; по близости къ Цицихару нѣтъ строеваго лѣса; онъ доставляется, сплавомъ по Нонни, съ Хиньаньскихъ горъ. По сторонамъ дороги виднѣлись пашни. Черезъ нѣсколько времени мы остановились на время въ небольшомъ военномъ поселеніи Ма цзя гань, у пойла при колодецѣ, близъ вновь отстраивавшагося дома Айхуньскаго амбана, который родомъ изъ этаго мѣстечка. Домъ небольшихъ размѣровъ; подлѣ него небольшая кумирня въ честь Гуань дѣ; кругомъ обширная равнина, съ озерами. Далѣе ѣхали мы по луговой равнинѣ и потомъ по возвышенности. Впереди и по сторонамъ простиралась безграничная равнина, по которой разсѣяны были военные поселенія, замѣтныя по плантаціямъ деревь; всѣ дома въ этихъ тунь построены по одному казарменному образцу. Мы остановились въ огромномъ военномъ поселеніи, Тахъарь, расположенномъ на возвышенности; время было еще раннее; но мы остались здѣсь на ночлегъ, такъ какъ впереди предстояла переправа черезъ протокъ Нонни, о которой говорилъ намъ Цзянь ду. По дорогѣ мы также замѣчали кости павшихъ коровъ; скотъ заболѣвалъ разстройствомъ желудка и умиралъ отъ истощенія; это свотская холера; овцы рѣдко подвергаются этой заразѣ.

8 іюня.

Утромъ мы слышали, что вода въ протокахъ Нонни, черезъ которые намъ нужно было переправляться, поднималась;

надобно было спѣшить, пока она не выступила изъ береговъ. Прямо со стаяка мы спустились къ протоку Нонни, шириною саженой 30, гдѣ устроенъ былъ для насъ перевозъ изъ двухъ вѣйху, связанныхъ вмѣстѣ; перевозили по два возка за разъ, а послушные мулы одни переправились вплавъ и ждали на другомъ берегу; дно протока песчаное. При низкой водѣ, протокъ, обыкновенно, проѣзжаютъ въ бродъ; но случается, что вода, выступивъ изъ береговъ его, затопляетъ окрестности на огромное пространство. Потомъ мы проѣхали въ бродъ еще мелкій протокъ, далѣе третій, довольно глубокий, саженой 10 ширины, также въ бродъ. За послѣднимъ слѣдовали луга, потопляемые разливами Нонни; въ почвѣ повсюду просачивалась влага. Подъ конецъ мы переправились черезъ главный протокъ на дощаникѣ; здѣсь нагналъ насъ Цзянь ду, слѣдовавшій за нами въ рыдванѣ, въ сопровожденіи верховой свиты. Далѣе мы продолжали ѣхать по равнинѣ, среди густой и высокой травы; растительность на этихъ мѣстахъ необыкновенная; но кругомъ пустыри; не видно ни жилищъ, ни человѣка, ни даже пасущагося скота; на этой обширной низменности попадались впадины, или лощины, и онѣ-то были для насъ предметомъ страха, грозя потопленіемъ въ глубокой тинѣ; ѣхали мы на удачу, избирая болѣе удобныя для проѣзда мѣста; вдругъ мы неожиданно подѣхали къ Нонни; наконецъ-то мы узрѣли коварную Лазуревую (какъ переводятъ названіе Нонни) невидимку, которая преслѣдовала насъ своими протоками, затопами, озерами и болотами; она тихо протекала въ низменныхъ берегахъ, образуя протоки и острова, поросшіе травой и кустарникомъ, и показала намъ саженой 100 ширины; повыше видѣлся парусъ судна, единственный признакъ жизни на пустынной зеркальной поверхности воды. Здѣсь называли Нонни Да цянъ, или великой рѣкой. Затѣмъ мы сдѣлали большой объѣздъ кругомъ болотистаго мѣста и подъ дождемъ остановились въ усадьбѣ Санъ цзя цзы. Хозяева

дома были Новые Маньчжуры, люди простые и добрые. Съ нами говорили они по-китайски, а между собою непременно по-маньчжурски, произнося слова слитно; забавно было слышать звучную и мѣрную маньчжурскую рѣчь въ устахъ обрванныхъ мальчишекъ; женщины, удалившіяся въ особую комнату, болтали между собою тоже по-маньчжурски. Быть Новыхъ Маньчжуровъ безбѣденъ; они воздѣлываютъ земли безоброчно, разводятъ свиней, имѣютъ быковъ и сѣютъ просо обоихъ родовъ. Многіе изъ нихъ отдаютъ дѣтей своихъ въ школы, для обученія китайскому языку. Хозяева жаловались на дороговизну необходимыхъ для нихъ издѣлій, которыми снабжаютъ ихъ Шаньсійцы. Богатыхъ между ними нѣтъ, но почти всѣ они зажиточны. О происхожденіи своемъ они, повидимому, уже забыли. Въ старину, они составляли разрозненные роды, не имѣвшіе общаго управленія, и обитали въ восточной части нынѣшняго Гириньскаго воеводства; до сихъ поръ существующія у нихъ фамиліи Гуалчжѣ и Гуалгѣ напоминаютъ тѣ роды, которые основатель нынѣшней династіи (Тай цзю) вывелъ изъ Усурійскаго края и включилъ въ составъ Маньчжурскаго народа подъ именемъ Ичѣ маньчжюу (Новыхъ Маньчжуровъ). Въ число Ичѣ маньчжюу включены были также Иланъ халѣ (три рода), обитавшіе по берегамъ Хурха и Сунгари и называвшіеся лѣсными дикарями (Вѣ цзи да цзы). Въ маньчжурскомъ населеніи Цицихарскаго воеводства Новые Маньчжуры, какъ увѣряютъ, составляютъ $\frac{8}{10}$; они раздѣлены также на 8 дивизій или знаменъ. Предъ отправленіемъ нашимъ съ мѣста роздыха, хозяева не хотѣли было взять съ насъ ничего за постой. Мы отправились далѣе по равнинѣ подъ мелкимъ дождемъ, который по-полудни пересталъ. Въ это время мы загрязли въ большой лужѣ и сидѣли въ ней съ полчаса; нужно было вытаскивать сначала муловъ, потомъ возки; въ такихъ случаяхъ, мулы обыкновенно ложились на тину и нужно было много усилій, чтобы поднять ихъ съ этого мяг-

каго ложа. Далѣе, въ утѣшеніе наше, простирались прекрасныя поляны; дорога къ станціи Ниннянь была ровная и гладкая, какъ шоссе, и шла подлѣ глубокаго протока Нонни. На станціи встрѣтили насъ станціонные чины и явились два чиновныхъ Солоня, съ синими шариками на шапкахъ; Солоня посланы были, изъ Бутха, отъ тамошняго Ухэрида, для встрѣчи и сопровожденія насъ до слѣдующей станціи, такъ какъ на пространствѣ переѣзда есть поселенія Солоновъ; предлогъ, правду сказать, забавный; въ охранѣ мы не нуждались; съ нами, всякій разъ, было цѣлое полчище спутниковъ; главная цѣль ихъ командировки была та, чтобы удостовѣриться въ нашемъ проѣздѣ и затѣмъ успокоиться. Солоня эти свободно объяснялись по-китайски и ихъ трудно было отличить отъ другихъ военнослужащихъ. Они были чиновные, или служащіе Солоня; Солоня же Бутха суть облавные или звѣропромышленные, это раздѣленіе существуетъ и между Дахурами. Вечеромъ простился съ нами нашъ Цзянь ду, пожелалъ намъ благополучно совершить переѣздъ чрезъ знаменитыя грязи Бурдэ и съ этимъ зловѣщимъ напоминаніемъ расстался съ нами.

9 іюня.

Утромъ была тихая, теплая и дождливая погода; мы проѣхали всего 12 ли, подлѣ мелкимъ дождемъ, по большой торной дорогѣ, и остановились въ мѣстечкѣ Эррѣ ши ли цзя цзы (домъ въ 20-ти ли, — откуда, не извѣстно), далѣе слѣдовали солонскіе туни или поселенія, въ которыхъ, какъ увѣряли насъ, нельзя было останавливаться. Домъ, въ которомъ мы остановились, принадлежалъ зажиточному Маньчжурѣ: въ особомъ кивотѣ чествовалось изображеніе Чжэнь сянь лаофъ, какъ во всѣхъ жилищахъ здѣшняго края, въ видѣ китайца, стрѣляющаго изъ лука въ созвѣздіе чернаго пса, который вредитъ дѣтямъ, наводя на нихъ паучую и

другія болѣзни; Чжѣнъ сянь лаоѣ считается покровителемъ дѣтей. Въ здѣшнемъ шаманствѣ зловредный для дѣтей духъ также извѣстенъ подъ видомъ черной собачки; одна только шаманка можетъ видѣть его. — Жители очень благоволятъ къ ласточкамъ, которыя вьютъ гнѣзда внутри жилищъ на балкахъ, или, гдѣ нѣтъ потолка, на стропилахъ; весь день только и слышно летанье въ отворенныя окна и щебетанье ихъ надъ головами. По выѣздѣ изъ мѣстечка, мы усмотрѣли солонскія туня; пашень было мало видно; нѣсколько коровъ, да нѣсколько лошадей паслись на необозримомъ безлѣсномъ пространствѣ; Солоны живутъ въ такихъ же домахъ, какъ Маньчжуры. Когда мы проѣзжали мимо одного туня, толпа оборванныхъ, грязныхъ и безобразныхъ Солонцовъ выступила на дорогу и издавала дикіе вопли; многіе изъ нихъ были съ одутловатыми лицами, что часто замѣчается въ Солонскомъ племени; но у мальчиковъ были замѣчательно рѣзкія черты лица. Дорога была превосходная; впереди и кругомъ стѣна далекая; кое-гдѣ небольшія плантанціи деревья указывали солонскія туня. Чиновные Солонцы, сопровождавшіе насъ, отпросились у насъ позавтракать въ ближнемъ поселеніи у своихъ соотечественниковъ. Передъ станціей Лаха встрѣтили насъ станціонные чины; затѣмъ явился верховый Фындэ бошкѣ изъ Дахурь, съ бѣлымъ прозрачнымъ шарикомъ на шапкѣ, въ сопровожденіи Кутулэ (деньщика), тоже Дахура; онъ отправленъ былъ Мэргэнскимъ амбанемъ для встрѣчи и сопровожденія насъ до Мэргэня. Станція Лаха есть поселеніе огромное; въ немъ есть лавки, содержимыя Шаньсїйцами; есть даже Данъ пу (закладныя лавки), — что считается признакомъ цвѣтушаго состоянія селенія. Здѣсь оставилъ насъ Бошко, посланный прежнимъ Цзянъ ду для сопровожденія насъ до Лаха; вмѣсто него, явился къ намъ только-что прибывшій изъ Мэргэня новый Цзянъ ду, стройный и красивый мандаринъ, съ новой свитою. Насъ непременно хотѣли угостить обѣдомъ, разумѣется, на счетъ станціонныхъ; но мы рѣши-

тельно отказались; у насъ накопилось столько сопровождающихъ, что мы не знали что дѣлать съ этой толпою въ парадныхъ шапкахъ; бѣдные станціонные были въ попыхахъ; все требовали телѣгъ и лошадей, и кромѣ того завтрака и обѣда; наши вошки тоже вздумали-было злоупотреблять нашею многозначительностію и стали требовать на станціяхъ мелкаго проса для своихъ муловъ, въ чемъ имъ не смѣли отказывать; къ счастью, М. скоро узналъ объ этомъ и мы стали смотрѣть за ними во время остановокъ. На станціи Лаха раскланялись съ нами Солонскіе Чжангинъ и уѣхали въ Бутха; на пути, болѣе мы не видѣли Солоновъ.

10 іюня.

Здѣшній обычай натапливать спальные нары все лѣто тяжело дѣйствовалъ на насъ; утромъ мы вставали, промокшіе отъ пота и истомленные этимъ баннымъ угощеніемъ; нары натапливались заранѣе до нашего пріѣзда. На станціи мы ѣхали воднистою мѣстностію, имѣя въ виду значительныя возвышенія на западѣ, за Нонни; кое-гдѣ видѣлись пашни; на черноземной почвѣ замѣтны были слѣды недавно выпавшаго сильнаго дождя. Поля были пустынные, но пастбища тучныя. Мы проѣхали оврагомъ, или падыю; кругомъ не было видно ни жилья, ни деревъ, ни пасущагося скота; по дорогѣ ни одного встрѣчнаго путника; необыкновенно густая трава на напоенной влагою почвѣ, зеленые скаты лощины, яркіе цвѣты по зелени и, въ особенности, ароматичные пары, поднимавшіеся отъ растений и пропитавшіе наше платье, благотворно дѣйствовали на духъ и тѣло; единственными обитателями этихъ благовонныхъ добрей были цѣвучія пташки; чувствовалось, что природа встрѣчаетъ здѣсь путника какъ дорогаго гостя, обружая его лучшимъ и усновоюющимъ изліяніемъ своихъ живительныхъ силъ. Мы спустились съ перевала на равнину, и по ней, подъ дождемъ, доѣхали до про-

межучнаго станка Хэвѣнь, заселеннаго Маньчзами и приписаннаго къ станци; здѣсь мы остановились для роздыха. Впереди предстоялъ самый трудный переѣздъ на станцію Бурдэ; черезъ низменный бассейнъ рѣки Нэморь, на разстояніи верстъ десяти. Давно уже говорили намъ объ этомъ переѣздѣ съ зловѣщими восклицаніями; по страсти Китайцевъ выразаться числительными афоризмами, составлена была краткая характеристика переѣзда: Сань дѣнь ву сюань, т. е. три болота и пять тинь, и эта поговорка произносилась такъ, какъ будто была освящена всеобщей географіею и извѣстна съ глубокой древности. Хотя мы уже не разъ испытывали преувеличенія Китайцевъ, однакоже, слыша общіе неблагоприятныя отзывы, мы невольно приуныли и отправлялись на авось. На станціи этомъ есть училище, въ которомъ обучаются до 10 школьниковъ; сынъ нашего хозяина, мальчикъ лѣтъ 10, являлся къ намъ съ поклономъ. На главномъ мѣстѣ комнаты былъ кивотъ съ изображеніемъ генія богатства и счастья, и передъ нимъ, какъ рѣдкое принощеніе, разставлены были два русскихъ пустыхъ полуштофа и двѣ такія же бутылки; это были первые признаки нашего приближенія къ границамъ отечества.—Мы послали одного вершника поискать объѣзда болотомъ; вершникъ, зная хорошо, что объѣздовъ нѣтъ, для нашего успокоенія, показалъ видъ, что ѣздилъ, разумѣется, безъ успѣха. Отправились мы въ путь съ скатымъ сердцемъ; черезъ грязи мы шли пѣшкомъ, чтобы не обременять возковъ; и безъ того мулы и лошади падали въ тинь; самый трудный бродъ былъ чрезъ болото, саженей 60 ширины, наполненное водой и усыпанное кочками; мы перешли его пѣшкомъ, утопая ногами выше колѣнъ; но бѣднымъ животнымъ тяжело досталась эта переправа; онѣ рѣшительно выбились изъ силъ; долго возились мы на этомъ мѣстѣ въ водѣ и въ жару, и наконецъ успѣли перебраться на другую окраину болота; наша огромная свита оказалась совершенно бесполезною въ трудныхъ случаяхъ. Далѣе уже не было столь опасныхъ грязей

и мы дотащились до перевоза черезъ рѣку Нэморъ (на атласѣ Нанаморъ, у здѣшнихъ китайцевъ Моморъ хэ, а по произношенію Дахура Кутулэ, Нэморъ гѳсэ), впадающую въ Нонни; шириною она саженой 30; течетъ въ низкихъ берегахъ, опушенныхъ кустарникомъ и травою, по песчанистому ложу: теченіе ея быстро; глубина до $1\frac{1}{2}$ сажени. По переправѣ черезъ рѣку, мы выѣхали на мелкотравную поляну и вскорѣ прибыли на станцію Бурдэ (на атласѣ Бордо). Въ это время шла туча съ громомъ и захватила насъ краемъ. Мы были въ благодущіи, по случаю благополучнаго переѣзда черезъ грязи, и немного позлорадствовали, узнавъ, что нашъ Цзынду, съ своей телѣгой, загрязъ въ знаменитомъ болотѣ и сидѣлъ тамъ долго подъ дождемъ. Бурдэ мѣстечко значительное и оживленное; въ немъ есть лавки съ разными товарами, и даже закладныя. Съ слѣдующей станціи прибылъ курьеръ спросить насъ, пройдемъ мы ее, или переночуемъ на ней; отвѣчали, что пройдемъ, но будемъ тамъ завтракать

11 іюня.

Утромъ явился къ намъ чиновникъ Дахуръ, съ синимъ шарикомъ на шапкѣ, говоря, что онъ прибылъ изъ Ивоци (тоже что Бутха), по приказанію своего начальника, узнать о нашемъ путешествіи; мы спросили его: какое имъ дѣло до нашей поѣздки? онъ отвѣчалъ, что они, получивъ о насъ циркуляръ, предполагали, что мы, быть можетъ, заѣдемъ къ нимъ; на это мы отвѣчали, что отыскивать ихъ становища не намѣрены, а направимся прямо въ Мэргэнь. Посланецъ былъ удовлетворенъ и скрылся. Мы ѣхали далѣе по степнымъ мѣстамъ, поросшимъ густою травою. По дорогѣ встрѣтилъ насъ посланный Мэргэньскимъ амбанемъ, Габшинь, изъ отборнаго отряда, Дахуръ, дюжій и плечистый дѣтина, какихъ обыкновенно выбираютъ въ этотъ отрядъ (Цянь фінъ), также съ Кутулэ; онъ присоединился къ прежде посланному Дахуру

и оба все время не отставали отъ насъ. Мы переѣхали, черезъ легкіе увалы, въ широкую долину, огражденную съ двухъ сторонъ ровными увалами; посреди этой долины протекаетъ болотистая рѣчка Лао лай хэ (на атласѣ Лолокэ); мѣстность была пустынная; по дорогѣ мы замѣтили слѣды давняго становища; отъ него остались правильно расположенные бугры. Долина чрезвычайно богата растительностію; по мѣстамъ видѣлись одинокія деревья, кое-гдѣ пашни. Мы остановились для роздыха на станціи Камниха, названной такъ по положенію ея въ долинѣ; она находится въ близи западнаго увала, который въ этомъ мѣстѣ довольно высокъ, крутъ и ярко зеленѣлъ. Помѣщеніе на станціи лучше всѣхъ, какія мы встрѣчали. Далѣе мы продолжали ѣхать по той же долинѣ, держась лѣвой окраины ея; слѣдуя по склону окраины, мы проѣхали мимо длиннаго вала, который казался искусственнымъ; наши извозчики, шута, называли его Вужень тунъ (поселеніе безъ жителей) и Гао ли чэнъ (Корейскій городъ); въ ихъ понятіяхъ, эти названія показывали вещи невозможныя, фантастическія. Среды долины, по теченію рѣчки, ярко выдавались оранжевыя полосы отъ высокихъ болотныхъ золотистыхъ цвѣтовъ; лепестки на этихъ цвѣткахъ длиною дюйма два; его собираютъ, сушатъ и употребляютъ на лекарства и въ приправы кушаньямъ; въ китайскихъ кухняхъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Хуанъ хуа (желтаго цвѣтка), а въ аптекахъ подъ именемъ Чжень цзинъ (чистаго золота). Мы остановились на ночевье на станціи Илха, въ бѣдной деревенькѣ, заселенной Маньцзами Лоху. На станціи былъ Битхэши, или штатный писарь, изъ Дахурь; онъ увѣрялъ, что дахурскій языкъ отличается отъ монгольскаго преимущественно произношеніемъ; такъ онъ преизносилъ Тэнгэрэ (Тенгри), Бутэтанъ (Бутханъ).

12 іюня.

Мы оставили долину, которая направилась на с.-в., и перебрали на лѣвую окраину ея; далѣе слѣдовали гористыя мѣста, отдѣлявшія отъ насъ Мэргэньскую мѣстность; по вершинамъ уваловъ началъ попадаться кустарникъ; съ вышей точки перевала, на лѣво, вдали, за Нонни, видны были крупныя возвышенія, или ровныя горы, съ обрывами по мѣстамъ; послѣдній уваль поросъ листовнымъ лѣсомъ; мы спустились густымъ лѣсомъ, подъ тѣнію березъ и вязовъ; эта гора была одна лѣсистая; всѣ другія были совершенно обнажены отъ деревъ и покрыты густою зеленою; мы остановились въ деревнѣ Бань цѣо, расположенной при подошвѣ перевала и такъ названной по деревянному досчатому мосту, перекинутому черезъ ручей. Деревня состоитъ домовъ изъ 10 Хань цзюнь, или китайскихъ солдатъ, вошедшихъ въ составъ маньчжурскихъ знаменъ; Хань цзюни въ Цицихарской области суть Шаньдуицы, издавна переведенные сюда, вмѣстѣ съ маньчжурскими гарнизонами; вся артиллерія на рукахъ Хань цзюней. Жители Бань цѣо занимаются земледѣіемъ и за сѣвають овесъ, просо, пшеницу, ямень и горохъ, но въ малыхъ размѣрахъ. При деревнѣ есть небольшая кумирня въ честь хорька, изображеннаго въ видѣ парадно одѣтаго китаецца; онъ чествуется каждое 1 и 15 число луны приношеніемъ курительныхъ свѣчей. Съ мѣста роздыха, мы отправились по склону прекрасной зеленой ложбины и потомъ брали по самой ложбинѣ. По дорогѣ, на вопросъ, есть ли въ этихъ мѣстахъ, по близости, вулканы, сопровождавшіе насъ Дахуры отвѣчали, что такія горы дѣйствительно есть на сѣверъ и юго-востокъ оттолѣ, и называются Лѣхуанъ шань, т. е. сѣрыми горами, по обилію находящейся въ нихъ сѣры; — однакожъ добывать сѣру воспрещено. Дѣйствительно порохъ сюда привозится изъ Мукдена. Дѣйствующіе ли то вулканы, или потушли, Дахуры не могли, или не хотѣли ска-

затѣ, крайне изумившись предложенному имъ вопросу. Мы спустились въ тинистую долину, при выходѣ изъ которой видѣлась одинокая сопка; послѣ того, на время останавливались у пойма въ китайскомъ хлѣбопахатномъ поселеніи Цань гуань ди (передній казенный участокъ) отголѣ оставалось верстѣ девять до Мэргэня; слѣдовало только переѣхать черезъ уваль. Съ вершины этого увала мы увидѣли впереди открытую пустынную мѣстность, незамѣтно наклоненную къ Нюни, и городъ, походившій больше на село; за Нюни тянулись ровныя горы, съ крутыми краями; Нюни блеснула для насъ въ послѣдній разъ, среди низменныхъ песчаныхъ береговъ; на берегу ея курился дымокъ изъ шалашей рыболововъ; кругомъ безлѣсье и безлюдье. Мы переѣхали двѣ долины, одну у поселенія Хоу гуань ди (задній казенный участокъ), другую далѣе; здѣсь встрѣтили мы, не безъ изумленія, тѣлегу, запряженную низкорослымъ и мохнатымъ осликомъ. Окрестности Мэргэня не оживлены и походятъ на степь; на полѣ замѣтна была только одинокая могилка, огороженная пряслами, — да у восточныхъ воротъ города кумирня Лаоѣ мяо, осыпанная деревьями. Городская стѣна выстроена изъ бревѣчататаго тына, за которымъ, сквозь огромныя скважины, видна была земляная насыпь; на стѣнѣ то же подѣланы бойницы и амбразуры; въ общемъ, крѣпость очень походитъ на тюремный замокъ. Мы объѣхали восточную стѣну города и помѣстились въ отведенной для насъ гостинницѣ, противъ сѣверныхъ городскихъ воротъ; ворота эти были заколочены и дорога къ нимъ заросла травой; любопытныхъ зѣвакъ было не болѣе 20—30 человекъ, — что показывало крайнюю бѣдность населенія. На дворѣ гостинницы встрѣтилъ насъ Чжангинъ, одинъ изъ 5, состоящихъ при амбанѣ, привѣтствовалъ насъ восклицаніемъ: *менду!* и ввелъ въ квартиру, покосившуюся отъ времени. За нимъ, пришли три чиновника, для списанія нашей подорожной, потомъ чиновный Солонъ, посланный, по его словамъ, отъ Ухэрида Бутханей;

мы начинали тяготиться этими безпрестанными посольствами и не безъ досады замѣтили ему, что у Бутха не три, а одинъ Ухэрида, отъ котораго мы уже имѣли честь принимать посольство, и что онъ, вѣроятно, присланъ отъ какого нибудь Илюда (помощникъ Ухэрида). Что же вамъ нужно отъ насъ? спросили мы Солона. Тотъ отвѣчалъ: желательно узнать, куда поѣдете отсюда? — А если поѣдемъ къ вамъ, тогда что? — Тогда, отвѣчалъ онъ, я долженъ предупредить свое начальство, чтобы успѣли приготовить все для вашего проѣзда. Мы отпустили его съ миромъ, объявивъ, что ѣдемъ не по той дорогѣ. — Крѣпость вмѣщаетъ въ себѣ жилища амбана и чиновъ, четыре казармы, 1 училище и 1 кумирню; остальное пустыри. Крѣпость перенесли на это мѣсто съ прежняго, гдѣ теперь торговое поселеніе, состоящее лавокъ изъ 10 не болѣе; думали, что на новомъ мѣстѣ городъ будетъ преуспѣвать; оказалось противное; обязанные жители его стали умирать часто; теперь никто не хочетъ переселяться въ городъ, считая его неблаговѣщимъ, такъ что подумываютъ снова перенести его на прежнее мѣсто. Дешевизна продовольствія здѣсь неимовѣрная; наши вошки кормили свой скотъ просомъ, расходуя не болѣе нѣсколькихъ чоховъ; за одинъ чохъ продавали намъ болѣе 10 яицъ; мясо было тоже очень дешево. Падежа на скотъ здѣсь не было. Однакожь, повсемѣстный видъ запустѣнія и природа, постепенно дичавшая, наводили на насъ уныніе; мы, столько стѣснявшіеся толпами народа, теперь съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ вспоминали о шумной и людной жизни большой дороги Маньчжуріи; мысли наши переносились на верховья Сунгари и низовья Нонни, и далѣе, на привольныя пазиты, тучныя поля и оживленныя селенія и города, — въ тѣ пространства, куда въ древности стремились полудикіе народы изъ влажныхъ долинъ и лѣсистыхъ горъ сѣверной Маньчжуріи, чтобы пріучаться къ благамъ гражданственности, подъ вліяніемъ Китая и Борея. — Сопровождавшій насъ Цзяньду приходилъ къ намъ навѣдаться и

сообщилъ намъ, что онъ будетъ сопровождать насъ до самаго Айхуня. Въ Мэргэиѣ есть нѣсколько домовъ Магометанъ; имъ не позволено селиться ни на станціяхъ, ни въ военныхъ поселеніяхъ. Размѣнявъ серебро на монету, мы получили часть ассигнаціями частнаго банка въ Айхунѣ; эти бумажныя деньги ходятъ по всему тракту, отъ Мэргэня до Айхуня. Вечеромъ посѣтилъ насъ тотъ же Чжангинъ, который встрѣтилъ насъ. Онъ не разъ былъ командированъ, въ качествѣ Гусай да (полковника), для обзора границъ съ Россіей и имѣлъ случай познакомиться съ нашими пограничными начальниками; онъ хвалился, что приобрѣлъ себѣ между русскими много друзей, — въ доказательство чего имѣлъ у себя ихъ фотографическія карточки; въ особенности одобрялъ обычай русскихъ, при первомъ знакомствѣ, дарить какія нибудь вещицы; на это мы благоразумно промолчали. Обзоръ границъ производится ежегодно, — лѣтомъ; для этого отправляются изъ Цицихара, Мэргэня и Айгуна полковники со свитами въ разные пункты границы. Для контроля, заведенъ обычай оставлять по границѣ значки; Цицихарскій полковникъ долженъ встрѣтиться по границѣ съ Мэргэньскимъ; они пишутъ на особыхъ дощечкахъ свои имена, годъ, мѣсяцъ и число свиданія, и одну дощечку зарываютъ при корнѣ дерева, другую вѣшаютъ на деревѣ; тоже самое чинятъ полковники Мэргэньскій и Айхунскій при встрѣчѣ. Дозорные слѣдующаго года отыскиваютъ эти дощечки и по возвращеніи представляютъ воеводѣ; объ осмотрѣ границъ ежегодно доносятъ императору. Самъ воевода посѣщаетъ границы только разъ во время своего управленія краемъ. У насъ на границѣ эти компаніи дозорныхъ извѣстны подъ именемъ Торгачиновъ. — Въ дальнѣйшемъ пути нашемъ болѣе не встрѣчались ни Ухэрида, ни Илкида. Кромѣ Солонровъ, мы ни прежде, ни послѣ не видѣли ни одного Бутхана на нашемъ пути; повидимому, всѣ они были въ разбродѣ, на охотѣ, предъ наступленіемъ Чулханъ. Главныя племена (въ границахъ Бутха) суть Солоны и Дахуры. Нѣкогда,

разсказываютъ Китайцы, вся страна Бутха принадлежала Солонамъ, и имя ихъ было, будто бы, такъ славно, что Дахуры и бродячіе Ороньчо считали честію носить имя Солоновъ; даже и нынѣ, въ Пекинѣ, и старшій, и малшій представляютъ себя Солоновъ, какъ націю воинственную и храбрую; можетъ быть, что такъ было прежде; нынѣ же Дахуры во всемъ преимуществуютъ предъ Солонами; сколько мы замѣтили, они болѣе образованы и чаще попадаются въ числѣ чиновныхъ и служащихъ; всякій разъ, когда мы спрашивали встрѣтившагося Дахура, кто онъ, Солонъ или Дахуръ, — онъ поспѣшала отвѣчать: я Дахуръ! такимъ тономъ, какъ будто говорилъ: я римскій гражданинъ. Осѣдая жизнь также легче прививается къ Дахурамъ, чѣмъ къ Солонамъ. Въ старыя времена, тотъ и другой народъ вели кочевую жизнь; императоръ Канси вздумалъ приучать ихъ къ земледѣлію и, распредѣливъ на полки, образовалъ изъ нихъ военно-пахатныя поселенія. Китайскіе писатели увѣряютъ, что названіе Солонъ правильнѣе читается Соэло; однакожь это вовсе не способствуетъ въ разъясненію происхожденія этого загадочнаго племени; вѣроятно же всего, Саэло произвели отъ Сахала, названіе приамурскаго народа, покореннаго Маньчжурами; имя же Солонъ (Солунъ) было извѣстно еще во времена династїи Минъ. Съ другой стороны, названіе Солонъ возбуждаетъ странное сближеніе; извѣстно что монголы называли Корею Солонгъ, откуда, вѣроятно, произошло маньчжурское Сдлхо, Кореецъ; мнѣ кажется несомнѣннымъ, что это названіе заимствовано отъ Синьлѣ (иначе Сялу и Синьлу), нѣкогда три вѣка сряду (по X-й по Р. X.) бывшаго сильнымъ владѣніемъ, обнимавшимъ всю Корею. Въ ту пору также выселена была колонія Корейцевъ во владѣніе Тунфуи, господствовавшихъ до границъ Маньчжурїи; на основанїи этого указанїя, легко можно составить гипотезу о происхожденїи Солоновъ первоначально отъ колонїи Корейцевъ, погертѣвшей измѣненіе отъ вліянія сосѣднихъ племенъ; но подобныя отрывочныя свидѣ-

тельства, безъ новыхъ данныхъ, не могутъ подтвердить гипотезы. Самое вѣроятное предположеніе есть то, что Солонь еуть потомки Урянха, народа малоизвѣстнаго, но несомнѣнно населявшаго страну отъ нынѣшней Ивовой границы на сѣверъ со включеніемъ нынѣшней Бутха. Обыкновенно, нынѣшніе изслѣдователи думаютъ находить остатки Урянха въ аймакѣ Харачинь; даже увѣряютъ, что Урянхай есть имя эконома Чингисханова; но писатели династіи Минъ, знавшіе близко Урянха, описываютъ ихъ, какъ остатки Киданей, при Монголахъ состоявшихъ подъ управленіемъ монгольскихъ воеводъ; они были единоплеменны Монголамъ, но не были Монголы. Эта гипотеза о происхожденіи Солонь мнѣ представляется болѣе вѣроятною. Авторъ записокъ объ Амурѣ упоминаетъ о Солоняхъ русскихъ, изъ Камниханъ (Прибайкалья?), которыя были захвачены во время набѣговъ на маньчжурскія границы, въ 18 вѣкѣ; но онъ смѣшиваетъ Солонь съ Тунгусами, между которыми находитъ сродство.—Дахуры, по голословному указанію китайскихъ изслѣдователей, происходятъ отъ стариннаго аймака Киданей Дахъ; врядъ ли нужно восходить до древности, чтобы отыскивать происхожденіе этого народа; гораздо правдоподобнѣе предположеніе тѣхъ писателей, которые, находя въ языкѣ Дахуровъ много витайскихъ словъ, считаютъ ихъ остатками военнаго поселенія Монголо-витайскаго; дѣйствительно, Монголы имѣли обыкновеніе заводить такія колоніи въ отдаленныхъ владѣніяхъ своихъ, переселяя, для процвѣтанія ихъ, китайскихъ ремесленниковъ и земледѣльцевъ.—Барху суть Халхасцы, нѣкогда удалившіеся отъ нашествія Галдана въ предѣлы Россіи, но потомъ возвращенные и поселенные въ предѣлахъ Хулунъ буйрской области. Есть Барху старые и Барху новые; подъ первыми надобно разумѣть тѣхъ, которые разсѣянно обитали въ Хинъ аньскомъ хребтѣ, на востокъ отъ Хулунъ буйра. Имѣютъ ли Барху отношеніе къ нашимъ Барху-бурятамъ, и сіи въ Бурятъ-Урянхаймъ, иначе лѣснымъ людямъ, о которыхъ упо-

минаетъ Канси, трудно рѣшить. Что касается до названія Барху, то оно, какъ названіе мѣста у Байкала, встрѣчается въ форѣ Барху-чинъ (Баргузинъ) еще при Чингисханѣ; туда бѣжали остатки разбитыхъ Мэркѣ, и они-то, быть можетъ, были родоначальниками нашихъ Бурятъ.—Ороньчѣ и соплеменные имъ Биларъ, въ Цицихарскомъ воеводствѣ, по просту называются Цилинь (правильнѣе Килинь), иначе Ъда цзы; Цилинь, собственно Цилинь, есть названіе урочища, въ которомъ прежде производилась торговля съ Ороньчѣ, нынѣ запрещенная; Ъ дацзы значитъ: дикіе Да цзы; Китайцы и всѣ охотничьи и рыболовныя племена Маньчжуріи называли тѣмъ же именемъ, которое они прилагаютъ къ Монголамъ, съ прибавленіемъ особенныхъ наименованій Ъ, дивихъ, Юй пѣ рыбокожныхъ (по Амуру) и Чанъ м'ю, длинноволосыхъ (въ заливѣ Ольга). Въ Маньчжуріи это названіе Дацзы началось со временъ монгольскаго владычества, когда Монголы назвали Чжурчжитскія племена, обитавшія по рѣкамъ Сунгари и Усури, Шуй дада, или рѣчными Дада; изъ послѣдняго слова, обозначавшаго въ Китаѣ всѣхъ вообще полудикихъ народовъ крайней Азіи, Китайцы сдѣлали Дацзы. Ороньчѣ бутхани раздѣлены на два разряда: 1) Знаменные, или военнопашатные; они причислены къ конницѣ, потому и называются конными, а не въ томъ смыслѣ, что они вмѣсто оленей, употребляютъ коней; 2) пѣшіе, или пѣхотные Ороньчѣ, ведущіе бродячую жизнь и занимающіеся звѣроловствомъ по горамъ и въ лѣсахъ. Конные Ороньчѣ управляются по образцу знаменныхъ войскъ; пѣхотные подчинены избраннѣмъ изъ нихъ, пяти старшинамъ, называемымъ Аньда, или дядькамъ—Биларъ, какъ увѣряютъ, одного племени съ Ороньчѣ и управляются 4-мя Боинко изъ ихъ рода; это племя, повидимому, незначительное.—Что касается до Хунхури, то они будучи присоединены къ Солонамъ, не входятъ въ статистику края.—Подлинно, велика путаница въ этнографіи Маньчжуріи, въ особенности въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ сталкиваются племена

совершенно различны; если углубляться въ исторію страны, то встрѣтятся новыя данныя, удложняющія вопросы. Такъ, кромѣ Тунгусскаго и Монгольскаго племень, которыя нынѣ соприкасаются на окраинахъ Маньчжуріи, нѣкогда были въ Маньчжуріи осѣдлыя колоніи Тюркскаго племени, съ береговъ Енисея: изъ Кэргизъ, Уряххайцевъ и Ханасъ, которыя Хубилай перевелъ (1293) въ Абалаху (облавы), по близости къ Амуру. Трудно сказать, оставила ли эта горсть людей слѣды своего существованія въ сѣверной Маньчжуріи, или изчезла безслѣдно. Говоря о Бутха, нельзя пройти молчаніемъ знаменитый валъ Урнѣ, который идетъ этой страной съ запада, потомъ на югъ, въ Муранъ, или облавныя мѣста, въ предѣлахъ Жохѣ; все, что извѣстно Китайцамъ о немъ, заключается въ томъ, что онъ построенъ, по преданію, какими-то двумя братьями; по преданію же Монголовъ (Шимаревъ), самимъ Чингисханомъ для старшаго сына; у монголовъ онъ называется Хырмынь дзамъ (дорога по валу). Единственное историческое объясненіе этой постройки заключается, пока, въ указаніи жизнеописанія Чингисхана, гдѣ сказано: что преемникъ его, Огодай, обвелъ своей родовой удѣлъ валомъ. Убѣждающіе изъ есылки обыкновенно руководятся этимъ валомъ, для достиженія границъ Китая.

13 іюня.

Отъ Мэргэня мы постепенно вступали въ гористую страну, для перевала черезъ горный кряжъ, называемый Китайцами Хинъ анъ линъ и отдѣляющій бассейнъ Амура отъ бассейна Нонни. Изъ города отправились мы при ясной и свѣжей дождѣ, по пустынной равнинѣ, на которой кое гдѣ видѣлись деревья. За тѣмъ стали подниматься на значительное возвышеніе, пересѣваемое въ разныхъ мѣстахъ ложбинами съ тиною; нѣрѣдка попадались пашни; пашутъ здѣсь на лошадахъ; по верхамъ уваловъ кое гдѣ росъ кустарникъ;

въ ложбинахъ, черезъ трудныя рвы и тины устроены были зыбкіе мосты изъ вѣтвей. Съ послѣдняго высшаго увала мы замѣтили, что впереди возвышенія дѣлались значительнѣе; оттолѣ мы спустились къ усадьбѣ Сн ши лихэ (рѣка въ 40 ли), гдѣ и остановились для отдыха; усадьба стоитъ при опушкѣ лѣса, на полугорьѣ. Хозяинъ былъ изъ знаменныхъ Китайцевъ; передъ тѣмъ, жилъ у него одинъ Ороньчо три дня охотясь въ ближнемъ лѣсѣ; подстрѣливъ дикую козу, онъ содралъ съ нея кожу и взялъ ее себѣ, а мясо отдалъ хозяину за постой, и ушелъ. Хозяинъ предлагалъ это мясо проѣзжающимъ. Въ домѣ этомъ также было изображеніе стрѣльца созвѣздія пса, съ молитвенною надписью: «Храни моихъ дѣтей и внуковъ». Переждавъ короткій дождь, мы отправились вверхъ по горѣ. Съ вершины ея, впереди мы увидѣли гору, возвышавшуюся надъ увалами и называемую Тунъ шанъ цзы (гора при поселеніи); названія горъ и урочищъ здѣсь чисто Китайскія. Мы продолжали ѣхать по уваламъ и черезъ пади, — встрѣчая по вершинамъ вустарникъ и мелкій дубъ; съ послѣдняго возвышенія спустились въ лощину, гдѣ было множество Хуанъ хуа, признавъ болотистаго мѣста, и оттолѣ въ долину, по которой протекалъ ручей. На право видѣлась высокая усѣченная гора Коронанъ, названная по рѣкѣ Королъ, при которой расположена станція того же имени. Природа здѣшняя намъ показалась дикою, пустынною и безжизненною. Видъ длинныхъ голыхъ уваловъ, съ крутыми обрывами, казавшихся низменными, былъ утомителенъ и скученъ; только поднимавшіяся кое гдѣ сопки нѣсколько разнообразили унылую картину; по долинамъ много было завянувшей и блесоной травы, которая придавала полянамъ безжизненный видъ. Станція Королъ есть поселеніе большое; но никто не встрѣтилъ насъ; на улицахъ не было ни одного человѣка, хотя ворота и даже двери домовъ были отворены; по улицамъ бродили только свиньи и собаки; такъ, безъ почета, вѣхали мы въ

станціонный домъ; здѣсь тоже, никого изъ шарикосцевъ не было; всѣ отправились встрѣчать инспектора станцій (Цзѣнь ду), вѣроятно кратчайшимъ путемъ. Вскорѣ однакожь Цзѣнь ду прибылъ и станція наполнилась чинами; кухня задымилась; готовился обѣдъ для нашего гастронома Цзѣнь ду и для толпы незваныхъ гостей, на которую бѣдные станціонные смотрѣли, думаю, какъ на саранчу. На станціи мы встрѣтили двухъ молодыхъ Магометанъ изъ Айхуня, гдѣ они ведутъ торговлю; они объяснялись по русски довольно хорошо; по ихъ разсказу, въ Айхунѣ есть до 60 магометанскихъ домовъ; у нихъ есть мечеть и строгій ахунъ; всѣ они давнѣе переселенцы изъ Шань дуня.

14 іюня.

Весь переѣздъ сего дня былъ по болотистымъ долинамъ. Со станціи мы ѣхали по поемнымъ мѣстамъ рѣки Кордль, черезъ которую мы переправились частію въ бродъ, частію на Вѣйху. Оттолѣ былъ легкій подъемъ въ проходу между двумя холмами; по сторонамъ были пашни; видны были признаки населенія. Проѣздъ по тинистымъ низменностямъ былъ очень труденъ; вездѣ болота; мостовъ никакихъ. Впереди видѣлась гора И цзы шань (Кресельная), названная такъ по сходству съ креслами, и стоящая одиноко; съ одной стороны ея прорывъ, поросшій лѣсомъ; она очень походитъ на потухшій вулканъ; такихъ кратерообразныхъ горъ мы много встрѣчали по этому пути; онѣ господствуютъ надъ длинными низменными горами и долинами. По дорогѣ, мы проѣхали березовой рощею, потомъ черезъ рѣчку Шитау хѣ цзы (каменистую), по мосту, устроенному изъ березовыхъ бревенъ; здѣсь есть поселеніе, вблизи горы Юй цюань шань (нефритоваго ключа). Далѣе по долинѣ, мы переѣхали черезъ быструю рѣчку Мѣнахѣ и прибыли на станцію Мѣнахѣ, заселенную знаменными Китайцами (Хань

цзюнь); этотъ родъ Китайцевъ, какъ свободныхъ переселенцевъ, легко можно было отличить отъ ссыльныхъ, по ихъ свободнымъ приемамъ и виду; дѣти ихъ были милостивы, смѣлы и развязны, — всѣ съ трубами. Выѣхавъ со станціи, мы слѣдовали по болотистой долицѣ извилинами, избирая мѣста повыше; погода стояла туманная и жаркая; въ виду у насъ, на право, была ровная столообразная гора, со всѣхъ сторонъ, отвѣсно спускавшаяся на долину; она какъ будто создана была для построения на ней неприступной крѣпости; скаты горы поросли лѣсомъ; подошва ея омывалась рѣчкой. Мы переѣхали въ болотистой подошвѣ другой горы, съ крутыми скатами, поросшими травою и кустарникомъ; склоны горы пестрѣли разнообразными цвѣтами; многихъ изъ нихъ мы до сихъ поръ еще не видѣли. Отъ горы мы должны были удалиться на другую сторону долины, черезъ деревню и рѣчку, и переѣхали черезъ крутой востокъ; здѣсь настигъ насъ дождь съ холоднымъ противнымъ вѣтромъ. ~~Послѣ того, какъ стало проясняться,~~ мы поднялись на крутой горный отрогъ, заросшій березовымъ лѣсомъ, гдѣ впервые пауты напали на нашихъ муловъ и лошадей; въ открытыхъ мѣстахъ эти кровожадныя насѣкомыя не показывались. Спустившись съ березовой горы на равнину, мы прибыли на станцію Калтаркѣ, расположенную при подошвѣ горы. При этой станціи протекаетъ прежняя рѣчка Монахѣ (на атласѣ Мунархѣ) съ необычайною быстротою и шумомъ. Къ вечеру погода прояснилась. На завтра предстоялъ переѣздъ черезъ хребетъ Хинъ ань, самый трудный на всемъ гористомъ пути, какъ увѣрили насъ всѣ въ одинъ голосъ; но чувство опасенія у насъ уже притупилось и мы равнодушно слушали восклицанія разскащиковъ.

15 іюня.

Утромъ густой туманъ облекалъ всё' окрестности; погода стояла тихая и ясная; мы подъѣхали къ огромной горѣ, за туманомъ едва различая ее; потомъ ѣхали по равнинѣ. Черезъ нѣсколько времени туманъ палъ на землю бѣлыми облаками, солнце засіяло ярко и мы очутились въ великолѣпной долинѣ, огражденной волнистыми высотами, и стали постепенно подниматься на горный переваль, углубляясь въ извилины его; здѣсь мы вступили въ Вѣтци; непроницаемая лѣсная чаща покрывала крутые скаты горъ и густая трава устилала топкія и вмѣстѣ каменистыя подошвы ихъ; почва была влажная; дорога каменистая, сдѣлалось жарко; пауты, единственные обитатели этихъ дебрей, напали на насъ съ остервенѣніемъ. Поднявшись еще выше, мы вступили въ лѣсъ и чрезъ нѣсколько времени, вдругъ, выѣхали на ровную и открытую террасу вершины перевала; намъ бросились въ глаза красныя стѣны, триумфальныя арки, павильоны, башенки и черепичныя крыши китайской кумирни, которая какъ будто случайно, заброшена была въ эту пустынную, угрюмую и дикую мѣстность; мы не были предупреждены заранѣе о такой встрѣчѣ и въ ту пору, какъ воображеніе наше населяло дремучіе лѣса горъ тиграми и медвѣдями, и поѣздъ нашъ медленно подвигался впередъ, сопровождаемый жужжаніемъ паутовъ, при дикихъ крикахъ возницъ и стукѣ колесъ по каменистой дорогѣ, мы вдругъ попали какъ будто во внутренній Китай; мы тотчасъ же въѣхали во дворикъ, устроенный при кумирнѣ, съ большимъ куревомъ отъ овода. Тамъ встрѣтилъ насъ Лао дао, добровольный смотритель кумирни, съ нѣсколькими другими отшельниками изъ мірянъ, и ввелъ насъ въ большую комнату, съ жаровнею у наръ, въ которой кипѣлъ чайникъ съ водою; измученные пѣшеходнымъ подъемомъ на гору, мы сейчасъ же принялись за горячій чай, безцѣнное достоинство котораго мы тысячу разъ имѣли случай испытать. Надъ дверьми ком-

паты прикрѣплена была доска, на которой большими китайскими буквами начертано было: Хинъ анъ лянъ, т. е. хребетъ Хинъ анъ. На этомъ мѣстѣ высшій пунктъ перевала; отсюда тотчасъ же начинается спускъ на другую сторону хребта; по этому случаю Айхунъцы и построили тутъ кумирню, посвятивъ ее, по обыкновенію, Гуанъ дѣ; впрочемъ, въ ней есть отдѣленія въ честь и другихъ божествъ, особенно чествуемыхъ китайскимъ народомъ: Гуанъ инъ, Цай шень (богатства), Шанъ шень (горъ), Хо шень (огня), Луанъ ванъ (дожда), Маванъ (лошадей), Го ванъ (врачества), такъ что проѣзжіе всѣхъ сословій и вѣръ китайскихъ могутъ удовлетворить здѣсь своимъ религіознымъ чувствамъ. Служители боговъ, міряне, взявшіе на себя заботу о поддержаніи кумирни и сженіи курительныхъ свѣчей передъ кумирами; они живутъ доброхотными подаяніями; есть также при кумирнѣ небольшая пашня и огородъ; всѣ эти анахореты изъ ссыльныхъ Ло ху; главный изъ нихъ, родомъ Сычуанецъ, человекъ благоприличнѣйшій, но съ болѣзненнымъ лицомъ и съ тѣмъ-страдальческимъ и пугливымъ выраженіемъ, которое мы замѣчали почти у всѣхъ ссыльныхъ, и которое было слѣдствіемъ, быть можетъ, не столько сознанія совершенныхъ ими преступленій, не всегда дѣйствительно доказанныхъ, сколько продолжительной процедуры китайскаго правосудія и тюремныхъ испытаній. Другой былъ Шаньдунецъ, глубокой старикъ, но съ живыми глазами, которые избѣгали прямаго взгляда постороннихъ людей. Кромѣ того, было при нихъ нѣсколько молодыхъ людей. Лао дао угостилъ насъ завтракомъ изъ яицъ и колодезной водой со льдомъ, который въ колодцѣ не таетъ все лѣто. Кумирня увѣшена надписями отъ разныхъ лицъ, преимущественно чиновныхъ, начиная отъ воеводы до Битхэши включительно; въ одной надписи авторъ ея молить Гуанъ дѣ «просвѣтить здѣшнюю тигровую страну» — разумѣется, свѣтомъ китайскаго просвѣщенія. По разсказу Лаодао, въ этихъ горахъ медвѣдей нѣтъ, тигры водятся; въ 3 лунѣ (апрѣль),

во время таянія снѣговъ, и въ сильные дожди, дорога черезъ хребетъ рѣшительно непроѣзжаема. Отдохнувъ въ Лаоѣ мѣо, мы стали спускаться съ горы; спускъ былъ удобнѣе, чѣмъ подъемъ, но выдавались мѣста чрезвычайно трудныя; надобно было ѣхать и идти по торчащимъ изъ земли острымъ камнямъ. Мы спустились въ долину, окруженную лѣсомъ, по которой ѣхали, черезъ береговья рощи; на встрѣчу намъ шла туча; слышны были удары грома; спустившись съ каменистой крутизны, мы остановились переждать дождь, который хлынулъ на насъ съ сильными ударами и раскатами грома; дождь былъ лѣтній, безъ вѣтра, крупный ливень; мы спаслись отъ него подъ высокія березы, забывъ опасность такого пристанища во время грозы; не гостеприименъ былъ для насъ Хинъ аньскій хребетъ; по минованіи дождя, мы отправились далѣе и нѣсколько разъ переѣхали черезъ одинъ и тотъ же ручей, который, на нашихъ глазахъ, превращался въ рѣчку; каждый переѣздъ черезъ него доставался намъ тяжело, отъ груды камней, которыми завалены были берега и ложе его. Наконецъ прибыли на станцію Кумуръ, расположенную на этой рѣчкѣ, среди горъ. На дорогѣ встрѣтилъ насъ посланный изъ Айхуня Финдэ бошкѣ.

16 июня.

Погода была ясная и тихая; мы переѣзжали долины, переправляясь черезъ встрѣчавшіеся увалы, — отпрыски Хинъ-аньскаго хребта, — между прочимъ, черезъ значительный горный отрогъ, поросшій рѣдкимъ лѣсомъ, и потомъ черезъ большой переваль; отголѣ, проѣхали мимо хугора, съ кладбищемъ и кумирней. Затѣмъ, спустились въ долину, и прибыли на станцію Эюйръ, расположенную при подошвѣ возвышенія, на окраинѣ болотистой долины, по которой мы ѣхали; здѣсь мы остановились для отдыха. Небо было безоблачно, погода тихая, становилось жарко и пауты начали

свои преслѣдованія, осаждая насъ и въ комнатѣ. Дальнѣйшій переѣздъ нашъ былъ крайне труденъ и утомителенъ; попадались частыя тины и болота; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были наскоро живыя гати изъ березовыхъ цалокъ, черезъ которыя съ трудомъ можно было пройти пѣшкомъ; на одной изъ такихъ мостовыхъ одинъ изъ нашихъ возковъ опрокинулся въ болото, вмѣстѣ съ мулами. Мы проѣхали долину, съ врытыми каменистыми окраинами, и переправились черезъ ручей; здѣсь были два домика, въ родѣ завода, для сдиранія и выдѣлки бересты; далѣе переѣхали значительное возвышеніе, и оттуда спустились въ болото, въ которомъ нѣкоторые изъ насъ оставили свою обувь. Трудненько было сохранить благодушіе и стать выше дорожныхъ случайностей въ этомъ тяжеломъ горномъ переѣздѣ, когда нужно было большею частію идти пѣшкомъ, подъ солнечнымъ жаромъ, то на горы, то по топкимъ болотамъ; дорога мѣстами была камениста, чаще съ глубокими колеями и промоинами, съ тяжелыми подъемами, опасными спусками, топкими болотами и душегубными гатями, съ присоединеніемъ неутомимыхъ лѣсныхъ враговъ, паутовъ; пауты здѣсь истинная язва для скота и людей; они всѣхъ возможныхъ размѣровъ, вида и цвѣтовъ; отъ укушенія ихъ кровь струилась на тѣлѣ муловъ и лошадей, въ особенности на шеѣ и груди; болѣе всего паутовъ въ березовыхъ лѣсахъ; едва чуяли они наше приближеніе, какъ цѣлыми роями, съ угрожающимъ жужжаніемъ, вылетали изъ мрачной тайги и съ яростію нападали на нашъ поѣздъ. Не противъ этихъ ли злыхъ геніевъ Вѣдзя, древніе обитатели ихъ, умудрились дѣлать платье изъ свиной щетины? Переѣхавъ еще перевалъ два, мы наконецъ увидѣли наше пристанище, одинокую кумирню, Лао ѣ мяо; кругомъ никакого жилья. Въ кумирнѣ тоже были Лао дао изъ ссыльныхъ пекинскихъ солдатъ; они были бойче и развязнѣе, чѣмъ ссыльные другихъ сословій; но глаза всетаки измѣняли имъ. Кумирня стоитъ въ лоцинѣ, близъ оврага,

въ которомъ протекаетъ ручей; за этимъ ручьемъ поднимается на востокъ отлогій уваль, ведущій на послѣдній особый переваль, съ котораго спускаются въ бассейнъ Амура; хотя этотъ горный отрогъ составляетъ часть системы Хинъ аня, или окраину ея къ Амуру, но Китайцы считаютъ его отдѣльнымъ хребтомъ и величаютъ именемъ Куанъ ань линъ, т. е. хребтомъ обширнаго спокойствія, какъ и было начертано на доскѣ въ приѣмной залѣ кумирни; во время таянія снѣговъ и дождей переѣздъ черезъ Куанъ ань линъ чрезвычайно труденъ; поэтому, говорилъ Лао дѣо, и устроена здѣсь кумирня въ честь хребта и для отдыха путешественниковъ. На это мы внушительно замѣтили ему, что вмѣсто построенія кумирень, гораздо полезнѣе было бы по немногу исправлять дорогу, чтобы не доводить путешественниковъ до гибели, или до безобразія; Лао дѣо принялъ наши слова за шутку. Путешествіе утомило насъ, и намъ не вѣрилось, что завтра увидимъ Амуръ и за нимъ нашъ родной край, и покинемъ эту тигровую страну. Лао дѣо, подавая намъ кпятку для чая, увѣрялъ насъ, что это вода Амура, проникающая подземными каналами въ колодезь кумирни; мы приняли благодушно это предположеніе и нашли чай вкуснѣе и пріятнѣе. И такъ мы здѣсь простились съ Хинъ ань линомъ; кракъ этотъ не слишкомъ высокъ; исключая нѣкоторыхъ пиковъ или сопокъ, вершины его, большею частію, округленныя; не это ли мягкое и спокойное очертаніе хребта и отроговъ его подало Китайцамъ мысль дать благовѣщее наименованіе водворенія спокойствія (Хинъ ань) системѣ горъ безконечнаго протяженія?

17 іюня.

Утромъ небо было сумрачно; Куанъ ань линъ облеченъ былъ бѣлымъ покровомъ тумана; погода была тихая. Со ставціи мы спустились въ каменистый оврагъ и, пере-

ѣхавъ ручей, стали подниматься на длинное возвышеніе, по-
росшее рѣдкимъ лѣсомъ; оттолѣ, повидимому, начался по-
степенный спускъ, увалами и лощинами; мы ѣхали по вер-
шинамъ отроговъ; по сторонамъ открывались передъ взорами
глубокія зеленыя долины, однѣ съ рощами, другія безлѣсныя;
дорога была гладкая, по твердому песчаному грунту; поляны,
по сторонамъ дороги, усажены были великолѣдными цвѣтами,
преимущественно большими бѣлыми (піоны); поѣздка была
чрезвычайно пріятная по этимъ цвѣтущимъ возвышенностямъ,
которыя коварно прикрывали дикія дебри и болота. Мы были
на вершинѣ одного увала, когда вдаль, на туманной рав-
нинѣ, блеснулъ широкій Амуръ; съ послѣдняго возвышенія
былъ крутой спускъ на Амурскую равнину; мы въ полчаса вре-
мени спустились на болотистую, ровную и мелкогравную
мѣстность; проѣхали поселеніе Турби, гдѣ прежде была
станція, и слѣдовали далѣе близъ оврага съ рѣчкой; затѣмъ
переѣхали въ бродъ быструю и довольно глубокую рѣчку
Гунъ бѣ (самець - черепахъ) названіе это наши вошки
нашли въ высшей степени неприличнымъ. Близъ дороги были
кое-гдѣ пашни; мы остановились на станціи Хэлунъ цзѣнъ
чжанъ (Амурской), послѣдней въ нашемъ путешествіи; стан-
ція устроена на горномъ мысѣ, выдающемся на равнину.
Здѣсь мы узнали, что въ Айхунѣ приготовлено для насъ по-
мѣщеніе въ домѣ фирмы Ихэ сѣнъ, имѣющемъ дѣла съ Рус-
скими. На этой станціи одинъ старый Маньчжуръ выразилъ
предположеніе, что мы спѣшимъ въ Айхунъ, для принятія
участія въ рѣшеніи спора объ урочищѣ Таипинъ гау (Падь
Мира), находящемся по ту сторону Амура и незаконно за-
нятомъ, будто бы, Русскими. Мы не имѣли никакого по-
нятія ни о вопросѣ касательно Пади Мира, ни о самой
пади; очевидно, что это былъ современный мѣстный инте-
ресъ въ Айхунскомъ краѣ. По выѣздѣ со станціи, мы
встрѣтили посланца отъ Айхунскаго Амбана, съ его визит-
ной карточкой и съ выраженіемъ желанія видѣться съ нами.

Вслѣдствіе дорожныхъ затрудненій и усталости, мы отклонили предложеніе Амбаня. Съ послѣдняго возвышенія мы увидѣли Айхунь, раскинувшійся по берегу, въ видѣ длиннаго села, и песчаные берега Амура. Надобно было перенести послѣднее дорожное испытаніе, переѣхать длинный подгнившій мостъ, или бревенчатую гать черезъ болото; на другомъ концѣ этой костоломной мостовины построена кумирня, въ которой путешественники, вѣроятно, благодарятъ боговъ за цѣлость своихъ костей и экипажа, по переѣздѣ черезъ нее; подъѣзжая къ городу, мы напрасно отыскивали глазами аллеи деревъ, которыми, по описаніямъ, обсаженъ Айхунь съ трехъ сторонъ (четвертой онъ примыкаетъ къ рѣкѣ); отъ аллеи осталось нѣсколько одинокихъ деревъ; городъ обнесенъ бревенчатымъ тыномъ, какъ Мэргэнь. Насъ повезли кругомъ города, въ предмѣстіе, прилегающее къ рѣкѣ, и ввезли въ Ханъ, или магазинъ Ихэсинъ. Здѣсь встрѣтилъ насъ переводчикъ Сахаровъ и затѣмъ являлись чины одинъ за другимъ; въ послѣдній разъ списали найму подорожную. Амбань непременно хотѣлъ видѣться съ нами и прислалъ намъ китайскій обѣдъ; мы просили отсрочки до прибытія въ Благовѣщенскъ, но онъ самъ посѣтилъ насъ. Извѣстенъ онъ за человѣка ловкаго; много говорилъ о временахъ пограничныхъ переговоровъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе въ качествѣ дѣлопроизводителя, и приписывалъ себѣ честь успѣха нашего. Мы простились съ нимъ дружелюбно; тѣмъ не менѣе онъ разставилъ повсюду вѣстовыхъ, чтобы узнавать, что мы предпримемъ далѣе. Въ Айхунѣ мы наняли 4 телѣги, для отправленія нашихъ вещей въ мѣстечко Сахалинъ, расположенное насупротивъ Благовѣщенска, или, какъ Китайцы называютъ, Чернорѣчья (Хэй хэ), откуда они на другой день были переправлены въ Благовѣщенскъ. Отъ Айхуна до Сахалина считается 70 ли по берегу рѣки; самъ же я, съ переводчикомъ С., переѣхалъ Амуръ у Айхуна, на двухъ связанныхъ вмѣстѣ вѣй ху; лодочники были изъ рѣчнаго вѣ-

домства; это тоже особый классъ потомковъ ссыльныхъ Китайцевъ, переведенныхъ сюда изъ Гирина. Вода въ Амурѣ, отъ грунта ли, или отъ примѣси минеральныхъ частицъ, какъ будто слегка окрашена сепіею, что подало туземнымъ племенамъ поводъ назвать ее черною. По переѣздѣ черезъ рѣку, мы сѣли въ тарантасъ, запряженный тройкой, и покатились по ровной и гладкой дорогѣ, вверхъ по берегу Амура; отъ мѣста перевоза до станціи считается 12, а отъ станціи до Благовѣщенска 25 верстъ; по другую сторону Амура видѣлись переднія террасы Хинъ аня, низменные и смиренные издали; на нашей сторонѣ разстилалась пространная луговая равнина; дорога пролегла, главнымъ образомъ, по поселеніямъ Дахуровъ, Маньчжуръ и китайцевъ; странно, что эти чужіе поселенцы на нашей землѣ какъ-то чуждаются русскихъ и неохотно вступаютъ съ ними въ разговоръ. На станціи, мы перемѣнили лошадей и отправились по лугамъ; курчавые казаки въ красныхъ рубахахъ уже собирали сѣно въ стоги; медлить, говорили, было нельзя; іюль, обыкновенно, бываетъ дождливый, да и трава тогда грубѣе. По дорогѣ попадались намъ бѣдно одѣтые военные люди, въ родѣ бродягъ; это военные переселенцы изъ Россіи, солдаты, обязанные быть казаками, или казаки обязанные быть солдатами, не помню въ точности. На землѣ китайскихъ колонистовъ мы проѣхали мимо городища Айху (соболье). Китайскіе археологи полагаютъ, что это остатки Монгольской крѣпости Хэй лунъ вэй; но съ такою же вѣроятностію можно предположить, что тутъ было еще при династіи Танъ, Хэй шуї фу; современемъ, несомнѣнно, найдутся монеты въ этихъ развалинахъ, какъ находятся онѣ во всѣхъ китайскихъ построеніяхъ. Въ началѣ нынѣшней династіи здѣсь обиталъ народъ Сахалянъ, имѣвшій много и другихъ городищъ и покоренный Маньчжурами.— Мы прибыли на перевозъ черезъ широкую Зею, недалеко отъ слиянія ея съ Амуромъ; у Маньчжуровъ она называется Цзѣнкири, у Китайцевъ —

Желтою рѣкою (Хуанъ хэ); переправлялись мы очень долго, при тихой, ясной и прохладной погодѣ; надобно было огибать отмели; на противоположномъ берегу рѣки, среди пустырей, видѣлись нѣсколько плотовъ, мукомольное заведеніе (кажется бывшее) и выше, по берегу, архіерейскій домъ, а далѣе на ю.-в., верстахъ въ 4-хъ разстояніи, блестяла отъ лучей заходящаго солнца глава Благовѣщенскаго собора. По переправѣ черезъ рѣку, мы взяли вправо и прибыли въ архіерейскій домъ, въ которомъ я встрѣтилъ радушный пріемъ и нашель спокойный пріютъ. Преосвященнаго не было дома; онъ отправился обозрѣвать свою пространную епархію. Домъ построенъ на самомъ берегу Зея; вода этой тихой на видъ рѣки считается лучше амурской; мѣстоположеніе здѣсь выше, чѣмъ Благовѣщенска; поэтому въ случаѣ затопленія послѣдняго, что возможно по мнѣнію нѣкоторыхъ, вѣроятно на основаніи показанія какого нибудь стараго Ороньчо, здѣшній высокій берегъ Зея останется неприкосновеннымъ.

УПАВЛЕНІЕ

ОТЪ С. ПЕТРА ДО С. АЛЕКСАНДРА

НА КАРТАХЪ

ИЛИ

НА ПЛАНѢ

С. ПЕТРА ДО С. АЛЕКСАНДРА

Масштабъ 1:100,000

112
483

